

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

ГОГЛЕВА

Ксения Юрьевна

**СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ
КАК ГАРАНТИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Астафичев Павел Александрович

Санкт-Петербург – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования судебного конституционного контроля в юридической науке	20
§ 1. Судебная власть в системе разделения властей и взаимодействии с иными органами публичной власти	20
§ 2. Историко-правовые основания возникновения и развития института судебного конституционного контроля как средства обеспечения системы «сдержек и противовесов»	46
Глава 2. Материально-правовое регулирование судебного конституционного контроля	71
§ 1. Компетенция органов судебного конституционного контроля по взаимодействию с органами публичной власти, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами	71
§ 2. Классификация форм осуществления судебного конституционного контроля и его современные модели	96
Глава 3. Процессуальные основы осуществления судебного конституционного контроля	120
§ 1. Основные принципы и формы процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля по обеспечению баланса ветвей власти	120
§ 2. Решения органов судебного конституционного контроля, их виды и механизм правовой имплементации	148
Заключение	175
Библиографический список	178
Приложения	226

Введение

Актуальность темы исследования. Конституционное правосудие в современной России весьма прочно утвердилось в качестве систематизированного и развитого конституционно-правового института, оказывающего существенное влияние на гарантирование надлежащего конституционного правопорядка в обществе. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации об официальном толковании Конституции России и об оценке конституционности оспариваемых норм законодательства приобрели свойство надежного фундамента в обеспечении равенства субъектов властеотношений перед законом, защиты и охраны прав и основных свобод человека¹, эффективной деятельности органов публичной власти в реализации конституционных отношений, основанных на разделении, равновесии, сотрудничестве и взаимном контроле ветвей власти. Это соответствует общемировой тенденции широкого распространения деятельности органов конституционной юстиции, реализуемой в дифференцированных моделях и формах, различающихся материальными и процессуальными основами деятельности, но объединенных общим смыслом обеспечения верховенства Конституции страны.

В современной России развитие интереса к проблематике организации и деятельности конституционной юстиции актуализируется вследствие продолжительной и, отчасти, критически направленной общественной полемики по поводу принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ от 2020 года. Данные конституционные новеллы и последующие за ними изменения (от 09.01.2020 г. и 01.07.2021 г.) в Федеральном конституционном законе от 21.04.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в значительной степени пересмотрели институциональные основы деятельности Конституционного Суда РФ как органа судебного конституционного контроля: из

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/event/president/messages/62582> (дата обращения: 13.02.2022).

117 статей, содержащихся в прежней редакции указанного Закона, претерпели изменения 83, что составляет примерно 70 % от общего объема нормативного акта. В результате произведенной реформы уменьшилось общее число судей (с 19 до 11); изменен порядок прекращения полномочий судей (теперь они могут быть прекращены решением Совета Федерации по представлению главы государства); скорректирована структура руководства Суда (введена одна должность заместителя председателя Суда вместо двух); расширена компетенция этого органа (например, введен предварительный конституционный контроль в форме проверки законопроектов по запросу Президента РФ); введен запрет на публикацию особых мнений судей. В новой редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» добавлено три новые главы, регламентирующие порядок производства по отдельным категориям дел, что также требует доктринального осмысления и обоснования.

При этом остаются малоизученными и недостаточно разработанными в конституционном праве России понятия «судебного конституционного контроля», «баланса ветвей власти» и их реализации в правовой системе применительно к деятельности конституционного правосудия. Нуждаются в дальнейшем теоретическом исследовании проблемы разумного ограничения власти, разделения ветвей власти, всестороннего и полноценного обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, что является основным смыслом содержания правовой системы российского общества, особо подчеркнутым Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе Ежегодной пресс-конференции, состоявшейся 23 декабря 2021 г.: «...у нас разделение властей: есть исполнительная, законодательная, судебная. Ясно, что в каждой стране на каждом этапе её развития существуют определённые нюансы, связанные с полномочиями этих властей. Мы будем стремиться к тому, чтобы они работали отдельно, чтобы страна была сплочённой, эффективной...».¹

¹ Ежегодная пресс-конференция Президента Российской Федерации В.В. Путина от 23.12.2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/event/president/news/67438> (дата обращения: 13.02.2022).

Представляется, что легальная возможность оспаривания *законов* с целью установления их конституционности, т.е. соответствия *праву*, а также разрешения публично-правовых конфликтов в системе государственных отношений посредством судебного конституционного контроля – надежная гарантия реализации государственных устремлений, состоящих в обеспечении принципа разделения властей и эффективности системы «сдержек и противовесов», направленной не только на разграничение компетенции «по вертикали» и «по горизонтали», но и на выстраивание надежного и конструктивного взаимодействия органов единой системы публичной власти¹.

Подобные проблемы в современной России еще не разрешены, они требуют адекватного внимания в теории, законодательстве и правоприменительной практике с учетом необходимости, с одной стороны, разумного использования положительного зарубежного опыта, с другой – обеспечения национальных интересов страны, ее историко-правовых традиций и современных политико-правовых приоритетов. В связи с этим заявленная тема диссертационного исследования представляется достаточно актуальной как в теории конституционного права, так и в публично-правовых (государственно-правовых) науках в целом.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы судебного конституционного контроля занимают ведущее место в конституционно-правовых изысканиях отечественных и мировых исследователей. В дореволюционной России вопросами теоретического осмысления данного понятия, анализа практики его реализации в зарубежных странах и возможностей его становления в России занимались такие ученые, как Э.Н. Берендтс, Е.В. Васьковский, В.Н. Дурденевский, М.В. Ковалевский, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, Л.А. Шаланд; их работы послужили основанием для проведения исследований С.С. Алексеева, И.П. Ильинского, В.Ф. Котока, И.Н. Кузнецова,

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/event/president/messages/62582> (дата обращения: 13.02.2022).

Б.М. Лазарева, В.С. Нерсисянца, М.А. Нуделя, М.А. Свистунова, М.А. Шафира, Б.В. Щетинина, Ю.Л. Шульженко и ряда других выдающихся государствоведов.

На рубеже XX-XXI вв. проблемы определения роли судебных органов конституционного контроля (как федерального уровня, так и регионального) в системе правовой охраны Конституции РФ стали предметом исследования многих отечественных учёных: С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, П.А. Астафичева, М.В. Баглая, П.Д. Баренбойма, Н.С. Бондаря, О.В. Брежнева, Н.А. Богдановой, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, Г.А. Гаджиева, Д.Л. Златопольского, В.Д. Зорькина, В.Т. Кабышева, А.А. Клишаса, С.Д. Князева, И.А. Кравца, В.А. Кряжкова, О.Е. Кутафина, А.А. Ливеровского, В.О. Лучина, А.В. Мазурова, М.А. Митюкова, Т.Г. Морщаковой, С.Э. Несмеяновой, Ж.И. Овсепян, М.С. Саликова, С.Л. Сергевнина, А.А. Троицкой, О.И. Тиунова, Е.В. Тарибо, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Д.Г. Шустрова, Б.С. Эбзеева, и др.

Проведение всестороннего анализа различных аспектов осуществления судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей предполагает необходимость проведения сравнительно-правового исследования развития данного института в России и зарубежных странах, что обуславливает использование в качестве источников работ известных зарубежных государствоведов и философов права: Г.Г. Арутюняна, Дж.М. Балкина, А. Барака, А. Блакенагеля, Д. Барри, Г.А. Василевича, А. Гамильтона, Дж. Гарви, Т. Джефферсона, Дж. Джея, Г. Еллинека, Г. Кельзена, Т. Маунца, Дж. Медисона, Ш. Монтескье, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Дж. С. Милля, Д.Э. Пилия, Вера О. Парра, А. де Токвиля, Л. Фридмэна, А. Шайо, Г.А. Швамоняна и др.

Ценность данных научных исследований тем более высока, что многие из вышеупомянутых авторов были непосредственно вовлечены в практику осуществления конституционного контроля на различных этапах его становления. Следовательно, сформированные ими обобщения, выводы и предложения имеют не только теоретическое, но и важное практическое основание.

Проведенный анализ диссертационных исследований по вопросам изучения судебного конституционного контроля в Российской Федерации и зарубежных

странах показал, что большинство исследований связано с предметным изучением специализированных органов конституционного правосудия, квазисудебных органов в институциональных основах их функционирования, а также с определением, скорее, общего понятия судебного конституционного контроля (в связи с этим наибольший интерес, на наш взгляд, представляют работы С.Э. Несмеяновой «Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации»¹; М.А. Свистуновой «Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда»²; Е.В. Тарибо «Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного контроля»³). Некоторые из них посвящены сравнительно-правовому аспекту исследования судебного конституционного контроля: А.А. Клишаса «Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах»⁴; Ж.И. Овсепян «Судебный конституционный контроль в зарубежных странах»⁵, К.А. Половченко «Конституционная юстиция в России и Украине (сравнительно-правовой анализ)»⁶ и т.д.

Однако комплекс проблем, связанных с правовым регулированием осуществления судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в Российской Федерации остается не до конца теоретически осмысленным и всесторонне изученным, так как состоявшиеся исследования по данному предмету рассмотрения не имеют комплексного характера и, как правило, лишь фрагментарно рассматривают вопрос роли органов конституционной юстиции в

¹ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 50 с.

² Свистунова М.А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2007. 40 с.

³ Тарибо Е.В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 522 с.

⁴ Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 571 с.

⁵ Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. 451 с.

⁶ Половченко К.А. Конституционная юстиция в России и Украине (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с.

обеспечении реализации данного конституционного принципа. Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить вышеуказанные пробелы.

Объектом исследования является система общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в Российской Федерации.

Предмет исследования – конституционно-правовые нормы, федеральные законы, подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по обеспечению гарантии разделения властей при реализации функций судебного конституционного контроля; складывающаяся на этой основе правоприменительная практика; а также научные труды российских и зарубежных ученых, посвященные данной проблематике.

Цель исследования – разработка теоретических основ и формирование научных представлений об институте судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в отечественной правовой системе, выявление существующих в этой области проблем, разработка рекомендаций, законодательных и нормотворческих предложений по совершенствованию существующей практики государственной деятельности в данной сфере.

Для достижения указанной цели определены и разрешены следующие **задачи**:

- определена роль и значение судебной власти в системе разделения властей и взаимодействии с иными органами публичной власти;
- проведено обобщение историко-правовых оснований возникновения и развития института судебного конституционного контроля как средства обеспечения системы «сдержек и противовесов»;
- проанализировано современное состояние конституционно-правового регулирования осуществления судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в Российской Федерации и определены его недостатки;

- раскрыта компетенция органов судебного конституционного контроля по взаимодействию с органами публичной власти, законодательными органами, судами, гражданами и общественными объединениями;

- произведена классификация видов и моделей конституционного контроля; форм и моделей судебного конституционного контроля, доказана их роль в качестве детерминирующих факторов, определяющих не только правомочие, но и эффективность обеспечения специализированным конституционно-контрольным органом гарантии разделения властей;

- определены основные принципы и формы процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля по обеспечению баланса ветвей власти;

- раскрыты перспективные направления оптимизации законодательства Российской Федерации в сфере имплементации решений высшего органа судебного конституционного контроля как гарантии обеспечения баланса ветвей власти.

Методологическая основа диссертационного исследования. Для достижения цели исследования были использованы общенаучные и частно-научные методы познания, выработанные и апробированные юридической наукой. Диалектический метод позволил изучить исследуемый правовой институт во взаимосвязи и развитии с близкими правовыми явлениями и категориями; исторический метод – проследить истоки и основные тенденции генезиса института судебного конституционного контроля в отечественной и зарубежной конституционной доктрине и практике. Сравнительно-правовой метод применен в целях выявления сходств и различий в институциональных основах деятельности органов судебного конституционного контроля Российской Федерации и зарубежных государств, а также выработке на их основе рекомендаций по совершенствованию отечественной нормативно-правовой базы в целях повышения эффективности и гарантированности принципа разделения властей. Формально-юридический метод применен при анализе нормативно-правовых источников, регламентирующих деятельность Конституционного Суда Российской Федерации

и органов судебного конституционного контроля зарубежных стран. Метод анализа и систематизации судебной практики составил основу для выявления имеющихся проблем в деятельности органов конституционной юстиции и реализации их решений, в том числе – по обеспечению баланса ветвей власти.

Теоретическую основу исследования составили доктринальные труды известных отечественных ученых в области конституционного права и конституционного судебного процесса: С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, П.А. Астафичева, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, О.В. Брежнева, В.Д. Зорькина, Г.А. Гаджиева, В.Г. Кабышева, А.А. Клишаса, Г.Н. Комковой, В.А. Кряжкова, А.А. Ливеровского, М.А. Митюкова, Т.Г. Морщаковой, Ж.И. Овсепян, С.Э. Несмеяновой, М.С. Саликова, А.А. Троицкой, Е.В. Тарибо, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Ю.Л. Шульженко, Б.С. Эбзеева и др.

Также изучены и проанализированы исследования зарубежных ученых-государствоведов и философов права: Г.Г. Арутюняна, А. Блакенагеля, Г.А. Василевича, Т. Джефферсона, Г. Кельзена, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Шайо, Г.А. Швамоняна и др.

Учитывая многоаспектность и сложность объекта диссертационного исследования, автор использовал труды ученых в области административного права, а также научные работы в области теории государства и права: С.С. Алексеева, В.С. Анохина, М.И. Байтина, П.Д. Баренбойма, И.А. Ильина, Н.А. Колоколова, А.В. Мартынова, М.Н. Марченко, Ю.Л. Скуратова, Ю.Н. Старилова, Ю.А. Тихомирова, и т.д.

Нормативной базой настоящего исследования послужили Конституция РФ и конституции и основные законы ряда зарубежных государств (Федеративной Республики Германия, Соединенных Штатов Америки, Республики Франции, Швейцарии и т.д.), в число которых входит и ряд государств бывшего Советского Союза: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и др.; международные и региональные правовые акты (Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.; Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря

1948 г.); Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.; Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; органические законы, регламентирующие статус органов судебного конституционного контроля зарубежных стран; иные федеральные конституционные законы; федеральные законы; указы Президента РФ; постановления Правительства РФ. Особое внимание в диссертационной работе уделено отечественным и зарубежным нормативным правовым актам и юридическим документам, которые утратили юридическую силу.

Эмпирическая основа диссертационного исследования охватывает широкий круг аналитических материалов о деятельности органов конституционной юстиции: Информационно-аналитические отчеты Конституционного Суда РФ об исполнении решений, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2012-2021 гг., Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда РФ (по сост. на 15.07.2022 г.) Министерства юстиции РФ; статистические и социологические данные опросов общественного мнения граждан Российской Федерации: об отношении граждан к деятельности института судебной власти за период 31.01.2020-31.05.2022 гг. (по данным всероссийского телефонного опроса омнибусного типа по методике «ВЦИОМ-СПУТНИК» 1600 респондентов, представляющих не менее, чем 80 регионов Российской Федерации, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения в 2022 году); об уровне конституционной культуры граждан Российской Федерации, приоритетных, на их взгляд, правах и свободах (Аналитический обзор: «Конституция РФ: наши права и свободы» Всероссийского центра измерения общественного мнения в 2018 г.); об отношении граждан РФ к конституционным поправкам 2020 г. (опрос общественного мнения ВЦИОМ «Рейтинг поправок к Конституции» в марте 2020 года); данные официальной оценки показателя индекса независимости судебной системы Российской Федерации, рассчитанного исходя из экспертных оценок Всемирного экономического форума в 2018 году; материалы

судебной практики Конституционного Суда РФ, а также зарубежных органов судебного конституционного контроля.

Научная новизна исследования определяется тем, что представленная диссертация является одной из первых работ, посвященных научному анализу судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в Российской Федерации и его модификации вследствие реализации положений конституционной реформы 2020 года, в ходе которой существенно реформирована система органов публичной власти, к числу которых относится и высший отечественный орган конституционной юстиции.

К элементам научной новизны следует отнести следующие теоретические и прикладные результаты проведенного диссертационного исследования:

- *определено значение судебной власти в системе разделения властей, сделан вывод о превалировании функционального подхода к системе их баланса в современных демократических правовых государствах;*
- *представлен авторский подход к судебному конституционному контролю как неотъемлемой части единой системы государственной конституционно-контрольной деятельности, которая не может быть эффективной без активного взаимодействия всех ее элементов;*
- *предложена авторская классификация современных моделей и форм осуществления судебного конституционного контроля;*
- *дана характеристика предварительному конституционному контролю как новой форме отечественного судебного конституционного контроля;*
- *обоснована необходимость изменения критериев оценки результативности деятельности Конституционного Суда РФ как высшего органа судебного конституционного контроля.*

По результатам проведенного исследования сформулированы предложения по внесению изменений в нормативные правовые акты, регулирующие вопросы осуществления судебного конституционного контроля в Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Установлено, что конституционное правосудие является самостоятельным видом государственной деятельности, для которого характерны общие признаки осуществления судебной власти и, одновременно с этим, ряд специфических черт и особенностей, которые следуют из реализуемой Конституционным Судом Российской Федерации публичной функции конституционного контроля. Будучи судебным органом государства, Конституционный Суд РФ реализует публичную власть, которая предполагает возможность конституционно-правового принуждения в целях разрешения неопределенности в вопросах о толковании Конституции РФ, о соответствии оспариваемых норм Основному закону страны, о принадлежности спорной компетенции соответствующему органу государства и в других подведомственных конституционному правосудию делах. С другой стороны, нормативно-доктринальная природа правовых позиций Конституционного Суда РФ и его конституционная компетенция определяют специфику статуса высшего судебного органа конституционного контроля, определяемую признаками высокой степени правового обобщения, экстраординарностью разбираемых юридических споров, значительной вовлеченностью в фактическое правотворчество, а также необходимостью конструктивного взаимодействия с Президентом РФ, палатами Федерального Собрания и другими высшими государственными органами на основе конституционного баланса организационно обособленных ветвей власти, образующих при этом единую публично-властную систему суверенного государства.

2. Судебный конституционный контроль осуществляет гарантирующую функцию в механизме обеспечения конституционного принципа разделения властей, главным образом, вследствие самого своего существования как организационно обособленного органа публичной власти с достаточной для этого нормативно-контрольной компетенцией; ввиду активизирующейся практики обращения граждан с жалобами в целях устранения конституционных деликтов в законодательной деятельности парламента и главы государства; вследствие обеспечения Конституционным Судом РФ последовательности его правовых

позиций и разумной сдержанности при оценке вопросов о конституционности оспариваемых норм. Наблюдающееся снижение интенсивности обращений государственных органов с запросами в Конституционный Суд РФ приводит к определенной трансформации гарантирующей функции судебного конституционного контроля в системе разделения властей, что, однако, балансируется расширением практики последующего и конкретного конституционного контроля по жалобам граждан и запросам судов, а также развитием института предварительного и абстрактного конституционного контроля по запросу Президента РФ.

3. Анализ историко-правовых этапов зарождения и развития судебной конституционной юстиции в зарубежных странах, в СССР и в современной России показывает закономерность и объективную необходимость учреждения Конституционного Суда РФ как самостоятельного в системе разделения властей судебного органа государства, который организационно не входит в структуру судов общей юрисдикции в соответствии с романо-германскими правовыми традициями и особенностями государственно-правового генезиса нашей страны, а также условиями современной стадии ее функционирования. Судебная конституционная юстиция в России способствует, с одной стороны, преодолению ряда негативных черт царского и советского государственно-правового строя, с другой – обеспечению преемственности в государственно-правовой истории Российской Федерации, адекватности конституционного контроля современным реалиям и геополитическим вызовам XXI века.

4. Нормативно-правовое регулирование организации и деятельности конституционного правосудия в России опирается, главным образом, на двухуровневую модель, согласно которой регламентация осуществляется одновременно в Конституции РФ (статьи 118-125, 128) и в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации». Данный юридико-технический подход имеет сравнительные достоинства и недостатки. К числу достоинств относится непосредственное регулирование в ст. 125 Конституции РФ компетенции Конституционного Суда РФ, что исключает

свободу усмотрения законодателя посредством текущего правотворчества и создает дополнительные гарантии реализации конституционного принципа разделения властей (поскольку Президент РФ, Совет Федерации и Государственная Дума наряду с законодательными прерогативами являются потенциальными субъектами конституционно-правовых споров). В диссертации доказывается, что недостатком имеющегося конституционного регулирования организации и деятельности конституционного правосудия является отсутствие указания на Конституционный Суд РФ как орган государственной власти в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ наряду с Президентом РФ, палатами Федерального Собрания и Правительством РФ. Кроме того, обосновывается целесообразность принятия отдельного законодательного акта, определяющего порядок осуществления судебно-процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ.

5. Компетенция органов судебного конституционного контроля по взаимодействию с органами публичной власти, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами, основана на симбиозе «конституционно-интерпретационной», «нормоконтрольной», «превентивной», «обеспечительной», «консультативной» и «доктринальной» функций, а также функции «конституционного аудита». Основная правовая идея, определяющая специфическую компетенцию органов судебного конституционного контроля, заключается в возможности прямой защиты прав и свобод человека и гражданина путем преодоления существенных дефектов правового регулирования и системных нарушений права.

6. Определены признаки, которые позволяют квалифицировать учет традиций европейской модели при построении института отечественной конституционной юстиции, но с некоторыми специфическими особенностями, детерминирующими его роль в качестве гаранта разделения властей. Сочетание полномочий по предварительному и последующему контролю в компетенции одного специализированного органа конституционного контроля является преимуществом отечественной модели и предопределяет эффективность его деятельности по обеспечению сбалансированного взаимодействия ветвей власти.

7. Предлагается следующая авторская классификация принципов деятельности Конституционного Суда РФ как гаранта разделения властей: 1) общие принципы: законность; независимость; гласность (открытость, публичность, транспарентность); состязательность; равноправие сторон; справедливость; беспристрастность; объективность; соблюдение пределов судебного усмотрения (дискреции); 2) специальные принципы: верховенство права над законностью; свобода правовой позиции; коллегиальность; соразмерность (пропорциональность); социальная ответственность; уважение и соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права; признание конституционной идентичности Российской Федерации как суверенного государства.

8. Институт публичных особых мнений и мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации предопределяет доверие граждан к конституционной юстиции, призванной быть доступной и открытой для демократического общества. Право на высказывание мнения по предмету разбирательства является неотъемлемым элементом правового статуса судьи; его свободой, уровень которой обладает правовой защитой в демократическом обществе, базирующемся на системе разделения властей; характеризует «внешнюю сторону» независимости судебной власти, ее институциональные и функциональные гарантии. Данное правомочие судей должно обеспечиваться гарантированной законом возможностью официального опубликования текста особого мнения в открытых для общественности источниках вместе с текстом основного решения по делу.

9. Результативность деятельности Конституционного Суда Российской Федерации как гаранта разделения властей может оцениваться с использованием следующих показателей: количество обращений; число принятых решений; данные об исполнении решений. Указанные показатели результативности могли бы способствовать выработке стратегии по совершенствованию механизмов имплементации «правовосстанавливающих» решений посредством применения функционального подхода к принципу разделения властей и обеспечения качественного и конструктивного взаимодействия ветвей власти.

10. В целях повышения эффективности и результативности отечественного судебного контроля в качестве гаранта разделения властей представляется целесообразным: расширить круг полномочий внесудебных институтов конституционного контроля (президентского и парламентского); наделить Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации компетенцией мониторинга исполнения решений органа конституционной юстиции, вынесенных в порядке конкретного нормоконтроля; восстановить действие института ежегодных обращений (посланий) Председателя Конституционного Суда Российской Федерации к Федеральному Собранию.

Теоретическая значимость исследования заключается в выработке новых и обладающих элементами новизны положений, касающихся характеристики судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей в Российской Федерации. Выводы и результаты, сформированные в ходе проведенного диссертационного исследования, направлены на развитие науки конституционного права и теории конституционного судебного процесса; они могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности при изучении отдельных аспектов конституционной аксиологии, в том числе, связанных с конституционно-контрольным направлением деятельности отечественной конституционной юстиции. Кроме того, они могут быть применены при подготовке Секретариатом Конституционного Суда РФ информационных материалов, направленных на анализ и обобщение методологических аспектов судебного конституционного контроля.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее выводы и предложения могут быть использованы в законодательной деятельности Федерального Собрания. Анализ обобщенной в ходе представленного исследования судебной практики может способствовать обеспечению единообразия правовых позиций Конституционного Суда РФ, судов общей и арбитражной юрисдикции, а также внесудебных органов конституционного (уставного) контроля субъектов РФ при реализации ими нормоконтрольной функции и иных контрольно-надзорных полномочий.

Выводы и заключения по диссертации могут быть включены в учебно-методические материалы курсов «Конституционное право Российской Федерации», «Конституционный судебный процесс», «Конституционное право зарубежных стран», «Конституционный судебный процесс зарубежных стран», «Актуальные проблемы конституционного права» и иных дисциплин конституционно-правового цикла.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается анализом научных трудов и применением апробированных методов и методик, соблюдением научно-методологических требований, использованием официальных источников юридической практики и статистической информации.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования выступили предметом обсуждения и были одобрены на заседаниях кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-представительских мероприятиях различного уровня, в частности: Межведомственной конференции «Конституция – основа правопорядка в Российской Федерации» (г. Барнаул, 09 декабря 2021 г.), XIII Международном конституционном форуме «Взаимное доверие государства и общества в конституционном строе России» (г. Саратов, 15-17 декабря 2021 г.), IV Международной научно-практической конференции «Право и информация: вопросы теории и практики» (г. Пятигорск, 21 января 2021 г.), Научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения» (г. Сочи, 06 апреля 2022 г.), V Международной конференции «Право и современная экономика: опыт и будущее» (г. Санкт-Петербург, 07 апреля 2022 г.), Всероссийской конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (г. Омск, 24 мая 2022 г.), XV Международной научно-практической конференции «Взаимодействие власти, бизнеса и общества в вопросах культурного наследия России» (г. Саратов, 01 июля 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Государство и право в эпоху глобальных перемен» (г. Барнаул, 28-

30 июня 2022 г.), XXIV Международном научно-практическом форуме «Юртехника» (г. Нижний Новгород, 21-24 сентября 2022 г.), X Всероссийской научно-практической конференции «Права человека: история, теория, практика», (г. Курск, 15 ноября 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Междисциплинарная модернизация юридической ответственности в условиях цифровизации (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 15 декабря 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции адъюнктов и соискателей научных степеней «Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований» (г. Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 г.), XXI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (г. Барнаул, 07-08 февраля 2023 г.).

По теме диссертации опубликовано 19 научных статей, в том числе, 6 статей, входящих в перечень ведущих научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» и ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Северо-Западный филиал) и используются при преподавании таких дисциплин, как «Конституционное правосудие», «Конституционно-правовые основы системы органов публичной власти в Российской Федерации», «Конституционное право России», «Конституционное право зарубежных стран», а также в практическую деятельность отдела по вопросам регионального законодательства и регистрации уставов муниципальных образований Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области .

Структура диссертации обусловлена проблематикой и логикой научного исследования, а также целью и задачами, направленными на раскрытие темы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, в состав которых входит шесть параграфов, заключения, библиографии и приложений.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования судебного конституционного контроля в юридической науке

§ 1. Судебная власть в системе разделения властей и взаимодействии с иными органами публичной власти

Понятие «власть» в истории русской словесности ведет свое начало от обозначения процессов «владения» и «владычества», заключающихся в фактическом «удержании» каких-либо предметов материального мира, а, зачастую, и людей, в руке (в ладони – «володение») или под рукой, посредством приложения силы. Схожую этимологию имеет данное понятие и в иных мировых языках: *manus* 'a (лат., рука) – римская *маниципация*¹; *діржава* (укр., крепко держать) – государство; *potentatus* (лат., potens – могучий) – общеевропейское понятие «потентат» (властелин); *power* (англ., сила), *macht* (нем., мощь) – власть². Представляется, что именно поэтому восприятие народом властных полномочий со стороны верховного правителя, в изначальном его содержании, было сопряжено с ощущением нахождения «в его руках» или, по крайней мере, «под рукой». Ведь власть, зачастую, реализовывалась посредством «прямого контроля», «ручного управления» народными массами и общественными отношениями, на основе единоначалия и волюнтаризма правителя. Однако, не бывает власти без повиновения, ибо общество должно проявить лояльность и готовность к подчинению властно-распорядительным знакам³, заключающим в себе веления властвующей стороны, ибо без этого не состоится организации самого государства.

Проблему изучения института власти в его философско-правовом значении анализировали многие выдающиеся исследователи на всех этапах развития научной мысли: Конфуций, Геродот, Сократ, Платон, Аристотель, Г. Лейбниц, Т. Гоббс, Дж. Локк, Н. Маккиавелли, Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, К. Маркс, Б.

¹ В римском праве – акт фиксации перехода права собственности от одного лица к другому.

² См. подробнее: Арановский К.В., Князев С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений: монография. М.: Проспект, 2016. С. 50.

³ Коими являются по своей сути, в том числе, и издаваемые органами власти законы.

Чичерин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс, Г.В. Атаманчук, М.В. Ильин, В.Ф. Халипов¹, М.И. Байтин и т.д. Последний в своей работе «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)» высказал весьма убедительную точку зрения о том, что «каждая из разновидностей общественной власти имеет известное своеобразие, отличается специфическими особенностями. Вместе с тем, всем им присущи общие черты, синтез которых позволяет дать характеристику *власти* как общей социальной категории»², определение которой мы считаем необходимым сформулировать далее, ввиду того, что сущность *судебной власти*, выступающей предметом исследования в данном параграфе, раскрывается через первоначальное изучение теории *государственной власти*³, общепризнанного определения которой до сих пор не выработано наукой⁴.

Определение *власти* представляется наиболее эффективным через анализ доктринальных позиций, излагающих основные сущностные черты данной правовой категории:

1. *Власть* – категория психологическая, основанная на деятельности центральной нервной системы человека⁵, то есть основанная на некотором безусловном рефлексорном проявлении представителями социума волеизъявления

¹ Профессор В.Ф. Халипов выступил автором собственного учения о власти, которому дал название «кратология» (kratos, древнегреч. – власть, сила, господство, могущество и logos – учение). См.: Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учебное пособие. М.: Ось-89, 2008. С. 3.

² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. С. 432.

³ См.: Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. С. 45; Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 56; Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10-19.

⁴ Некоторые исследователи, признавая власть «сущностно оспариваемым понятием» (см. подробнее анализ научной позиции У.Б. Гэлли: Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти: хрестоматия. Т.1. Самара: Бахрах, 1999. С. 37-41) даже предлагают изъять его из научного дискурса (Даниленко В. И. Современный политический словарь: в 2 т. М.: Nota Bene, 2000. С. 137). Подобное предложение представляется, в некоторой степени, лишенным смысла и целесообразности, так как сам факт отсутствия среди ученых согласия в вопросе определения содержания понятия «власть» не дает основания полагать, что сущность данного объекта исследования «непознаваема»; скорее трактовки ее крайне изменчивы и нестабильны ввиду прямой зависимости от окружающей общественной формации, а также идеологии, культуры, мировоззренческих взглядов и иных субъективных особенностей личности ученого, ее изучающего и истолковывающего, в тот или иной момент времени.

⁵ Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: Издательство «Юрист», 2010. С. 56.

по «подчинению» в ответ на волеизъявление «подчинять»¹. То есть власть – это институализация ожидания того, что требованиям общества в целом и индивида в частности будет уделено «серьезное внимание»².

2. *Власть* – категория социальная. Не бывает власти «в отрыве» от общества и складывающихся вокруг нее общественных отношений³. Власть возможна только «в действии»: «Человек, как и силу тяжести, власть не придумал – он только использует ее за счет изобретения социальных механизмов. Власть действует естественно и автоматически, как только в ней появляется потребность»⁴. Подобный подход к определению *власти* в науке получил название «реляционный»⁵ (представители: Г.В. Атаманчук, В.М. Розин, Н. Смелзер, М. И. Байтин и т.д.)⁶. Согласно нему властеотношение – это всегда взаимоотношение изначально двух неравноправных сторон, то есть, это не «субъект - субъектные» отношения, а отношения порядка «субъект – объект», объектом которых могут выступать как отдельные лица, так и их группы и объединения. Так, *государственная власть* представляет собой ни что иное, как институт публичного управления, субъект и объект которого могут представлять многомиллионные общности. Более того, в демократическом государстве, коим по определению ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации является наше Отечество, субъектом власти является народ, что дает основание сделать вывод о том, что в государствах данного типа субъект и объект властеотношений совпадают⁷, а органы государственной власти и их представители – не более, чем

¹ Основываясь на данной теории «добровольного подчинения» народа власти, построили свою успешную политическую деятельность такие выдающиеся лидеры, как: Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Вацлав Гавела и т.д.

² Парсонс Т.О. О социальных системах / под общ. ред В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Акад. Проект, 2002. С. 112.

³ Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 56.

⁴ Юрьев А.И. Власть как предмет науки // Психология власти: материалы конференции / под ред. А.И. Юрьева. СПб., 2005. С. 19.

⁵ Оль П.А. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. М.: Юрист, 2005. С. 183-203.

⁶ См. подробнее: Атаманчук Г.В. Власть // Энциклопедия государственного управления в России: в 4 т. / под общ. ред. В.К. Егорова. М.: Издательство РАГС, 2004. Т.1. С. 140-141; Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: URSS, 2019. С. 123; Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 525; Байтин М.И. «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. С. 434.

⁷ Еще Цицерон, отвечая на вопрос об источнике власти, отмечал: “Potestas in populo!” («Власть у народа!»).

«аппарат субъекта власти», реализующий деятельность по обеспечению избранной «технологии» управления¹. Однако, увы, народ редко ассоциирует и идентифицирует себя подобным образом, что, на наш взгляд, вполне объяснимо с точки зрения психологической сущности феномена власти, раскрытого выше.

3. Источниками *власти* выступают естественные законы, которые должен верно применять и использовать «носитель власти»². Таким образом, обретая право управлять, посредством выборов народом либо назначения, он получает и право на некоторую модернизацию конструкции власти в соответствии с изменениями объективной действительности, но не нарушая при этом норм естественных законов и права в его природной сущности, как единственной меры должного поведения. Именно на фундаменте права, в идеале, выстраивается «авторитет власти», выступающий, по мнению М. Вебера, одной из сущностных характеристик власти, как системного явления³.

4. Институт *власти* всегда сопряжен с угрозой применения санкций в случае неповиновения ее волеизъявлениям, выраженных как в возможности применения мер правовой ответственности к виновному, так и подавления протеста посредством физической силы⁴. В этой связи нельзя не упомянуть о легитимности⁵, как еще одной неотъемлемой характеристике публичных властеотношений, так как обратное неизбежно влечет за собой применение силы, которое «...всегда направлено против лица, ее применяющего, поскольку оно неизбежно порождает сопротивление»⁶, что не только мешает эффективному функционированию института власти, но и приводит к большим экономическим потерям для государства. Таким образом, субъект и объект властеотношений

¹ Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 66.

² Юрьев А.И. Указ. соч. С. 6-7.

³ Weber M. The theory of Social and Economic Organization. New York: Oxford University Press, 1947. P. 152, 324.

⁴ Хотя применение последней уже погранично насилию, основанному на «могуществе, не связанному с правом «власти». См. подробнее: Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 119.

⁵ Под легитимностью М. Вебер понимал убежденность людей в особом высоком моральном содержании авторитета субъекта власти. См. подробнее: Weber M. Указ. соч. P. 152, 324; схожий смысл заложен и в современном определении данного термина, заключающегося в добровольном признании народом права власти принимать общеобязательные решения. См. подробнее: Примова Э.Н. К вопросу о легитимности власти // Власть. 2013. № 8. С. 112-116.

⁶ Weber M. Указ. соч. P. 152, 324.

находятся в своеобразной взаимной зависимости друг от друга, «блокируя тем самым процессы хаоса и энтропии»¹.

5. *Власть* включает в себе социально – правовой коммуникативный аспект, выражающийся в формировании «особого языка» общения между субъектом и объектом властеотношений на основе таких социальных ценностей, как: правосознание, справедливость, уважение и защита прав и свобод, возможность их восстановления посредством использования легальных средств в случае их нарушения или изъятия² и т.д. То есть *власть* – это еще и определенная культура человеческих отношений³.

Еще одним понятием, требующим предметного рассмотрения в рамках определения правовой природы *судебной власти* и ее роли в системе обеспечения баланса функционирования властей, является *публичная власть*. Следует отметить, что несмотря на то, что данная дефиниция стала широко употребляемой после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, она не является новеллой для отечественной правовой системы и не раз выступала предметом доктринального рассмотрения ведущих теоретиков права и ученых-конституционалистов. И, если первые в определении *публичной власти* большее внимание уделяют ее социальному аспекту (М.И. Марченко, Л.Л. Попов, Т.Н. Радько и т.д.)⁴, то вторые (С.А. Авакьян, В.Е. Чиркин и т.д.)⁵ акцентируют внимание на системе публично-правовых политических образований, как основной сущностной характеристике *публичной власти*.

Вместе с тем, ни Конституция Российской Федерации, ни Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» не

¹ Степашин С.В. Власть – Демократия – Контроль / С.В. Степашин, В.А. Двуреченских, Е.А. Чегринцев, Ю.А. Чернавин. М.: Финансовый контроль, 2005. С. 8.

² Например, посредством использования механизма правосудия посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного или уголовного судопроизводства.

³ Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 75.

⁴ Общая теория государства и права: академ. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2010. Т. 1. С. 117-123; Административное право: учеб. / под ред. Л.Л. Попова. М.: Юрист, 2005. 697 с.; Радько Т.Н. Теория права и государства в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 17-18.

⁵ Современные проблемы организации публичной власти: моногр. / рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.; Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М.: Норма, 2011. 336 с.

содержат легального определения категории *публичной власти* и ее «единой системы». Конституционный Суд Российской Федерации в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З¹ указал, что категория «единая система публичной власти», используемая законодателем, является производной от основополагающих понятий «государственность», «государство» и прямо соотносится с пониманием «политический союз (объединение) многонационального российского народа», являющегося единственным источником и носителем суверенитета и власти (ст. 3 Конституции Российской Федерации).

Применяя прием индуктивного умозаключения и используя два известных нам положения, являющихся аксиомами ввиду их закрепления в Основах отечественного конституционного строя, приходим к выводу о том, что, являясь одновременно источником власти и неотъемлемым элементом возникновения государства, народ, с одной стороны обладает собственным суверенитетом (который он проявляет, например, в ходе реализации активного избирательного права), а, с другой стороны, передает его государству в момент «соглашения» подчиняться его юрисдикции, оставаясь лишь «носителем» части его суверенитета. В этой связи в науке конституционного права существует понятие «*учредительная власть*» (или, как ее именует В.Т. Кабышев «социальная власть народа»²), в основе которой лежит его воля, реализуемая через различные формы - государственные и негосударственные³. Продолжая данную идею, В.В. Комарова, отмечает что «суверенитет народа – это конституционный принцип организации и функционирования *власти народа*... это он и делает при помощи Конституции»⁴.

¹ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

² Кабышев В.Т. Прямое народовластие в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 20-21.

³ Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 3. С. 3-11.

⁴ Комарова В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 36-46.

Таким образом, следует заключить, что *публичная власть*, в современном ее правопонимании, есть лишь качественная характеристика государства, которая, наряду с народом и территорией, и наполняет сущность определения государства¹ и выступает носителем части государственного суверенитета².

Подтверждается данный довод и тенденцией развития российского законодательства в сфере регламентации деятельности органов государственной власти. Так, п. 1 ст. 2 ФЗ от 19 декабря 2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации» впервые на законодательном уровне ввел официальную дефиницию «единая система публичной власти»³, структурными элементами которой являются: *федеральные органы государственной власти*, *органы государственной власти субъектов федерации*, *иные государственные органы*, *органы местного самоуправления*. Следует отметить, что каждый из указанных структурных элементов, в свою очередь, состоит из обособленной системы институтов (системы органов государственной власти, системы государственных органов, системы органов местного самоуправления)⁴, содержательные признаки которых являются предметом законодательной регламентации. В связи с чем следует определить понятие и признаки *органа государственной власти* и отграничить его конституционно-правовой смысл от *органа публичной власти* и *иного государственного органа* (упомянутого, например, в ст. 33, ч. 2 ст. 120 Конституции РФ).

¹ Конечно данная «триединая» концепция признаков государства также не лишена критики в научной и учебной литературе, но для сохранения лаконичности в предметном рассмотрении заявленной темы научного исследования примем ее за основу построения дальнейших размышлений.

² И.Н. Гомеров в работе «Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура» рассматривает суверенность (суверенитет) как один из признаков каждого из трех системообразующих элементов государства, фактически выделяя отдельно «суверенитет народа», «территориальный суверенитет» и «суверенитет государственной власти». То есть, исходя из его концепции Суверенитет государства = суверенитет народа + территориальный суверенитет + суверенитет государственной власти.

³ Федеральный закон от 19.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50. Ч. 3. Ст. 8039.

⁴ Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т.18. № 2. С. 196.

Само понятие «*орган*» в его общетеоретическом значении можно определить как «учреждение, выполняющее определенные задачи в той или иной области общественной жизни»¹. Исходя из этого, достоверной представляется точка зрения ученых, трактующих *орган государственной власти* как структурированную часть государственного механизма, наделенную организационно-властными полномочиями, особой компетенцией и средствами для осуществления задач, стоящих перед государством по управлению обществом², которой мы и будем придерживаться в рамках изложения последующего материала настоящего диссертационного исследования.

Система иных государственных органов же включает в себя некоторые государственные органы, такие как Счетная Палата Российской Федерации, Центральная Избирательная Комиссия Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации и т.д., которые номинально не входят ни в одну из ветвей власти и, следовательно, не относятся к *системе органов государственной власти*. При этом, исходя из своих полномочий и реализуемых функций, представляется верным их отнесение к *системе государственных органов публичной власти*, что подтверждается содержанием ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 21.12.2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также правовыми позициями правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации³. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ

¹ Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия. 2001. Кн. 2. Н-Я. С. 1104.

² См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999-VI. С. 454; Кешикова Н.В. Порядок формирования государственных органов: к теории вопроса // История государства и права. 2008. № 11. С. 7-9; Чепунов О.И. Способы формирования государственных органов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 3. С. 50-52.

³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.1997 г. № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. № 1412 "Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации"» // СЗ РФ. 1997. № 22. Ст. 2664, в котором содержится указание на ошибочность отождествления понятия «государственный орган» и «орган государственной власти» со стороны заявителя по данному делу – Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в отношении Администрации Президента Российской Федерации.

«Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹, который с 01 января 2023 года заменил Федеральный закон от 06.12.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации»², содержит в своих положениях ряд признаков, характерных для *органа публичной власти*:

- согласованное функционирование исключительно в пределах и на основании положений и принципов, закрепленных в Конституции РФ;
- организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие с другими органами публичной власти, в том числе и по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти;
- соблюдение и защита прав и свобод граждан, создание условий для социально-экономического развития государства как основная цель деятельности;
- деятельность для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Изложенные выше сущностные характеристики *власти* в ее общетеоретическом значении и *публичной власти* в ее практическом выражении в Российской Федерации как правовом демократическом государстве дают основание сделать вывод о том, что *государственная власть*, являющаяся промежуточным понятием в логической цепочке по определению природы *судебной власти*, соотносится с данными понятиями как часть и целое³.

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52. Ч. 1. Ст. 8973.

² Федеральный закон от 06.12.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

³ В данном тезисе заключена наша авторская точка зрения по вопросу определения сущности *судебной власти*. В отличие от ученых, трактующих судебную власть исключительно на основании «внешних характеристик», как совокупность судебных органов (см., например, Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М.: Юридическое издательство «Норма», 2012. С. 11; Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. 1997. № 8. С. 49), мы придерживаемся идеи определения *судебной власти* через ее соотношение с категорией власти и принципом разделения властей, ориентируясь на ее главную функцию, заключающуюся в социальном контроле, охране и протекции *права* в его естественно-природном содержании. Схожую концепцию тезисно изложила в ряде своих статей

Увы, в юридической науке отсутствует единство мнений по поводу определения понятия «*государственная власть*». Так, В.Я. Любашиц, А.А. Мордовцева, А.Ю. Мамычев понимают под ней «способность и возможность субъекта оказывать определенное воздействие на деятельность людей с помощью каких-либо средств»¹, при этом не раскрывая понятие субъекта осуществления государственной власти и не конкретизируя средства, используемые им в ходе реализации властеотношений. Я.М. Магазинер видел основу *государственной власти* в субъективном праве предписывать меру должного поведения народу, без риска встретить сопротивление². Схожей точки зрения, трактующей *государственную власть* через субъект-объектные отношения, придерживается и профессор Л.С. Мамут³. Н.А. Колоколов, предлагает более расширительное толкование данного понятия, включая в него такие сущностные характеристики, как:

- обязательное наличие народа, являющегося одновременно и субъектом, и объектом властеотношений;
- реализация властеотношений посредством издания приказов и распоряжений субъектом, подкрепленных угрозой применения мер ответственности в случае их несоблюдения объектом⁴;
- закрепление ролей в отношениях между субъектом и объектом властеотношений в общеобязательных нормах права как условие их легитимации⁵.

Л.А. Воскобитова. См. подробнее: Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. С. 83.

¹ Любашиц В.Я., Мордовцева А.А., Мамычев А.Ю. Государственная власть: введение в общую теорию. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 146.

² Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства. Избранные труды по общей теории права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 62.

³ Мамут Л.С. «Разделение властей» или разделение публично-властных полномочий? // Право. 2009. № 4. С. 3-11.

⁴ В результате «успешной» реализации подобных властеотношений, в обществе возникает такой характер государственно-правовых отношений, при котором все возникающие социальные конфликты разрешаются исключительно легальными средствами, на основе применения норм права органами судебной власти. То есть, фактически, происходит юридикация любого публично-правового конфликта, о чем речь подробнее пойдет далее в последующих параграфах диссертационного исследования.

⁵ См. подробнее Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 105-106.

Д.В. Фетищев понимает под *государственной властью* «обусловленную историческим развитием каждого народа связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которой обусловлен тем, насколько они органичны для конкретной страны и на конкретном этапе ее развития, насколько эта власть адекватна восприятию населения»¹.

Представители либертатно-юридической теории государства и права В.С. Нерсисянц, В.А. Четвернин, В.В. Лапаева, основывая свою точку зрения на различии права и закона, определяют в качестве государственных лишь властеотношения, построенные на уважении прав и свобод человека и гражданина, отрицая, тем самым, возможность применения понятия *государственной власти* по отношению к деспотичному режиму правления и управления общественной жизнью². Допущение признания данной точки зрения означало бы исключение целого ряда общественных формаций, включая Римскую Империю, феодальную Англию и Францию, СССР периода руководства И.В. Сталина и т.д., из перечня государственных образований, что представляется не совсем корректным, ибо отсутствие в них свободы волеизъявления и признания равенства прав и свобод всех граждан, не может само по себе являться основанием для непризнания их государствами.

Таким образом, отмечая некоторые различия в предложенных авторских определениях, следует отметить, что большинство исследователей придерживаются точки зрения о том, что *государственная власть* является составной частью *публичной власти* и основана на директивных (состоит в управлении обществом), технологических (использует конкретные силы и средства во властеотношениях) и коммуникативных (является элементом культуры общества) аспектах существования и, согласно ст. 10 Конституции Российской

¹ Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики. М.: Научная Книга, 2007. С.13.

² Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма, 2021. С. 234; Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2018. С. 519-520.

Федерации, осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

Несмотря на бесспорно ведущую роль принципа разделения властей «в становлении и развитии общественного и государственного строя страны, для полнокровного воплощения в жизнь прав и свобод человека и гражданина», особо подчеркнутую Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе встречи с членами Комиссии по правам человека 10 декабря 2002 года¹, данная правовая норма Основного Закона Российской Федерации до сих пор носит, увы, скорее, декларативный характер. Следует согласиться с П.Д. Баренбоймом в заключении, что разделения властей без их баланса не существует². Особенно осознавая тот факт, что, в отличие от законодательной и исполнительной власти, находившихся до принятия в 2020 году поправок в Конституцию РФ, в относительно стабильно-неизменном функциональном состоянии, *судебная власть* постоянно находилась и находится в перманентной реформе своей организационно-регулятивной структуры, что подтверждается формулировкой основной задачи судебной реформы, заложенной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР», действующей в современной России: «утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной»³, получившей свое развитие и в рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы»⁴. Данную позицию поддержал и В.Д. Зорькин в статье «Буква и Дух Конституции» в «Российской газете» от 09 октября 2008 года: «Разумеется у нашей

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21810> (дата обращения: 15.11.2021).

² Баренбойм П.Д. Принцип сдержек и противовесов (баланс ветвей власти) как неотъемлемая часть доктрины разделения властей и его применение в рамках Конституции России. М.: ЛУМ, 2020. С. 30.

³ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // ВВС РСФСР. 1991. № 4. Ст. 1435.

⁴ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» (с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Правительства РФ от 14 сентября 2021 г. № 1560) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

Конституции есть недостатки. В их числе отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной власти...», а также в следующем научном высказывании: «...Особую остроту приобрели проблемы более полной реализации конституционных положений о независимости суда... Главная задача оптимизации судебной системы на современном этапе – обеспечение реальной независимости и самостоятельности судов как *органов государственной власти* (курс. наш), исключительно которым и принадлежит конституционная прерогатива осуществлять правосудие – все еще остается актуальной...Их преодоление возможно лишь в рамках оптимизации судебной системы в целом...»¹.

Об актуальности данной темы говорит и неизменный интерес к ней молодых ученых, подтверждаемый проведением по данному вопросу ряда диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук².

Сформировавшаяся в XVII-XVIII веках на европейском континенте, теория разделения властей, в своем классическом содержании, претерпела некоторые изменения с течением времени и сегодня выступает одним из фундаментальных оснований демократического правового государства. Ее родоначальником принято считать Дж. Локка³, который в своем научном труде «Два трактата о государственном правлении»⁴ изложил базовые основания концепции и выделил законодательную и исполнительную ветви власти, отдавая при этом безусловную

¹ Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сборник статей / отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 58, 60.

² Дробот С.Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. 30 с.; Соколов В.М. Принцип разделения властей: особенности и проблемы российской государственно-правовой модели: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.; Аккаева Х.А. Принцип разделения власти - конституционная основа построения и функционирования государственного механизма в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. 21 с.; Суходольский Г.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия в системе государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 29 с.

³ Признавая вклад вышеупомянутых ученых в изучение историографии доктрины разделения властей и право на существование высказанных ими точек зрения относительно «точки отсчета» истории возникновения данной правовой концепции, все же, представляется верным признать, что классическая теория разделения властей была сформирована в период эпохи Просвещения и базируется на постулатах, изложенных в работах мыслителей данного периода.

⁴ Локк Дж. Два трактата о государственном правлении. М.: Социум, 2014. С. 45.

ведущую роль законодательной власти и признавая исполнительную «ограниченной от природы». Третью ветвь, *судебную*, выделил позднее французский мыслитель Ш.Л. Монтескье¹, назвав ее властью, «ведающей вопросами гражданского права...которая карает за преступления и разрешает *столкновения частных лиц* (курс. авт.)»². Примечательно, что уже в этом изначальном авторском определении *судебной власти* содержится указание на функцию по разрешению конфликта методами права, как основную для данной ветви власти. Однако, предмет ее, на наш взгляд, несколько сужен ввиду указания лишь на конфликты в частно-правовой сфере, в то время как в современном мире суды играют также и первостепенную роль по рассмотрению и разрешению споров в публично-правовой сфере, о чем речь подробнее пойдет в последующих главах диссертационного исследования.

Монтескье обосновывал необходимость выделения *судебной ветви власти* в качестве «сдерживающей от крайностей силы» законодательной и исполнительной власти, сосредоточенных в руках государя³. Формирование судов он видел путем прямого народного представительства: «... поручать не постоянно действующему Сенату, а лицам, которые в известные времена года, по указанному способу привлекаются из народа для образования суда; продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости»⁴, так как судебная власть «властью по сути не является»⁵. Прогрессивность теории Монтескье заключалась в том, что, в отличие от своих предшественников, он выдвинул идею не просто номинального разделения властей, а «умеренного правления»⁶, заключающуюся в *согласованном взаимодействии всех ветвей власти при сохранении их самостоятельности и независимости друг от друга и возможности сдерживать и балансировать работу друг друга путем наделения их правом отмены решений*

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Риппол Классик, 2018. С. 295.

² Там же.

³ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 299.

⁴ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 299.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Аблаева Э.Б. История развития теории разделения властей: определение роли судебной системы // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 4. С. 56.

и действий другой власти. То есть, фактически, он первым «смоделировал» систему «сдержек и противовесов» (system of checks and balances) и установил решающую роль *судебной ветви власти* в ее регулировании.

Значительный вклад в развитие доктрины судебной власти внес Ж.-Ж. Руссо, не только критически проанализировавший воззрения Монтескье, но и существенно дополнивший концептуальные положения определения сути и содержания *судебной власти*¹. В частности, он впервые определил роль судебных органов в урегулировании конфликтов между законодательной и исполнительной властями, между народом и государством, государством и сувереном², то есть в публично-правовой сфере жизни общества. При этом мыслитель подчеркивал обособленность судебных органов от единого механизма государственной власти, что предопределяет их независимость и беспристрастность в разрешении вышеупомянутых вопросов³. То есть Руссо, фактически, смоделировал прообраз современной конституционной юстиции задолго до появления данного органа в Европе⁴, отделив его от судов общей юстиции (которые в своем труде «Общественный договор» он именовал «особыми магистратурами») и обозначив их как «трибуналы»⁵. Содержится в его работах и обоснование *судебно-контрольной деятельности, направленной на контроль за соблюдением прав и свобод человека и обоснованности их ограничения, как основной функции органов судебной власти*, что представляется актуальным и сегодня как основная ценность и объект охраны в любом правовом демократическом государстве.

Учения Локка, Монтескье и Руссо оказали заметное влияние на государственно-правовую практику Соединенных Штатов Америки. «Отцы-основатели» американской Конституции А. Гамильтон, Дж. Медисон, Дж. Джей в своем политическом эссе «Федералист» («The Federalist Papers») указали, что «одних заявлений, внесенных в Конституцию, недостаточно, чтобы удержать ту

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. С. 242.

² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 242.

³ Там же.

⁴ Первый конституционный суд в Европе появился в 1920 году в Австрии.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 242.

или иную власть в отдельных ее пределах»¹ и определили необходимость «внутренней структуры правления, чтобы составляющие ее части сами стали средством удержания каждой из них на отведенном им месте»², тем самым детализировав принцип «system of checks and balances» (системы сдержек и противовесов), являющийся основой гарантии реализации принципа разделения властей в демократических правовых государствах и сегодня. «Фундамент» независимости ветвей власти друг от друга «отцы-основатели» видели в механизме избрания высших должностных лиц путем прямого волеизъявления граждан, а не назначения представителями одной ветви власти должностных лиц другой.

Еще один видный деятель политической науки США Т. Джефферсон, развивая идеи своих соотечественников, особое внимание в своих трудах уделил изложению принципов построения судебной власти как гарантии разделения властей³, среди которых он выделял: выборность и, как следствие, независимость судей, их подконтрольность народу, меритократию⁴. Учитывая некоторые отличительные особенности построения американской судебной системы, в частности изначальное наличие у американских судей права принимать решения, основываясь «больше на Конституции, чем на законе»⁵, можно сделать вывод о том, что судебный конституционный контроль является фундаментальной основой гарантии разделения властей в государственном строе США, о чем подробнее речь пойдет в последующих главах диссертационного исследования.

Говоря об истории становления идеи разделения властей в отечественной государственности, и опираясь на конституционные основы ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, закладывающие основание «преемственности в развитии

¹ Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона, Дж. Джея (пер. с англ.). М.: Литера, 1993. С. 341.

² Там же. С. 346.

³ Томас Джефферсон о демократии / сост. С.К. Падофер. СПб.: Лениздат, 1992. 336 с.

⁴ Меритократия (лат. «власть достойных») – форма правления, в основу которой положен принцип индивидуальной заслуги. При такой форме власти к управлению обществом приходят более достойные, компетентные, талантливые люди из различных слоев общества, независимо от их социального положения (по материалам Большого энциклопедического словаря [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/vocabulary> (дата обращения: 17.11.2021)).

⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2001. С. 162.

Российского государства», следует остановиться на следующих основных ключевых событиях:

Во-первых, это конституционные проекты декабристов: «Русская правда» П.И. Пестеля, «Конституция» Н.М. Муравьева (прямо предусматривавшая, что «Исполнительная власть, Надзирательная или Полицейская, Хозяйственная или Административная совершенно отделены также от Судной») и «Манифест» С.П. Трубецкого, в котором предполагалось разделение властных полномочий с выделением судебной и законодательной власти в отдельные, от исполнительной власти, ветви.

Во-вторых, анализируя становление института независимой *судебной ветви власти* в России, следует упомянуть имя такого выдающегося политического деятеля и реформатора как М.М. Сперанский, согласно Плану государственного преобразования которого, предлагалось создать четырехступенчатую централизованную систему *судебной власти* во главе с высшим органом судебной власти – Сенатом. Деятельность ее предполагалась независимой, исключая вопросы исполнения судебных решений, в которых *судебная власть* подчинялась власти исполнительной.

В-третьих, большую роль сыграла судопроизводственная реформа Александра II, разработанная в 1861-1863 гг. и проведенная в 1866-1899 гг., в результате которой *судебная власть* обрела полную независимость от административных органов, стала гласной и открытой для участия присяжных заседателей. А также ее фактическое завершение в период правления Николая II, который способствовал «...Уставам вечных начал правды, милости и равенства всех перед законом» распространиться по всей территории Российской Империи.

В постреволюционный период, когда на территории нашего государства главенствовала коммунистическая идеология, судебная система претерпела значительные изменения и, фактически, превратилась в один из правоохранительных органов, подчиненных исполнительно-распорядительной власти в лице Совета народных депутатов (состоящему исключительно из членов КПСС и представляющему ее интересы), деятельность которого,

преимущественно, носила «карательный» характер¹. В.С. Нерсисянц, комментируя конституционную декларацию того периода о независимости судей, писал, что «судьи независимы и подчиняются только райкому»². Впрочем, оценка данного периода истории отечественной государственности представителями различных научных школ существенно разнится и, местами, даже противоречива. Так, первые утверждают, что «коммунистическая идеология никогда не признавала теорию разделения властей, считая ее буржуазной выдумкой»³. Другие же, напротив, усматривают в законодательстве СССР «законодательные нормы, свидетельствующие о наличии элементов разделения властей»⁴. Безусловно, и первая, и вторая точка зрения имеют право на существование и заслуживают более детального изучения в рамках отдельного предмета исследования.

Следует отметить, что в современной доктрине отечественного конституционного права отсутствует единство мнений по поводу реального количества ветвей власти в современной российской правовой системе. Так, С.А. Авакьян отмечает, что «есть основания для того, чтобы выделять не менее десяти ветвей власти (учредительная, народная, президентская, законодательная, исполнительная, судебная, прокурорская, избирательная, финансово-банковская, контрольная)»⁵. П.П. Баранов, в свою очередь, усматривает девять ветвей власти: законодательную, исполнительную, судебную, президентскую, прокурорскую, банковскую, финансовую власть, власть средств массовой информации и избирательную⁶. Анализируя данные точки зрения ученых, следует отметить неоднозначность данного доктринального подхода, так как следуя ему, мы,

¹ Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие для вузов. М.: БЕК, 1996. С. 3-4.

² Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. С. 691.

³ Савицкий В.М. Указ. соч. С. 13.

⁴ Упоров И.В. Концепция разделения властей как признак современного государства: необходимость уточнения очевидна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 75.

⁵ Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 58.

⁶ Баранов П.П. Роль конституционного законодательства Российской Федерации в регулировании принципа разделения властей // Юрист-правовед. 2012. № 1 (50). С. 6.

фактически, уравниваем теорию разделения властей с теорией разделения компетенций¹, что представляется не совсем верным и логичным. Ведь, признавая разделение компетенций между высшими органами власти, государство может отрицать разделение властей и строить свою политико-правовую систему исключительно на основе принципа единства и неделимости института власти. Как, впрочем, и наоборот.

В современной научной доктрине преобладает понимание системы разделения властей как «системы сбалансированных между собой государственно-властных отношений, урегулированных правом, имеющих целью обеспечение самостоятельности и полновластия каждой из основных отраслей государственной власти, единства и целостности государственной власти в целом»². При этом ученые выделяют два основных подхода к определению сущности формы нормативного закрепления разделения властей³: *формальный*, который предполагает четкое разграничение предметов деятельности и круга полномочий каждой из ветвей власти и недопустимость вторжения их в компетенцию друг друга (применен, например, в опыте государственного строительства Российской Федерации, США и т.д.); *функциональный*, заключающийся в поддержании оптимального баланса силы между ветвями власти (Республика Казахстан, Республика Армения и т.д.), поддержания их сбалансированной работы путем «гибкого взаимодействия и взаимоконтроля высших органов государства как частей единой власти через систему сдержек и противовесов»⁴. В одной из двух обозначенных форм принцип разделения властей нашел отражение и нормативное закрепление в Основах конституционного строя практически всех современных

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. М.: Проспект, 2013. С. 31, 89.

² Махлаева Т.И. Судебная власть системе разделения властей. М: АИФП (Ставрополь: Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополь»), 2003. С. 7.

³ Третьяк И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект // Правоприменение. 2018. № 4. С. 45.

⁴ Косов Р.В. Теория разделения властей как политико-правовой принцип и научная теория // Вестник ТГТУ. 2004. № 4-2. С. 1214.

государств «старого» и «нового» типа демократии. А в тех, в которых легально не закреплено разделение власти, оно существует фактически¹.

В целях проведения более детального анализа практики закрепления принципа разделения властей и определения в нем роли *судебной ветви власти*, остановимся на рассмотрении конституционных положений некоторых современных правовых систем мира. Начнем с самой старой Конституции мира - Конституции Соединенных Штатов Америки, принятой 17 сентября 1787 года. Ее текст построен так, что нормы, регламентирующие статус законодательной, исполнительной и судебной власти разделены по разным статьям, включающим несколько разделов. Так, правовому положению законодательной власти посвящена ст. 1; исполнительной – ст. 2; судебной – ст. 3 Конституции США². Несмотря на то, что в данном правовом акте отсутствует прямое указание на единство государственной власти и право ветвей власти использовать систему сдержек и противовесов в случае необходимости ограничения деятельности, явно выходящей за круг полномочий того или иного органа государственной власти, факт реализации их на практике, на наш взгляд, бесспорен. Если проанализировать положения разделов указанных выше статей Конституции США, то можно сделать вывод о том, что в большинстве из них присутствует указание на те или иные полномочия, позволяющие «контролировать», «надзирать» и, в некоторой степени, «ограничивать» попытки абсолютизации верховенства друг друга³. И *судебная власть* в данном аспекте играет если не решающую, то одну из ведущих ролей, реализуя функцию судебного конституционного контроля.

Интересным представляется опыт Франции, являющейся на сегодняшний день государством со смешанной формой правления, исполнительная ветвь власти

¹ Крылов Б.С. Разделение власти: система сдержек и противовесов // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 3-9.

² Конституция Соединенных Штатов Америки от 17.09.1787 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://constitutionproject.org>. (дата обращения: 19.11.2021).

³ Так, например, Конгресс США осуществляет контроль за исполнительной властью, возглавляемой Президентом, следит за соблюдением ею законов и оценивает ее деятельность. Однако, ни один закон, издаваемый Конгрессом, не может вступить в законную силу без подписи Президента США, обладающего правом вето. Суды США обладают правом объявления законодательных и исполнительных актов неконституционными с одновременной их отменой.

в которой носит двойственный (бицефальный) характер¹. В Конституции Франции 1958 года в действующей редакции от 23 июля 2008 года отсутствует легальное закрепление разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, заключенное в прямом на том указании в единой статье. Однако, толкование сути статьи 3 Конституции², закрепляющей, что *«национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путем референдума. Никакая часть народа и никакое отдельное лицо не могут присвоить себе его осуществление»* (курс. наш), дает основание полагать, что абсолютизация государственной власти в «одних руках» невозможна и не легитимна во Франции. Подтверждает это и анализ конституционных положений, закрепляющих правовой статус Президента (Раздел II Конституции Франции), Правительства (Раздел III Конституции Франции), Парламента (Раздел IV Конституции Франции) и судебной власти (Раздел VIII Конституции Франции) Франции, в числе которых присутствуют реальные «правовые инструменты» по взаимодействию друг с другом на основе «разумного» баланса и ограничения от чрезмерного произвола. Правда *судебная власть* не обладает столь эффективными инструментами воздействия на законодательную и исполнительную власть, как в упомянутой выше практике построения государственного механизма США, в том числе ввиду отсутствия независимого органа конституционной юстиции, полномочного осуществлять судебный конституционный контроль³.

Конституционно закреплён принцип разделения властей и в Российской Федерации и странах Содружества Независимых Государств (далее СНГ).

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан «государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на

¹ Чепрасов К.В. Модели разделения властей и форма правления (конституционно-правовой аспект) // Известия АлтГУ. 2013. № 2 (78). С. 137.

² Конституция Франции от 04.10.1958 г. (с изм. от 23.07.2008 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://constitutionproject.org>. (дата обращения: 19.11.2021).

³ Во Франции данная функция возложена на квазисудебный орган – Конституционный совет Республики.

законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов»¹. Данное изложение представляется более удачным в сравнении со значительно менее детализированным содержанием принципа разделения властей в Конституции Российской Федерации², где отсутствует нормативное закрепление единства государственной власти, нормативной основы ее деятельности, а также стабилизирующей функции в виде системы сдержек и противовесов, которую ветви власти реализуют по отношению друг к другу в рамках взаимодействия. Возможно это обусловлено тем, что Конституция Казахстана³ принималась его народом позднее российской и, как следствие, у ее составителей была возможность проанализировать уже имеющийся опыт коллег и избежать некоторых коллизий и правовых пробелов, увы, имеющих место быть и послуживших одной из причин раскола и дестабилизации политической системы России в начале 90-х годов XX века⁴. Следует отметить и некоторую «пробельность» отечественного законодательства в конкретизации вопроса самостоятельности и независимости ветвей власти друг от друга, так как во второй части приведенной выше статьи Конституции Российской Федерации присутствует указание лишь на самостоятельность *органов* законодательной, исполнительной и судебной власти, что, а priori, не тождественно самостоятельности самих ветвей власти друг от друга. 5 июня 2022 года в Казахстане состоялся референдум по вопросам внесения изменений в Конституцию Республики, одна из которых предусматривает создание в его правовой системе высшего органа судебного конституционного контроля -

¹ Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (с изм. и доп. по сост. на 19.09.2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org>. (дата обращения: 20.10.2022).

² См. ст. 10 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст.1416.

³ В соответствии с ч. 4 ст. 2 Конституции Республики Казахстан наименования Республика Казахстан и Казахстан равнозначны, поэтому здесь и далее по тексту полагаем возможным использовать их в качестве взаимозаменяемых.

⁴ Аблаева Э.Б. Указ. соч. С. 61.

Конституционного Суда Республики Казахстан¹, что, безусловно, еще более укрепит статус *судебной власти* во взаимодействии с законодательной и исполнительной ветвями власти.

Анализируя Конституцию еще одного бывшего социалистического государства, Украины, следует отметить, что в ней также, как и в Конституции Казахстана, присутствует нормативное закрепление принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и указание на подчиненность их полномочий нормоустановлениям пределов Конституции и законов Украины². Отличие наблюдается лишь в отсутствии прямого закрепления единства государственной власти и содержательном перечне полномочий государственных органов ветвей власти.

В ст. 6 Конституции Республики Беларусь закреплено разделение власти на три ветви, самостоятельные в пределах своих полномочий и взаимодействующие между собой, сдерживая и уравнивая друг друга³. То есть, фактически, как и в Конституции Казахстана, прописан механизм взаимодействия органов государственной власти разных ветвей друг с другом на основе системы сдержек и противовесов, содержание которой и заключается в «сдерживании и уравнивании друг друга», с той лишь разницей, что нормативно не закреплено единство государственной власти, а ее подчиненность положениям Конституции и принятым в соответствие с ней актам законодательства Республики Беларусь вынесено в отдельную ст. 7 Конституции. Исследователи отмечают, что «в настоящее время в Белоруссии достигнут баланс полномочий всех ветвей власти, что позволяет обеспечить политическую и социально-экономическую стабильность в государстве и независимость судебной власти. Конституционный

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 05.05.2022 г. № 888 «О проведении 5 июня 2022 года республиканского референдума» [Электронный ресурс] // URL: <https://akorda.kz/ru> (дата обращения: 11.06.2022).

² См.: ст. 6 Конституции Украины от 28.06.1996 г. № 254к/96-ВР (с изм. по сост. на 03.09.2019 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 г. (с изм. от 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org>. (дата обращения: 20.06.2022).

принцип разделения властей является основой для формирования независимого статуса Конституционного Суда Республики Беларусь»¹.

Конституция Армении также содержит положения, закрепляющие *принцип разделения и баланса* государственной власти, принадлежащей народу, и осуществляемой в соответствии с Конституцией и законами (ст. 2, 4 Конституции Республики Армения)², что свидетельствует об ориентации на *функциональную форму* реализации принципа разделения властей, предусматривающую распределение оптимального баланса силы между ветвями власти и поддержание их сбалансированной работы путем гибкого взаимодействия и взаимоконтроля высших органов государства как частей единой власти. Также немаловажным и примечательным является содержание ч. 3 ст. 3 Конституции Республики Армения, регламентирующей, что «публичная власть ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом», что дает основание сделать вывод о том, что в системе «сдержек и противовесов», реализуемой политикой данного правового государства, легально используются естественные права и свободы человека, которые также могут существенно влиять на ограничение верховенства власти каждой из трех ветвей, закрепленных в Конституции Республики. Однако, не совсем ясным представляется механизм реализации данного воздействия. Можно предположить, что в данном случае имеется ввиду общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, а также, в некоторой степени, судебный конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом Республики Армения, полномочным определять соответствие законов, постановлений Национального Собрания, указов и распоряжений Президента Республики, постановлений, подзаконных нормативных правовых актов Правительства и Премьер-министра Республики Конституции (ст. 168

¹ Миклашевич П.П. Разделение властей и независимость Конституционного Суда Республики Беларусь: доклад для II Конгресса Всемирной конференции по конституционному правосудию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.venice.coe.int> (дата обращения: 20.11.2022).

² Конституция Республики Армения от 05.07.1995 г. (с изм. от 06 декабря 2015г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org> (дата обращения: 21.11.2021).

Конституции Республики Армения), так как в соответствии с ч. 8. ст. 169 Конституции Республики Армения правом обращения в целях проведения нормоконтроля на предмет конституционности имеет каждое лицо, основные права и свободы которого нарушены примененным судом правовым актом в конкретном деле.

Таким образом, следует сделать ряд выводов:

1. Характеристика *власти* в ее общетеоретическом значении и *публичной власти* в ее практическом выражении в демократическом государстве дают основание сделать вывод о том, что *государственная власть* соотносится с данными понятиями как часть и целое.

2. *Судебная власть* является одной из ветвей *государственной власти* (ст. 10 Конституции Российской Федерации), органы которой входят в *единую систему органов публичной власти Российской Федерации* (п. 1 ст. 2 ФЗ от 19.12.2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации»).

3. *Судебные органы* относятся к числу *органов государственной власти* – структурированной части государственного механизма, наделенной организационно-властными полномочиями, особой компетенцией и средствами для осуществления задач, стоящих перед государством по управлению обществом¹.

4. Проанализировав историографию концепции разделения властей и ее современное практическое воплощение в мировых правовых системах, следует отметить, что ее основными идеями, служащими основой верховенства Конституции, верховенства правового закона и его отграничения от подзаконного акта, применительно к *судебной ветви власти*, является определение ее роли в социальном контроле, охране и протекции *права* в его естественно-природном содержании, урегулировании частно-правовых и публично-правовых конфликтов посредством реализации *функции правосудия*, а также формировании «идеи

¹ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999-VI. С. 454; Кешикова Н.В. Порядок формирования государственных органов: к теории вопроса // История государства и права. 2008. № 11. С. 7-9; Чепунов О.И. Способы формирования государственных органов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 3. С. 50-52.

ограниченного правления», в том числе от абсолютного народовластия¹, посягательства «воли большинства» на индивидуальную свободу, личные права и безопасность человека и гражданина.

5. В современном мире принцип разделения властей на три самостоятельные и независимые ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную, нашел свое отражение и нормативное закрепление в Основах конституционного строя практически всех современных правовых государств «старого» и «нового» типа демократии: либо на основе *формального подхода* и четкого разграничения предметов деятельности и круга полномочий каждой из ветвей власти и легального закрепления недопустимости вторжения их в компетенцию друг друга (применен, например, в опыте государственного строительства Российской Федерации, США и т.д.), либо, основываясь на *функциональном подходе*, заключающемся в поддержании оптимального баланса силы между ветвями власти (Республика Казахстан, Республика Армения и т.д.) и их взаимного влияния на сбалансированную работу друг друга.

Существующий подход к разделению властей в Российской Федерации строится, во многом, именно на том, что определенные властные функции концентрируются у отдельных *органов государственной власти* и один и тот же орган не должен исполнять функции сразу нескольких ветвей власти², что, а priori, не тождественно декларации независимости и самостоятельности самих ветвей власти. В условиях современного правового демократического общества и тенденций развития российского законодательства относительного построения *системы публичной власти*, одним из главных принципов действия которой названо согласованное *функционирование и взаимодействие* органов на всех уровнях власти, целесообразным представляется нормативное закрепление не только принципа разделения властей, но и принципа их баланса и взаимодействия

¹ Термины Дробота С.Е. См. подробнее: Дробот С.Е. Принцип разделения властей и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. С. 18.

² См. подробнее: Малев А.В. Категории «государственная власть» и «орган государственной власти» как основа понятийно-категориального аппарата концепции разделения государственной власти // Юридическая мысль. 2011. № 3 (65). С. 47.

между собой с использованием системы «сдержек и противовесов». То есть с фактической переориентацией на функциональный подход, представляющийся более эффективным и состоятельным с точки зрения распределения оптимального баланса силы между ветвями власти путем гибкого взаимодействия и взаимоконтроля *высших органов государства* как частей *единой верховной власти*.

§ 2. Историко-правовые основания возникновения и развития института судебного конституционного контроля как средства обеспечения системы «сдержек и противовесов»

Российская Федерация, являясь правовым государством (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации), особое внимание уделяет обеспечению беспрекословного верховенства *права* над всеми сферами жизнедеятельности общества и охрану его от всякого посягательства, не исключая и собственных нарушений. Что предполагает наличие таких неотъемлемых элементов государственного устройства, как: представительное правление, разделение власти по вертикали и горизонтали, конституционная юстиция, обеспеченные судом равные права граждан и *открытое законодательство*, подлежащее обязательному опубликованию, предваряющему момент вступления его в законную силу. Поэтому, рассуждая о власти в правовом государстве, мы все чаще и больше приходим к выводу о примате *правления закона*, а не высших должностных лиц и органов власти. И именно в защите естественного права, закона и сохранении принципов и норм регулирования властеотношений, заключенных в первоначальном общественном договоре между гражданами и государством, есть смысл и основная задача функционирования института *судебного конституционного контроля*. Защищая Конституцию и охраняя ее принципы, он действует в интересах *единой верховной власти*, суверенной и легитимной. Хотя здесь, на наш взгляд, также заключается некоторая проблема, которую, впрочем,

успешно способно решать большинство из органов современной конституционной юстиции: это баланс органов различных ветвей власти, обеспечение их слаженной работы и взаимодействия, разрешение споров о компетенции¹.

В соответствии с представлением, сложившимся в юридической правовой литературе², *судебный конституционный контроль* впервые возник на американском континенте и на рубеже XIX-XX столетий существовал лишь в нескольких государствах³. Однако, это утверждение представляется бесспорным только в рассуждениях о его практическом воплощении в системе государственного строительства. Если же говорить о теоретической основе самой идеи судебного конституционного контроля, то, на наш взгляд, ее зарождение произошло многим временем ранее.

Несколько абстрагируясь от современной формы осуществления судебного конституционного контроля и сосредоточившись на целях и задачах, положенных в его правовую основу, «истoki» контрольной деятельности в публично-правовой сфере можно усмотреть в деятельности следующих формирований, существовавших на различных этапах развития общества и в совершенно разных правовых системах: 1. Народные трибуналы в Древнем Риме в период с 493 г. до н.э. по 43 г. до н.э., защищавшие суверен (посредством защиты прав плебеев) от Правительства Римской Республики⁴. 2. Совет десяти в Венецианской республике XIV-XVII вв., поддерживающий Правительство (и, как следствие, суверенитет верховной власти) в отношениях и спорах с народом. 3. Эфоры в Спарте V в до н.э.-II в н.э., которые обладали реальными контрольными полномочиями вплоть до

¹ В частности, данное полномочие закреплено за Конституционным Судом Российской Федерации (ч. 3 ст. 125 Конституции Российской Федерации), Федеральным Конституционным Судом Федеративной республики Германия (ч. 1 ст. 93 Основного закона Федеративной республики Германия), Конституционным Судом Республики Армения (ч. 4 ст. 168 Конституции Республики Армения) и т.д.

² Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституций. Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992. С. 10-11.

³ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 86.

⁴ См. подробнее: Моммзен Т. Римское государственное право: народный трибунал / пер. с нем. А.А. Павлова и Т.Е. Бондаревой // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2013. Вып. 8. С. 213-244.

отрешения от власти и решения дальнейшей судьбы Правителя¹. 4. Остракизм в ведении экклесии (Народного собрания), то есть в прерогативе демоса, в Древней Греции в VI-V вв. до н.э. как средство контроля народа над правящей властью, а также «взаимного контроля аристократической правящей элиты друг над другом, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию»². 5. Деятельность в XVII в. Тайного совета при британском монархе, признававшего недействительными статуты, изданные легистратурами колоний, в случае их противоречия колониальным хартиям или общему праву³. Все вышеперечисленные формирования обладали реальными инструментами по реализации контрольных полномочий как над субъектами властеотношений, так и над народом, выступающим в отношениях данного рода не только объектом, но и субъектом.

Классическое же обоснование теоретической основы судебного конституционного контроля, на наш взгляд, связано с именем Ж.-Ж. Руссо, который в XVIII веке в своей работе «Об общественном договоре» впервые определил роль *судебных органов* в урегулировании конфликтов между законодательной и исполнительной властями, между народом и государством, государством и сувереном⁴, то есть в публично-правовой сфере жизни общества. При этом мыслитель подчеркивал *обособленность судебных органов от единого механизма государственной власти*, что предопределяет их независимость и беспристрастность в разрешении вышеупомянутых вопросов⁵, фактически, смоделировав прообраз современной конституционной юстиции (трибуналы) задолго до появления данного органа в Европе⁶.

¹ См. подробнее: Печатнова Л.Г. Эволюция спартанского эфорта в период классики и эллинизма // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 69-80.

² Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // Вестник древней истории. 2004. № 1 (248). С. 29.

³ Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М.: БЕК, 1998. С. 214.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 242.

⁵ Там же.

⁶ Первый конституционный суд в Европе появился в 1920 году в Австрии.

Однако, в идеале, за теорией всегда следует ее «практическая апробация». Отцы-основатели американской государственности, воодушевленные идеями Ж.-Ж. Руссо и Ш.Л. Монтескье, а именно основываясь на их убежденности в изначальной склонности государственной власти к тирании, выразили желание дать защиту гражданским правам и свободам посредством *судебного конституционного контроля* («judicial review»)¹ как гарантии разделения властей, единственным руководящим началом над которыми стал бы «Верховный Закон»².

Что касается осуществления его именного *судебной властью*³, то некоторые исследователи выражают мнение, что Верховный Суд США (Supreme Court of the United States), начиная с 1803 г., когда состоялось решение по делу «Мэрбури против Мэдисон»⁴, самостоятельно расширил свои полномочия в данной сфере⁵. Однако, если проанализировать историографию принятия Конституции Соединенных Штатов Америки и общеполитическую ситуацию в этот период, то данная точка зрения может показаться не бесспорной, так как впервые проблема контроля за исполнением Конституции и законов, а также контроль сбалансированной работы системы сдержек и противовесов по отношению к законодательной, исполнительной и судебной ветви власти был обозначен для обсуждения на Конституционном Конвенте в Филадельфии, в 1787 году. Однако, она так и не получила своего окончательного разрешения, которое можно было бы

¹ В американской правовой литературе обычно используется термин «judicial review», но встречается и «judicial control», «constitutional review», «constitutional control».

² А. Гамильтон в 78 номере «The Federalist Papers» пишет: «Толкование законов – должная и свойственная судам сфера деятельности... Если при этом возникают непримиримые противоречия между ними, следует отдавать предпочтение высшим обязательствам, которые и имеют силу, или, другими словами, Конституцию следует ставить выше статута, намерение народа выше намерений его представителей». Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона, Дж. Джея (пер. с англ.). М.: Литера, 1993. 592 с.

³ Следует отметить, что в США, также, как и в Российской Федерации, конституционный контроль осуществляется различными органами государственной власти в той или иной степени, и судебный конституционный контроль – лишь одна из его разновидностей.

⁴ Marbury v. Madison // United States Reports. 5 U.S. 137 137 (1803) [Электронный ресурс] // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/> (дата обращения: 03.03.2022).

⁵ Так как легально они не закреплены в Конституции США за Верховным Судом. В частности, об этом пишет Д.К. Ярославцева. См. подробнее: Ярославцева Д.К. Судебный конституционный контроль в действиях Верховного суда США: понятие, признаки, основные направления деятельности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-5. С. 154.

легально закрепить путем формулировки соответствующей конституционной нормы, так как в истории английского права, которое было положено за основу Основного закона США, никаких указаний на то, какой орган должен трактовать положения Конституции, не имелось. Отцы-основатели в своих трудах и выступлениях в поддержку конституционных принципов нового государства, не раз высказывали идею необходимости осуществления конституционного контроля и, таким образом, решение Главного судьи (Chief Justice) Дж. Маршалла в 1803 г.: «Это, безусловно, сфера и обязанность суда – определять, что такое закон»¹, стало, скорее, ничем иным, как просто «констатацией» уже «предрешенного» ранее факта.

Ведь в том же самом «Федералисте» Александр Гамильтон определял *судебную власть*, как «наименее опасную для политических прав Конституции и, потому, самую справедливую в части защиты свободы и законности»². Не стоит забывать и о том факте, что до 1766 г. США были колонией Великобритании, номинально не имевшей самостоятельного института судебного конституционного контроля, однако, по справедливому замечанию Т.С. Масловской, реализующей отдельные его функции³. В частности, широко известен пример из практики британского судопроизводства, когда английский судья Эдвард Коук в начале XVII века в одном из судебных споров поставил вопрос о соотношении общего права («высшего закона») и закона Парламента, указав на недействительность последнего в случае выявления явных противоречий первому. Существовала в Великобритании и практика проверки законов на их соответствие конституционным основам метрополии по отношению к законотворческой деятельности в странах, находящихся от нее в колониальной зависимости (к числу

¹ Перевод данного «крылатого» изречения Дж. Маршалла, которое до сих пор высечено на стенах Верховного Суда США, сделан нами самостоятельно по оригиналу обзора истории развития американской судебной системы, представленной на официальном сайте Исторического Общества Верховного Суда США (Supreme Court Historical Society) [Электронный ресурс] // URL: <https://supremecourthistory.org> (дата обращения: 03.03.2022).

² Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона, Дж. Джея: пер. с англ. М.: Литера, 1993. С. 117.

³ Конституционное правосудие: учеб. пособие / под ред. Г.А. Василевича. Минск: Выш. шк., 2019. С. 45-66.

которых относились и американские штаты)¹. Что, в совокупности, позволяет сделать вывод о наличии некоторой «предтечи» возникновения идеи *судебного конституционного контроля* на Американском континенте.

Следует отметить, что американский опыт стал настолько успешным, что практика *судебного конституционного контроля* распространилась по миру и получила свое нормативное закрепление в Основных законах большинства современных демократических правовых государств, как основной «защитник» прав и свобод человека и гражданина, а также эффективный инструмент «сдерживания» ветвей власти от произвола, так как «...судебный надзор² представляет собой антимажоритарную силу...Когда Верховный суд объявляет неконституционным законодательный акт или действие выборной исполнительной власти, он отвергает волю представителей народа...осуществляет власть не в пользу преобладающего большинства, а против него».³

История становления и развития *судебного конституционного контроля* в России в современном его теоретико-методологическом понимании связана с организацией на территории нашего государства осенью 1991 г. Конституционного Суда РСФСР, претерпевшего значительные изменения своей материально-правовой формы и процессуальной деятельности в связи с принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации.⁴ Принятые правовые новеллы были нацелены на укрепление роли Конституционного Суда, созданного в соответствии с *романо-германскими правовыми традициями* (по прообразу Федерального Конституционного Суда Германии), в обеспечении равновесия между институционально слабым парламентом (Государственной Думой Российской

¹ Конституционный контроль в зарубежных странах: кол. моногр. / Ю.И. Лейбо [и др.]; под ред. Е.А. Павлова, Е.А. Кремянской. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 116.

² В данном научном труде автор отождествляет понятия «судебного надзора» и «судебного конституционного контроля». Об отличительных признаках же этих двух понятий, не претендующих на бесспорную истинность, речь пойдет далее.

³ Garvey J.H., Aleinikoff T.A. Modern Constitutional Theory: a reader. St. Paul, Minn: West Group, 1999. P. 12.

⁴ Петров А.В. Становление и развитие института конституционного контроля (надзора) в системе государственно-правовых институтов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 4. С. 85-89.

Федерации) и сверхсильным Президентом, наделённым практически неограниченными полномочиями по изданию указов с силой закона. Это определило вектор устройства российского конституционного правосудия, его правовые основы, ограничения компетенции (исключительно вопросами права, но не факта) и практику функционирования в качестве гаранта разделения властей и защиты «этого принципа от разрушения и возможного поворота вспять при помощи введения института гаранта Конституции»¹. В то время как в традициях *англо-саксонской модели* создание подобного рода специализированного контрольного органа не принято и все полномочия по охране и защите конституционных основ переданы высшим должностным лицам и государственным органам классической триады властей.

Нельзя отрицать наличие элементов конституционно-контрольной деятельности и в СССР. Так, в первых Конституциях РСФСР и СССР (в период с 1918 по 1924 гг.) был закреплён принцип верховенства и полновластия высшего представительного органа, что означало, на наш взгляд, закрепление функции конституционного контроля за высшим органом государственной власти². Функция конституционного надзора при этом вверялась в компетенцию отдела законодательных предположений. Верховный Суд СССР, учрежденный при ЦИК СССР, и Прокуратура Верховного суда Союза ССР также, в некоторой степени, с 1924 г. по 1933 г., исполняли функции конституционной контрольно-надзорной деятельности, однако, по справедливому заключению ряда ученых их деятельность, скорее, носила вспомогательный характер и была «предопределена партийными установками»³, так как надзорные решения Верховного Суда СССР не подлежали опубликованию и получали юридическую силу только после их утверждения Президиумом ЦИК СССР.

¹ Конституционный Суд России: осмысление опыта / А.Н. Медушевский, Е.В. Гриценко, И. П. Кененова, А.А. Троицкая [и др.]. М.: Центр конституционных исследований, 2022. С. 14.

² Так, Конституция РСФСР 1918 г. относил функцию конституционного контроля к ведению ВЦИК; Конституция СССР 1924 года закрепляла данное полномочие за Съездами Советов СССР, ЦИК СССР и его Президиумом.

³ Чернобиль Г.Г. Институциональные предпосылки и концептуальные истоки конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 137.

Конституция СССР 1936 г.¹ и Конституция СССР 1977 г.² также относили функцию конституционного контроля и надзора к деятельности высших органов государственной власти (фактически аппарата Президиума Верховного Совета СССР). Соответствующими полномочиями наделялись и высшие представительные органы союзных и автономных республик³. В 1988 г., Законом СССР от 01.12.1988 г.⁴ № 9853-ХІ был учрежден «прообраз» современных органов специализированного конституционного контроля в пост-советских государствах: Комитет конституционного надзора СССР (далее ККН СССР), подконтрольный Съезду народных депутатов СССР, и органы конституционного надзора в союзных и автономных республиках, которые изменениями в Конституцию СССР 1989 г.⁵ были преобразованы в специализированный орган конституционного контроля – Конституционный Суд РСФСР, созданный 15 декабря 1990 г.⁶, а 30-31 октября 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР избрал 13 судей первого отечественного Конституционного Суда.

Конституционный Суд России сегодня – это, в первую очередь, защитник федеральных правовых ценностей, обеспечивающий реализацию порядка разграничения полномочий между органами публичной власти всех ветвей на основе верховенства принципов конституционализма и прямого их действия на всей территории Российской Федерации, в их изначальной природной данности от

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977 г.) // ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

³ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 14.

⁴ Закон СССР от 01.12.1988 г. № 9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // ВВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

⁵ Закон СССР от 23.12.1989 г. № 974-1 «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» // ВВС РСФСР. 1989. № 29. Ст. 574. На основании ст. 2, 4 данного Закона были также сформированы комитеты конституционного надзора в регионах. В частности, они были созданы и функционировали в до появления в них Конституционных Судов, в Республике Коми (1991-1994 гг.), Республике Татарстане (1990-2000 гг.) и Республике Северной Осетии-Алании (1990-2002 гг.).

⁶ Кудрявцев В. Историческая веха становления правового государства // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 5.

воли народа, закреплённой в Преамбуле к Конституции России и в обеспечение преемственности в государственно-правовой истории Российской Федерации, адекватности конституционного контроля современным реалиям и геополитическим вызовам XXI века. Как верно подчеркивают К.В. Арановский и С.Д. Князев, подобное «*правление права*» (в его естественно-правовой сущности) больше связывает, чем поощряет власти вмешиваться в закон и творить его¹, а, значит, обеспечивает сбалансированную работу системы сдержек и противовесов – как неотъемлемого института демократического правового государства.

Исходя из сути положений гл. 1 Конституции РФ, а также п. «а» ст. 71, согласно которому в ведении Российской Федерации находится контроль за соблюдением Конституции и федеральных законов, контрольные полномочия – есть обязательная функция государства. Следовательно, должен существовать и государственный механизм по определению соответствия данных нормативных актов основам и принципам конституционализма, обладающий реально действующими инструментами по оперативному реагированию и устранению возможно возникающих коллизий и правовых пробелов. Таковым и является институт *конституционного контроля*, являющийся, на наш взгляд, одной из *форм государственного контроля*, реализуемого органами государственной власти, направленной не столько на обеспечение независимости органов государственной власти друг от друга, сколько на *осуществление их качественного взаимодействия и сбалансированной совместной работы*. Постараемся аргументировать соотношение данных двух понятий посредством анализа научных воззрений на их предмет.

Профессор В.Е. Чиркин определяет *государственный контроль* как особый *вид деятельности органов государства*, имеющих контрольные полномочия, осуществляемый посредством особых процедур и завершающийся определенным результатом, таким, например, как составление акта проверки, ревизии или

¹ Арановский К.В., Князев С.Д. *Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений: монография*. М.: Проспект, 2016. С.114.

установление общей картины состояния, в целях достижения желаемого управленческого результата¹.

Е.А. Лукашева предлагает авторское определение государственной контрольной деятельности через регламентацию ее целей: обеспечение законности, охрану конституционных прав человека и гражданина, создание благоприятных условий жизни и т.п., одновременно говоря о вариативности форм осуществления данного рода деятельности со стороны различных органов всех трех ветвей власти в соответствии с их конституционными полномочиями².

А.В. Мартынов рассматривает содержание контрольной деятельности как «деятельность государственных органов и их должностных лиц, наделенных компетенцией и полномочиями, осуществляемая с использованием различных методов управляющего воздействия, по оценке установленных контрольных фактов (соответствия заданным параметрам) в деятельности подконтрольного объекта для дальнейшей ее корректировки или распространения положительного опыта, а также поощрения подконтрольного объекта»³.

Опираясь на вышеизложенные доводы, формулируем, что *государственная контрольная деятельность* – это составная часть законодательно регламентированной управленческой деятельности его полномочных органов и высших должностных лиц, объектом которой выступает законность, обоснованность и целесообразность действий контролируемого.

Доктринальные определения понятия «*конституционный контроль*» также разнятся своим содержанием: Так, Л.Д. Воеводин, в своей совместной работе с Д.Л. Златопольским, рассматривают *конституционный контроль* как деятельность по проверке реализации положений самой Конституции, а также по проверке актов высших органов государственной власти на предмет их конституционности⁴. Ю.Л. Шульженко дополняет данное определение указанием на признак обязательной

¹ Чиркин В.Е. Публично-правовое образование: монография. М.: Норма, 2011. С. 100.

² Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2015. С. 381-409.

³ Мартынов А.В. Контрольная власть в России: понятие, формы и юридическое значение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 207.

⁴ Воеводин Л.Д., Златопольский Д.Л. Государственное право зарубежных социалистических стран. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 8.

последующей отмены акта, признанного несоответствующим Основному Закону¹. Известный немецкий конституционалист А. Бланкенагель выделяет в качестве ведущей функции *конституционного контроля* – разрешение конфликтов между ветвями власти и сбалансирование их работы².

Ж.И. Овсепян, определяя сущностные характеристики *конституционного контроля* указывает на то, что: 1) это разновидность *государственного контроля* и осуществляют его постоянные органы государства; 2) это форма *государственного контроля*, построенная на профессиональной основе; 3) это контрольная правоохранительная деятельность, основанная на преобладании юрисдикционных способов; 4) по сравнению с общим государственным контролем конституционный контроль распространяется не только на сферу управления, но, прежде всего, охватывает нормотворчество и законодательную деятельность; 5) это специализированный механизм охраны основного закона государства – Конституции; 6) это высшая (после парламентской и референдума) форма контроля³.

Таким, образом, следует заключить, что *конституционно-контрольная деятельность* – это одна из *форм государственной контрольной деятельности*, в первую очередь, направленная на обеспечение государственными органами соответствия законов и иных нормативных правовых актов Конституции государства⁴, в целях обеспечения верховенства ее правовых основ, реализации принципа разделения властей, а также неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из вышеперечисленных признаков, можно выделить следующие *виды конституционной контрольной деятельности* как формы государственной контрольной деятельности, реализуемые в отечественной правовой системе:

¹ Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М.: Ин-т государства и права, 1995. С. 9.

² Бланкенагель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102.

³ Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. С. 341-347.

⁴ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 391.

судебный конституционный контроль (Глава 7 Конституции Российской Федерации; Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)¹; *президентский конституционный контроль* (на основании ч. 2 ст. 80, ст. 81 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации выступает гарантом соблюдения верховенства конституционных основ на территории всего государства, а также обеспечивает сбалансированную работу системы сдержек и противовесов законодательной, исполнительной и судебной власти во взаимодействии друг с другом)²; *парламентский конституционный контроль* (Федеральный закон Российской Федерации от 07.05.2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле») (*самоконтроль*)³. То есть «конституционный контроль» и «судебный конституционный контроль» соотносятся между собой как «целое» и «часть», как и иные виды конституционно-контрольной деятельности.

Вышеперечисленные субъекты реализации конституционно-контрольной деятельности осуществляют ее в сфере отношений, возникающих при реализации ими властных полномочий, в целях защиты конституционных прав и свобод граждан, а также способствуя поддержанию баланса системы сдержек и противовесов в соответствии с принципом разделения властей как основы демократического строя государства (ст. 10 Конституции Российской Федерации), пресекая попытки любой ветви власти превысить свои конституционные полномочия или осуществлять их реализацию неконституционным способом.

¹ Судебные органы Российской Федерации, наряду с функцией правосудия, реализуют контрольные функции по отношению к действиям органов исполнительной власти в части определения законности и обоснованности вынесенных ими решений («административный контроль»), а также осуществляют рассмотрение дел «о неконституционности, во-первых, деятельности законодателя и, во-вторых, исполнителя». См.: Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М.: Институт права и публичной политики. 2002. С. 12-13.

² Комкова Г.Н., Абаева Е.А. Президентский контроль за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 75-87.

³ Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации / В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова, М.В. Варлен [и др.]. Москва-Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2020. 545 с.

Однако, данный род деятельности не выступает для них ведущей, *компетентностно-формирующей функцией*. В то время, как «универсальная контрольная функция» закладывает основу существования особой ветви власти – *контрольной*¹. Институтом которой, некоторые ученые² считают производство *судебного конституционного контроля* в Российской Федерации, подвергая сомнению правомерность отнесения его к органам судебной власти³, несмотря на то, что понятие «*судебный конституционный контроль*» давно известно и широко применяется в научных трудах выдающихся отечественных и зарубежных исследователей (таких как С.А. Авакьян, П.А. Астафичев, В.Д. Зорькин, М.А. Митюков, Ж.И. Овсепян, Ю.Л. Шульженко, А. Шайо, Г.А. Швамонян, и т.д.) и используется оно и самим Конституционным Судом РФ, характеризующим *судебный конституционный контроль* как существеннейший атрибут современной демократии⁴.

На наш взгляд, несмотря на ряд существенных отличительных признаков, выделяющих и дифференцирующих Конституционный Суд России от прочих органов судебной власти, он, все же, нормативно является ее частью (Глава 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура»). Однако, следует подчеркнуть, что Конституционному Суду Российской Федерации принадлежит исключительное право на осуществление *судебного конституционного контроля* в РФ, что предполагает возможность использования института конституционно-правового принуждения в целях обеспечения реализации его резолютивных актов,

¹ Чиркин В.Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10-18.

² Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 87; Петров М.В., Ливеровский А.А. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал Конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23-28.

³ См., например: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. С. 17-19; Петров М.В., Ливеровский А.А. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал Конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23-28.

⁴ Информация Конституционного Суда Российской Федерации: «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Anniversary/Documnts> (дата обращения: 16.11.2021).

как это свойственно иным *органам государственной власти*. Ни один другой суд данным правом законодательно не наделен, как и не имеет полномочий ни по самостоятельной трактовке Конституции России с целью установления соответствия нормативного акта или его части содержанию отечественного Основного Закона с его последующей отменой, в случае выявления расхождений, ни по разграничению спорной компетенции органов государства, ни по другим подведомственным конституционному правосудию делам. Что весьма доктринально оправданно, так как *судебный конституционный контроль* – это, в первую очередь, механизм осуществления права по контролю за конституционностью, что требует особого конституционного-правового статуса и определения для органа, полномочного к его реализации.

Подобная практика распространена и в мире. В частности, согласно ст. 111 Конституции Литвы¹ Конституционный Суд данного государства не входит в систему судебной власти, которую составляют Верховный Суд Литвы, Апелляционный суд Литвы, окружные и районные суды², а является полностью самостоятельным и независимым органом государственной власти. Конкретизируется данное положение и в ст.1 Закона «О Конституционном Суде Литвы»³.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд России – это *орган конституционного контроля Российской Федерации специализированного характера*, осуществляющий данную контрольную деятельность в рамках конституционного судопроизводства, что также можно выразить как «*осуществление судебного конституционного контроля*», *сочетающего* черты контрольной и судебной властей и являющегося *самостоятельным видом государственной деятельности*.

¹ Конституция Республики Литвы от 25.10.1992 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org> (дата обращения: 15.03.2022).

² Сухоруков А.С. Особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4 (34). С. 137.

³ Закон «О Конституционном Суде Республике Литва» от 03.02.1993 г. № 1-67 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lrkt.lt/en> (дата обращения: 15.02.2022).

Действительно, сам процесс конституционного правосудия предполагает под собой независимое и беспристрастное суждение судей относительно оценки законности и справедливости *результатов деятельности субъектов права*, к числу которых относятся как правотворческие, так и правоприменительные органы.

При этом крайне важно разграничить понятия «судебного конституционного контроля *над* законодательной и исполнительной властью» и «судебного конституционного контроля *актов и решений* органов законодательной и исполнительной власти». На наш взгляд разница их вполне очевидна и заложена самой сутью идеи принципа разделения властей, предполагающего, в функциональном своем компоненте, качественное взаимодействие и дополнение их деятельности друг друга на основе единства основ публичной власти, который подробно анализировался нами в рамках параграфа 1 Главы 1 настоящего диссертационного исследования. Однако, некоторые исследователи не согласны с данным мнением. Например, В.М. Савицкий в своем авторском учебном пособии «Организация судебной власти в Российской Федерации»¹ отдельно выделяет раздел «Судебный контроль *за* законодательной властью» (курс. наш), тем самым, утверждая некоторый приоритет и верховенство судебной власти над законодательной, что противит самой сути классической теории, предполагающей равноправие и самостоятельность ветвей. Аналогично и с контрольными полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации по отношению к деятельности органов исполнительной власти: рассматривая жалобы граждан на нарушение их прав и свобод, Конституционный Суд проверяет НЕ деятельность правоприменительных органов, а *анализирует конституционность законов и иных нормативных актов*, примененных в конкретном деле в части предмета или компетенции, оспариваемых в обращении (ст. 74, 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Таким образом, *судебный конституционный контроль* – это не контроль Конституционного Суда Российской Федерации *за* деятельностью иных ветвей

¹ Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: учебное пособие для вузов. М.: БЕК, 1996. 320 с.

власти, это его функциональное правомочие воздействовать в строго определенной форме и мере на результаты правотворческой и правоприменительной деятельности, а через это косвенно и на саму их деятельность, как средство обеспечения баланса и единства публичной власти¹.

Особое же положение Конституционного Суда Российской Федерации в системе государственной власти выражается в том, что, следуя судебной процессуальной форме деятельности (ст. 20 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), он осуществляет как *правосудные функции* при разрешении публично-правовых споров (например, споров о компетенции между органами государственной власти различных уровней власти (ч. 3 ст. 125 Конституции РФ), которые, прежде всего, характеризуют его как судебную власть, так и такие *судебно-властные функции*, которые скорее можно отнести к конституционно-контрольным полномочиям и, в связи с этим говорить о деятельности Конституционного Суда России как *самостоятельном виде государственной деятельности*, опираясь, в первую очередь, на п. 40 ст. 1 Закона Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», которым внесены изменения в материальные основы правовой природы Конституционного Суда России в части определения его как *высшего судебного органа конституционного контроля* (ст. 125 Конституции Российской Федерации).

Следует отметить, что существующая *двухуровневая модель* регламентации правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации одновременно в Конституции России (статьи 118-125, 128) и в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» характерна для большинства стран романо-германской правовой семьи (к числу которых относится и Российская Федерация), в рамках которых реализуются европейская («кельзеновская», континентальная) модель судебного конституционного контроля, особенности которой будут предметно рассмотрены в следующих главах

¹ Махлаева Т.И. Судебная власть в системе разделения властей. М.: АЭФП, 2003. С. 37.

настоящего исследования. Она предполагает возложение данного рода полномочий на *специализированный орган судебной ветви власти* с выделением в его деятельности *публичной компетентностно-образующей конституционно-контрольной функции*, коим в отечественной правовой системе, и является Конституционный Суд Российской Федерации.

Описанный юридино-технический подход имеет сравнительные достоинства и недостатки. С одной стороны, детальное определение правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации в Учредительном акте является своего рода гарантией «незыблемости» материальных основ его деятельности, так как данный правовой акт обладает гораздо большей стабильностью, а, соответственно, и «защищенностью» от «произвола» власти, ввиду усложненной процедуры внесения поправок в его содержание (ст. 134, 136 Конституции Российской Федерации). Что представляется крайне важным в обеспечение независимости и беспристрастности Конституционного Суда при разрешении споров с участием органов публичной власти и высших должностных лиц государства. Ведь, увы, вопросы права, служащие непосредственным предметом рассмотрения высшего органа конституционного контроля (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») редко, когда могут быть полностью отделены от политики, так как непосредственно связаны с обеспечением прав и свобод граждан, а, значит, затрагивают широкий круг общественных отношений, служащих объектом регулирования внутренней и внешней политики государства: социальные, экономические, трудовые и т.д. Что, на наш взгляд, не только не противоречит принципу разделения властей, но, напротив, дополнительно гарантирует его претворение в жизнь, так как обеспечивает полноценную возможность конституционного правосудия быть «беспристрастным арбитром» в споре о компетенции органов государственной власти, как по вертикали, так и по горизонтали, реализуя, тем самым, механизм «сдержек и противовесов» (checks and balances) в российском правовом демократическом государстве.

С другой стороны, увы, следует заключить, что, несмотря на то, что с момента принятия в 1993 году, Конституция Российской Федерации была объектом внесения поправок 15 раз, в крайний из которых было внесено 206 изменений, ее содержание не лишено пробелов и недостатков, отмечаемых как правоприменителями, так и учеными. Часть из них непосредственно касается вопросов определения правового статуса института конституционного правосудия.

В частности, это отсутствие указания на Конституционный Суд Российской Федерации как *самостоятельный орган государственной власти* в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ. Как уже указывалось нами ранее, специфические особенности высшего отечественного органа конституционной юстиции предопределяют его «двуединую» сущность, проистекающую из сочетания *правосудных и судебно-властных функций*, что дает основание говорить о *судебном конституционном контроле* как об отдельном *виде государственной деятельности*, которая, соответственно, является несколько отличной по своему содержанию от судебной, реализуемой судами общей практики и арбитражными судами как по процедуре, так и по смыслу. И, соответственно, требует закрепления высшего органа конституционного контроля в перечне субъектов реализации государственно-властных полномочий, наряду с Президентом Российской Федерации, Федеральным Собранием, Правительством Российской Федерации, судами Российской Федерации в целях обеспечения стабильности его существования, а также сохранения его «обособленного» положения и функций гаранта разделения властей.

Говоря о тенденциях развития отечественного института судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей и средства обеспечения системы «сдержек и противовесов», следует отметить, что на современном этапе развития российской правовой системы наблюдается некоторая трансформация институциональных основ *судебного конституционного контроля*, направленная на симбиоз *контрольной и надзорной функции* в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Так, проведенный в рамках представленного диссертационного исследования количественный и качественный

анализ научной и нормативной литературы показал, что процесс развития института *судебного конституционного контроля*, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, как специализированным органом *конституционного контроля*, идет по пути трансформации и естественного разделения его функций на *конституционно-контрольные* (с правом отмены не соответствующего Конституции акта) и *конституционно-надзорные* (носящие консультативно-наблюдательный характер).

Наиболее ярко, на наш взгляд, это проявляется в процессе рассмотрения жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (Глава XII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В ст. 96 вышеуказанного правового акта законодатель называет одним из условий возможности подобного обращения «исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты», что, несмотря на безусловную обязанность в рамках процесса конституционного правосудия рассмотреть вопрос исключительно «права», а не «факта», представляет собой фактический анализ судьями Конституционного Суда Российской Федерации состоявшегося решения органа судебной власти по конкретному делу на предмет обоснованности применения в его разрешении того или иного нормативного акта и соответствия его конституционным правоустановлениям. Организационно Конституционный Суд РФ не входит в систему судов общей юрисдикции и, следовательно, не является по отношению к ним *контролирующим органом*, что не позволяет абсолютизировать точку зрения В.П. Беляева, в части применимости его теории оснований разграничения «*судебного контроля*» и «*судебного надзора*» к правоотношениям, порождаемых в ходе конституционного судебного процесса по вышеуказанному основанию обращения¹. Ведь, признавая нормативный акт, примененный судом общей юрисдикции неконституционным², Конституционный Суд не отменяет данное правоприменительное решение, а лишь указывает на

¹ Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве. М.: Проспект, 2005. С. 97-99.

² Либо давая его официальное конституционно-правовое толкование в состоявшемся решении, что исключает иное истолкование данных положений в правоприменительной практике.

необходимость его пересмотра¹, то есть не вторгается в их организационно-управленческую деятельность, как это предусмотрено в классическом определении контрольной деятельности (например, в административном праве²). То есть, фактически, реализует функцию *надзора* по отношению к правоприменительным органам, одновременно осуществляя и судебный *конституционный контроль* опротестовываемого нормативно-правового акта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации.

Также примером развивающейся *конституционно-надзорной функции* специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации представляется перспектива осуществления введенного поправками 2020 года *предварительного судебного конституционного контроля* законопроектов законов РФ о поправке к Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и законов РФ по запросу Президента РФ до момента их подписания (ч. 5.1 ст.125 Конституции РФ), полномочие по осуществлению которого, с одной стороны, безусловно усиливает позиции Конституционного Суда России. С другой стороны, подобная возможность позволяет Президенту Российской Федерации «заручиться поддержкой» высшего органа судебного конституционного контроля на случай расхождения мнений относительно «судьбы» законотворческой инициативы с представителями палат Федерального Собрания. Не до конца ясны и перспективы синтеза функций по предварительному и последующему нормоконтролю в рамках деятельности Конституционного Суда РФ, так как за истекший почти двухлетний период Президент Российской Федерации еще ни разу не воспользовался своим правом обращения за консультативным заключением в орган конституционной юстиции, и, следовательно, правоприменительная практика, которая могла бы стать базой для эмпирического исследования, не сформирована. Однако,

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2020 г. № 42-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2011 г. № 6-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 17-П и т.д.

² Старилов Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Книга вторая: Формы и методы управленческих действий. Правовые акты управления. Административный договор. Административная юстиция. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 11.

анализируя материально-правовые основы предварительного и последующего нормоконтроля, можно предположить некоторую коллизийность в их реализации в рамках деятельности одного полномочного контрольно-надзорного органа, что, безусловно, требует дополнительного предметного рассмотрения, как со стороны ученых, правоприменителей, так и субъектов правотворчества. Особенно применительно к вопросу определения роли Конституционного Суда Российской Федерации как гаранта соблюдения принципа разделения властей, выступающего предметом настоящего диссертационного исследования. Ведь, как и ряд стран новой демократии, прямо закрепивших при регламентации пределов проверки и полномочий специализированного органа судебного конституционного контроля нормативно-правовых актов, правомочие по анализу их содержания с точки зрения установленного Высшим законом разграничения компетенции между органами государственной власти согласно принципу разделения государственной власти по горизонтали и вертикали¹, Конституционный Суд Российской Федерации также обладает подобным легально закрепленным правом (ст. 94 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), что, безусловно, еще раз подчеркивает его существенную роль в качестве гаранта соблюдения данного принципа как одной из фундаментальных основ отечественного конституционного строя (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Не до конца ясна и эффективность реализации решения о трансформации органов конституционной юстиции на региональном уровне в конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ². Однако, уже сейчас наблюдается их очевидная схожесть по своим правомочиям со статусом Комитета конституционного надзора СССР³. Так, в частности, ч. 8 ст. 8 Конституционного

¹ См., например: п. 5 ч. 1 ст. 84 Кодекса Республики Абхазия «О конституционной юрисдикции»; п. 6 ч. 3 ст. 1 Закона «О Конституционном Суде Республики Молдова».

² Двойменный И.А. Региональная конституционная юстиция: состояние и перспективы // Регион: системы, экономика, управление. № 1 (52). 2021. С. 191.

³ Данный вывод относительно «схожести» правомочий конституционных (уставных) советов субъектов федерации со статусом Комитета конституционного надзора СССР, произведен на основании анализа вступившего в законную силу Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 г. № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха

закона Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 года № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» предусматривает лишь рекомендательный характер предписания о внесении изменений в законы Республики Саха (Якутия), иные нормативные правовые акты Конституционного совета, в случае установления их несоответствия Конституции (Основному закону) Республики Саха (Якутия). В то время как утративший силу с 08 июня 2021 года Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 г. 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» в ст. 91, 92 предусматривал их окончательность, общеобязательность и непосредственное действие.

При сохранении указанной тенденции развития правовой системы Российской Федерации в области конституционного правосудия более аргументированным представляется вывод о том, что отечественные *органы конституционного судебного* а, с недавних пор, и *квазисудебного конституционного контроля*¹, осуществляют особый вид деятельности – *контроль и надзор* за выполнением законодательства и соответствием его Конституции Российской Федерации и Конституциям (Уставам) субъектов федерации², обеспечивая тем самым уверенный баланс ветвей власти, основанный на принципе сдержек и противовесов. Причем именно в указанной формулировке, содержащей перечисление этих двух функций через союз «и», исключаящей тем самым не только отождествление данных двух понятий в нормативной и научной литературе, но и весьма дискуссионные точки зрения некоторых исследователей о том, что «едва ли кто осмелится возражать против того, что главная цель создания

(Якутия)» [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/574747374> (дата обращения: 07.10.2022), а также проекта № 6-628/з Закона Республики Башкортостан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Башкортостан» [Электронный ресурс] // URL: <http://gsrb.ru/kom-izm-konst-rb/files> (дата обращения: 07.10.2022).

¹ Имеются в виду Конституционные (уставные) советы субъектов федерации, созданные и планируемые к созданию на территории Российской Федерации по прообразу квазисудебных органов конституционного контроля, функционирующих в ряде зарубежных государств.

² Мельников Н.В. О соотношении специализированного конституционного контроля и неспециализированного надзора в России // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 3. С. 3.

Конституционного Суда – надзор за соблюдением Конституции... давно пора отказаться от устаревшего стереотипа считать Конституционный Суд РФ органом конституционного контроля»¹.

Подводя итог вышеизложенным умозаключениям и рассуждениям, следует сделать ряд выводов относительно историко-правовых оснований возникновения и развития института *судебного конституционного контроля* как средства обеспечения системы «сдержек и противовесов»:

1. Классическое обоснование концептуальной основы *судебного конституционного контроля* как гарантии реализации принципа разделения властей связано с именем Ж.-Ж. Руссо, который впервые определил роль обособленных и независимых от единого механизма государственной власти *судебных органов* в урегулировании конфликтов между законодательной и исполнительной властями, между народом и государством, государством и сувереном², то есть в публично-правовой сфере жизни общества.

2. В основе формирования института *судебного конституционного контроля* в романо-германской и англо-саксонской правовой традиции, помимо концептуальных теоретических разработок, лежала и объективная необходимость обеспечения верховенства права над произвольной его трактовкой со стороны высших законодательных и исполнительных органов власти в их стремлении доминировать друг на другом и подчинить «волеизъявление меньшинства господствующим большинством»³. Таким образом, реализация «пилотной» идеи создания органов специализированного и неспециализированного *судебного конституционного контроля* являлась средством *восстановления нарушенного баланса ветвей власти и системы «сдержек и противовесов»* в условиях первых правовых демократических государств.

¹ Зиновьев А.В. Статус Конституционного Суда России и его деятельность нуждаются в совершенствовании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 5 (274). С. 6.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. С. 242.

³ Клишас А.А. Принцип разделения властей как концептуальная основа институционализации системы конституционного контроля и конституционного правосудия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4 (32). С. 136.

3. Опыт создания специализированного органа конституционной юстиции в СССР и в современной России (в 1991 году), наряду с довольно «сильными» конституционно-контрольными полномочиями законодательной власти и Президента Российской Федерации, показывает закономерность и объективную необходимость его учреждения в качестве самостоятельного, независимого и полномочного органа государственной власти в системе разделения властей, организационно не входящего в структуру судов общей юрисдикции в соответствии с *романо-германскими правовыми традициями* и особенностями государственно-правового генезиса нашей страны, а также условиями современной стадии ее функционирования.

4. Правовая природа института Конституционного Суда Российской Федерации до сих пор обсуждаема в научных кругах. Безусловно, несмотря на ряд существенных отличительных признаков, выделяющих и дифференцирующих Конституционный Суд России от прочих органов судебной власти, он, все же, реализует *правосудную функцию* и нормативно является ее частью (Глава 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура»). В то же время, одновременное наличие *судебно-властной функции* (в первую очередь, реализуемой при нормоконтроле) является компетентностно-формирующей основой для *судебного конституционного контроля* в Российской Федерации как «*высшей формы конституционного контроля*», реализуемой специализированным органом – Конституционным Судом России. Что дает основание говорить о *судебном конституционном контроле* как об отдельном *виде государственной деятельности*, которая, соответственно, является отличной по своему содержанию от судебной, реализуемой судами общей практики и арбитражными судами как по процедуре, так и по смыслу. И, соответственно, опосредует необходимость закрепления высшего органа конституционного контроля в перечне субъектов реализации государственно-властных полномочий, наряду с Президентом Российской Федерации, Федеральным Собранием, Правительством Российской Федерации, судами Российской Федерации.

5. *Судебный конституционный контроль* является высшей формой конституционно-контрольной деятельности и, как следствие, входит в ее систему, включающую в себя: *президентский конституционный контроль*; *парламентский конституционный контроль (самоконтроль)*; *квазисудебный конституционный контроль*.

Исходя из природы *конституционно-контрольной деятельности*, ее можно определить как одну из форм *государственной контрольной деятельности*, в первую очередь, направленную на обеспечение государственными органами соответствия законов и иных нормативных правовых актов Конституции государства¹, в целях обеспечения верховенства ее правовых основ, реализации принципа разделения властей, а также неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

6. На современном этапе развития российской правовой системы наблюдается тенденция к трансформации институциональных основ *судебного конституционного контроля*, направленная на симбиоз *контрольной* и *надзорной функции* в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Так, проведенный в рамках представленного диссертационного исследования количественный и качественный анализ научной и нормативной литературы показал, что процесс развития института *судебного конституционного контроля*, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, как специализированным органом *конституционного контроля*, идет по пути трансформации и естественного разделения его функций на *конституционно-контрольные* (с правом «дисквалификации» не соответствующего Конституции акта) и *конституционно-надзорные* (носящие консультативно-наблюдательный характер), что требует дополнительного легального закрепления в определении его конституционно-правового статуса.

¹ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 391.

Глава 2. Материально-правовое регулирование судебного конституционного контроля

§ 1. Компетенция органов судебного конституционного контроля по взаимодействию с органами публичной власти, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами

Понятие права столь же древнее, как и существование самого общества; и с самого начала своего зарождения оно было направлено на формирование и изменение общественного порядка. Правила, регулирующие человеческое взаимодействие, являются основой морально ответственных обществ, базирующихся на принципах справедливости, этичности и взаимного уважения. Потребность общества в праве предполагает, что все конфликты должны подлежать легальному разрешению. Являясь неотъемлемым элементом современного общества, закон¹ вездесущ и играет, если не решающую, то ведущую роль в разрешении человеческих конфликтов.

По сути, функция *права*, на страже которого и стоит институт судебного конституционного контроля, состоит в установлении «...правил и процедур, которые ограничивают власть, возлагают на нее ответственность за свои действия и исключают аккумуляцию автократической или олигархической власти; предоставляют различные средства для ненасильственного разрешения споров

¹ Признавая бесспорные отличия понятия «*jus*» (право, лат.) и «*lex*» (закон, лат.) в части отношения первого в большей степени к категории справедливости, чем к позитивному властному установлению государства, выраженному сущностью второго понятия, мы используем в данном случае их в качестве синонимичных и взаимозаменяемых. В первую очередь, ввиду того, что содержание исследуемого предмета – судебного конституционного контроля, представляет собой ни что иное, как деятельность судьи Конституционного Суда Российской Федерации по «отысканию права» в содержании и истолковании конкретной нормы Конституции Российской Федерации и ее справедливом, легальном применении к отношениям людей (*jurisdictio*).

между гражданами, их объединениями, а также гражданами и государством»¹. Практическая необходимость в этом в истории развития российской государственности возникла в начале 90-х гг. XX в., когда общество находилось в состоянии перманентного кризиса власти, вызванного острой политической ситуацией и сопровождавшегося масштабными государственными и общественными преобразованиями, которые, увы, были не абсолютно легитимны и единогласно положительно воспринимаемы конкурирующими за власть политическими силами и гражданами. Общество нуждалось в отыскании юрисдикционных форм мирного, легального разрешения публично-правовых конфликтов². И институт *судебного конституционного контроля*, возникший благодаря образованию в системе судебной власти Конституционного Суда Российской Федерации в 1991 году, стал одним из таких эффективных способов, ежедневно подтверждающих свою состоятельность и в современной правовой системе нашего государства.

Сущность отечественного судебного конституционного контроля заключается в установленной законодательным путем специальной процедуре по контролю за соответствием Конституции Российской Федерации нормативно-правовых актов, издаваемых органами публичной власти, а также не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации (ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации) в целях обеспечения верховенства и прямого действия Основного закона, конституционного взаимодействия властей по вертикали и горизонтали, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также создания «живого» конституционного права³.

¹ Crocker C., Hampson F.O. (eds.) *Managing Global Chaos: Sources of the Response to International Conflict*. Washington: US Institute of Peace Press. 1996. P. 586.

² Карпунина В.В. Отдельные публично-правовые конфликты и проблемы их регулирования // Признание права и принцип формального равенства: сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: Издательство современная экономика и право, 2015. С. 210-216.

³ Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: монография. – М.: БЕК, 1998. С. 104.

Однако полномочия данного правового института не ограничены его функциональным компонентом, выраженным в *нормоконтрольной функции*¹. Оно также включает в себе разрешение споров о компетенции между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, высшими государственными органами субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 125 Конституции Российской Федерации), толкование Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации), участие в процедуре конституционной ответственности органов государственной власти² и т.д.³ Принимая на себя часть ответственности за крупные политические решения (например, он выразил знаковые для современной истории России, да и мира, правовые позиции о конституционности поправок к Конституции 2020 года⁴; о принятии в состав РФ Республики Крым и

¹ Бондарь Н.С. Конституционный контроль в системе нормоконтрольных функций судебной власти // Судья. 2021. № 10 (130). С. 11-16.

² Например, дача Конституционным Судом Российской Федерации по запросу Совета Федерации заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президенту Российской Федерации (ч. 7 ст. 125 Конституции Российской Федерации).

³ Нарутто С.В. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы регулирования и реализации // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 7. С. 783-797.

⁴ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

города Севастополя¹, Донецкой² и Луганской Народных Республик³, Запорожской⁴ и Херсонской областей⁵), высший орган судебного конституционного контроля обеспечивает баланс полномочий Президента Российской Федерации и Федерального Собрания, гарантируя и реализуя на практике принцип разделения властей в его функциональном понимании.

Институт судебного конституционного контроля в зарубежных государствах, во многом, содержит в себе аналогичные вышеуказанным полномочия, однако, есть и ряд отличий. Так, Конституционный суд Республики Молдова, согласно положениям ч. 3 ст. 134 Конституции Республики⁶, которые развиваются Законом

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // СЗ РФ. 2014. № 13. Ст. 1527.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 г. № 36-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202210020002> (дата обращения: 07.10.2022).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 г. № 37-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202210020003> (дата обращения: 07.10.2022).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10. 2022 г. № 38-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202210020004> (дата обращения: 07.10.2022).

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 г. № 39-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202210020001> (дата обращения: 07.10.2022).

⁶ Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс] // URL: <https://presedinte.md/titul5> (дата обращения: 10.04.2022).

о Конституционном суде от 13 декабря 1994 года № 317¹ и Кодексом конституционной юрисдикции от 16 июня 1995 года № 502², помимо обеспечения гарантии верховенства Конституции, в соответствии с прямо закрепленным полномочием, осуществляет реализацию принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и гарантирует ответственность государства перед гражданином и гражданина перед государством, что, помимо *нормоконтрольных функций* (п. а, с, г. ч. 1 ст. 135 Конституции Республики Молдова), аналогичных тем, что реализуются отечественным органом конституционной юстиции, предусматривает участие Конституционного Суда Молдавии: в подтверждении результатов республиканских референдумов и выборов Парламента и Президента Республики Молдова (п. d, e ч. 1 ст. 135 Конституции Республики Молдова); констатации обстоятельств, оправдывающих роспуск Парламента, отстранение от должности Президента Республики Молдова или временное исполнение его обязанностей, а также невозможность исполнения Президентом Республики Молдова своих обязанностей в течение более чем 60 дней (п. f ч. 1 ст. 135 Конституции Республики Молдова); принятии решений по вопросам о конституционности политических партий (п. h ч. 1 ст. 135 Конституции Республики Молдова). Часть 2 ст. 2 Кодекса Республики Абхазия о конституционной юрисдикции также прямо устанавливает полномочие Конституционного Суда по реализации принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную и взаимной ответственности государства и гражданина.

Таким образом, роль судебного конституционного контроля, осуществляемого в Российской Федерации специализированным органом – Конституционным Судом Российской Федерации, состоит в том, чтобы возвращать

¹ Закон Республики Молдова от 13.12.1994 г. № 317-XIII «О Конституционном суде» [Электронный ресурс] // URL: https://constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/L317_XIII_1994_ru (дата обращения: 15.12.2022).

² Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова от 16.06.1995 № 502 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.constcourt.md/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

и направлять развитие того, как граждане и их объединения справляются с конфликтами, возникающими из их правовых взаимоотношений с органами публичной власти Российской Федерации, международными организациями и межгосударственными органами, выстраивать взаимоотношения между ветвями власти в правовом русле, при необходимости, ограничивая их в превышении конституционных полномочий, основываясь на верховенстве и прямом действии Конституции Российской Федерации, ибо она «выше всех» в юридическом смысле.

Всестороннее рассмотрение публично-правовых конфликтов как объекта, на который направлена компетенция Конституционного Суда Российской Федерации во взаимодействии с органами публичной власти, законодательными органами, судами общей и арбитражной юрисдикции, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами, невозможно без рассмотрения их элементов во взаимосвязи и единстве, так как правовым противоборство может стать только при наличии соответствующих юридических свойств хотя бы у одного из его элементов.

Субъектами публично-правового конфликта выступают физические (граждане Российской Федерации, лица с множественным гражданством¹, иностранные граждане, лица без гражданства²) и юридические лица (государство в лице своих представительных органов, общественные объединения граждан³, политические партии⁴, международные организации⁵ и т.д.), причем присутствие последних уже само по себе предопределяет обязательность отнесения данного конфликта в категории юридического. Следует отметить, что в рамках разрешения

¹ Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 35-41.

² Харламов С.О. Конституционные права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства и их особенности в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 126-130.

³ Рабазанов С.А. Общественные объединения – коллективные субъекты конституционных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. № 3. С. 348-354.

⁴ Решетников О.М. Политическая партия как субъект правоотношения // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 6 (79). С. 67-68.

⁵ Миннеханова Д.Р. Конституционно-правовые основы сотрудничества России с международными организациями // Science Time. 2016. № 4 (28). С. 537-544.

подобного рода споров Конституционный Суд Российской Федерации имеет дело с состязательностью как равнозначного уровня субъектов (например, разрешение спора между органами исполнительной и законодательной власти¹), так и с «разнородными» (обращение гражданина Российской Федерации за восстановлением нарушенного конституционного права²).

Объект публично-правового конфликта – общественные отношения, подпадающие под правовое регулирование (общий объект) и материальные, нематериальные, духовные ценности (непосредственный объект), на которые направлено противоборство субъектов конфликта. Предмет же данного рода конфликтов представляют противоречивые правовые интересы, возникшие в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права³.

Особая сложность рассмотрения юридических конфликтов, проистекающих из публично-правовых отношений, заключается в том, что большинство из них имеет «смешанную» природу (то есть имеет и правовые, и внеправовые элементы, основанные, например, на политических конфронтациях или проистекающие из

¹ Несмотря на законодательное закрепление данного правомочия за Конституционным Судом Российской Федерации (Глава XI Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), анализ практики конституционного правосудия с 1993 по 2021 годы показывает, что спор о компетенции выступал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации лишь единожды, когда рассматривался вопрос разграничения полномочий между Советом Федерации и Президентом относительно издания акта о временном отстранении от исполнения должностных обязанностей Генерального прокурора Российской Федерации в связи с возбуждением в его отношении уголовного дела (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.1999 г. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в его отношении уголовного дела» // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6364). Вопрос закрепления данного полномочия за органами судебного конституционного контроля в зарубежных правовых системах рассматривался в параграфе 1 Главы 2 данной работы, практика же его реализации будет рассмотрена и проанализирована предметно далее, в рамках изложения материалов параграфа 2 Главы 3).

² Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Глава XII.

³ Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. С. 29.

национальных конфликтов¹), а не является «чисто» правовыми, то есть связанными исключительно с правом (например, как устранение противоречия нормативных актов).

Существуют также области общественных отношений, которые по своему характеру могут подпадать под правовое регулирование, но пока законодательно не урегулированы и требуют юридического закрепления (в теории права их именуют «правовые пробелы»², «пробелы в праве» и т.д.). Причем легальное их закрепление часто имеет место сначала в судебной практике, в отдельных судебных решениях, и только затем – в нормативных актах (так называемая «преюдиция судебных решений»³). Как это, зачастую, происходит с правовыми позициями, изложенными в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, изданных в рамках судебного конституционного контроля⁴.

Объективная сторона (внешние действия) *публично-правового конфликта* заключается в противоположно направленных наступательных и оборонительных, юридически нейтральных и значимых деяниях (как правомерных, так и противоправных) субъектов права как сторон конфликта, причиняющих ущерб. Ведь сам факт наличия неравного распределения прав в обществе не влечет конфликта. Его возникновение связано с осознанием данного неравенства⁵, и, как

¹ И именно поэтому органам судебного конституционного контроля, зачастую, приходится выступать «актерами» в принятии политических, по сути, решений в рамках внутригосударственных и международных публично-правовых конфликтов, разделяя, при этом, юридическую ответственность за вынесенные решения с органами исполнительной и законодательной власти. О части уже состоявшихся «знаковых» решений Конституционного Суда России мы уже упоминали на страницах данного диссертационного исследования.

² Татаринов С.А. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по преодолению конституционно-правовых пробелов // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 48-52.

³ Амбалова С.М. О соотношении преюдиции и обязательности судебных актов: некоторые теоретико-практические аспекты // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 томах. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 347-355.

⁴ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2011 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса об административных правонарушениях в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Стройкомплект» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101192> (дата обращения: 13.02.2022).

⁵ Коузер Л.А. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999. С. 46.

следствие, инициацией его разрешения правовыми средствами (например, путем обращения гражданина с жалобой на нарушение своих прав в Конституционный Суд Российской Федерации).

В связи с этим хотелось бы отдельно рассмотреть вопрос лояльности граждан к существованию самой возможности разрешения конфликтов посредством использования «легальных» методов и средств, и готовности обращаться в судебные органы в случае возникновения спора.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее ВЦИОМ) и Государственный центральный музей современной истории России в 2018 году провели исследование на предмет знания гражданами Российской Федерации норм Конституции, а также о приоритетных, на их взгляд, правах и свободах¹. Несмотря на то, что Индекс информированности о содержании Конституции², в 2018 г. вырос до 52 п., что выше показателя 2016 г. (46 п.) на 6 п., почти 1/4 (23 %) опрошенных не имело представления о статьях Конституции, при всего лишь 6 % уверенно (на их субъективный взгляд) знающих ее нормоположения. Оставшиеся 69 % респондентов ответили, что «имеют о Конституции общие представления», что, фактически, равно простому знанию о самом факте существования Основного закона, обретенному ими во время обучения, учитывая то, что 66 % из них даже затруднились верно назвать год ее принятия³.

На наш взгляд, приведенные выше показатели, а также установленный опросом факт того, что каждый пятый (18 %) россиянин не изучал Конституцию родного государства (42 % среди лиц, имеющих неполное среднее образование)⁴, свидетельствуют о весьма низком уровне конституционно-правовой культуры

¹ Конституция РФ: наши права и свободы. Аналитический обзор Всероссийского центра измерения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 24.06.2022).

² Индекс информированности о Конституции в данном исследовании рассчитывался на основании простой арифметической разности суммы положительных и отрицательных ответов на вопрос об осведомленности респондентов и измерялся в пунктах-единицах: от -100 до 100.

³ Согласно данным опроса преобладающее число граждан изучали Конституцию РФ во время обучения в ВУЗе (38 %) и в школе (30 %).

⁴ Конституция РФ: наши права и свободы. Аналитический обзор Всероссийского центра измерения общественного мнения.

нашего общества, что прямым образом сказывается на отношении граждан Российской Федерации ко всей системе публичной власти в целом и судебным органам в частности.

Именно поэтому выбор нашими соотечественниками социальных прав: на охрану здоровья (49 %), образование (45 %), труд (40 %) и социальное обеспечение (38 %) в качестве наиболее важных из провозглашенных в Конституции¹, довольно понятен и очевиден. Причем ставят они их на ступень выше, чем «право на жизнь» и «право на жилище» (по 36 %), видимо, расценивая сам факт своего существования на Земле не столь важным и ценным, если государством не обеспечен достойный уровень этого существования посредством реализации социальных прав и гарантий. При этом, лишь треть респондентов осознает важность механизма легальной конституционной защиты и обеспечения своих прав и интересов: «право на защиту своих прав и свобод, включая судебную защиту» (30 %), «право на свободу и личную неприкосновенность» (29 %), «свободу мысли и слова» (23 %), «свободу от любых вмешательств в частную жизнь» (19 %), в то время как он реально закреплен Конституцией Российской Федерации и успешно функционирует посредством осуществления конституционного контроля со стороны полномочных органов государственной власти и высших должностных лиц.

С принятием поправок в Конституцию России 2020 году и проведением масштабной просветительской кампании в СМИ по поводу информирования граждан о их содержании, «иерархия» конституционных ценностей наших соотечественников не изменилась².

Скептически оценивают граждане и эксперты и независимость судебной системы: результаты произведенной оценки индекса независимости судебной

¹ Конституция РФ: наши права и свободы. Аналитический обзор Всероссийского центра измерения общественного мнения.

² Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному ВЦИОМ в марте 2020 года в топ-5 наиважнейших поправок к Конституции, попали: контроль за медицинским обслуживанием, обязательная социальная поддержка детей, защита уникальной природы страны и гарантия социальных и пенсионных индексируемых выплат. См. подробнее: Рейтинг поправок к Конституции [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 22.06.2022).

системы экспертами Всемирного экономического форума в рамках исследования индекса глобальной конкурентоспособности в 2018 году свидетельствует о том, что за период с 2008 по 2018 года судебная система в Российской Федерации не являлась в должной мере самостоятельной в своих решениях от законодательной и исполнительной ветвей власти (респонденты оценили индекс независимости на уровне 3-4 баллов по десятибалльной шкале)¹; что подтверждается данными об отношении граждан Российской Федерации к деятельности судебной власти Российской Федерации за период 31.01.2020-31.05.2022 гг., представленными на сайте ВЦИОМ². Результаты последнего исследования доказывают, что процент населения, одобritельно относящегося к институту правосудия, за последние три года стабильно незначительно превышал количественный показатель недовольных его функционированием, что говорит о недостаточной эффективности реализации положений Концепции по развитию судебной власти в части «повышения качества правосудия и совершенствования судопроизводства, его адаптации к потребностям государства и общества как неотъемлемой части последовательно проводимого демократического процесса в России»³. При чем указанная проблема носит характер системной, что подтверждается анализом опыта реализации Программы модернизации судебной системы до 2012 года со стороны самого правоприменителя⁴.

В целях разрешения вышеописанной проблемы, 5 декабря 2019 года Советом судей Российской Федерации⁵, в рамках реализации положений Федерального

¹ Нисневич Ю.А. Судебная система постсоветской России: социальный контекст // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 84.

² По данным всероссийского телефонного опроса омнибусного типа по методике «ВЦИОМ - СПУТНИК» 1600 респондентов, представляющих не менее, чем 80 регионов Российской Федерации, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.06.2022). Подробнее см. Приложение 1 к данному диссертационному исследованию.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.

⁴ Там же. Раздел IV.

⁵ Совет судей Российской Федерации на основании п. 2 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (с изм. на 08.12.2020 г.) является органом отечественного судейского сообщества,

закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹, одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы², направленная на «гармонизацию отношений судебной власти и общества, понимание гражданами целей и содержания проводимой в государстве судебной реформы»³.

В перечне приоритетных целей судейского сообщества, представленных в тексте данного документа, особое место, на наш взгляд, занимает повышение уровня доверия граждан к судебной системе на основе обеспечения открытости и гласности судопроизводства посредством объективного его освещения в средствах массовой информации, что представляется крайне важным в современном «цифровом» мире. Аналогичной позиции придерживаются и западные коллеги: в пункте 15 Заключения № 7, принятого Консультативным советом европейских судей в 2015 году⁴, отмечено, что наилучшей гарантией независимости судов является активная их роль в информировании общественности, что не только не является препятствием для соблюдения требования о беспристрастности суда, но и, напротив, способствует укреплению его независимости и открытости для социума. Активная образовательно-просветительская деятельность со стороны судей, доведение до сведения общественности объективной информации о структуре, деятельности и принципах организации судебной власти в СМИ, способствует росту доверия населения судам.

Однако не только непосредственные взаимоотношения между органами судебной власти и гражданами формируют «имидж» последней. Зачастую, данный

сформированным Всероссийским съездом судей из числа судей федеральных судов, а также судей судов субъектов Российской Федерации (ч.1 ст. 8).

¹ Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. на 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6217.

² Официально опубликована не была. Текст представлен на официальном сайте Совета судей Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://ssrf.ru> (дата обращения: 27.06.2022).

³ Там же. Раздел I.

⁴ Заключение Консультативного Совета Европейских судей для Кабинета Министров Совета Европы от 16.10.2015 г. № 18 (2015) «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 12.

процесс происходит не без участия органов исполнительной и законодательной власти, так как реализация принципа разделения властей предполагает, в первую очередь, единство публичной власти и верховенство закона, лояльное отношение к которому и формируется в рамках легитимного признания обществом деятельности всех трех ветвей власти. При чем признается данный аспект не только отечественными органами судейского сообщества, но и мировыми. Так, Консультативный Совет Европейских судей в 2015 году в вышеупомянутом Заключении, указал на изменение в системе сдержек и противовесов, в ходе которого исполнительная и законодательная власть стали более независимыми, существенно возросло число их полномочных органов и издаваемых ими нормативных актов, что привело к вынужденному увеличению контроля (а иногда и ограничения) за ними со стороны судебной власти¹, полномочной рассматривать споры о компетенции, об обжаловании действий исполнительных органов и соответствии их правовых актов конституционным принципам того или иного государства. Рассмотрим данный аспект подробнее в рамках анализа конкретных примеров судебной практики:

В 2002 году предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ) стало дело «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*)², заявитель по которому имел право на предоставление компенсационной выплаты за утраченный земельный участок, вышедший из-под его владения ввиду изменения государственных территориальных границ после Второй мировой войны. В результате принятия властями Польши нового законодательства, данный

¹ Именно поэтому некоторые западные исследователи в своих трудах говорят о «глобальной экспансии судебной власти» (см., например, Tate and Vallinder (eds.). *Global Expansion of Judicial Power*. New York: New York University Press, 1997. 570 p.), что, представляется небезосновательным, если принять во внимание все возрастающее влияние «наднациональных» судов (например, Европейского Суда по правам человека, фактически, принявшего на себя роль «Конституционного Суда», распространяющего свою юрисдикцию на территорию всех стран-участников Совета Европы), выраженное в их регулярных попытках «вторжения» в область национальной идентичности внутригосударственного законодательства и политического строительства (в первую очередь, конституционного).

² См.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19.12.2002 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31443/96 «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 7/2003.

гражданин лишился права на выплату и счел это несправедливым, обратившись в национальный орган конституционной юстиции. Конституционным судом Польши оспариваемые нормы нового законодательства были признаны неконституционными, однако органы исполнительной власти отказались исполнять данное судебное решение и продолжили отказывать заявителям в получении компенсационной выплаты. Рассмотрев данную жалобу по существу, ЕСПЧ указал на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ и указал, что «такое поведение государственных органов, в том числе их осознанная попытка помешать выполнению окончательного и обязательного к исполнению постановления, которое к тому же терпели, если не молчаливо одобряли исполнительные и законодательные органы, не могло быть объяснено наличием законных публичных интересов или интересов всего общества. Напротив, *подобное поведение могло подорвать доверие к судебному органу и его авторитет, поставить под сомнение его эффективность*»² (курс. наш), подтвердив не только общеобязательность исполнения решений судебных органов, но и подчеркнув важность функциональной модели реализации принципа разделения властей, предполагающей сбалансированную работу всех трех ветвей власти, направленную на обеспечение верховенства права, легитимности граждан по отношению к легальному разрешению публичных конфликтов, а также формирование конституционно-правовой культуры общества.

Субъективная сторона (мотивация) юридического конфликта – факторы, способствовавшие возникновению и обострению течения социально-психологических процессов, приводящих субъекты публично-правового противостояния к действиям (экономические, политические, социальные, информационные, правовые). Так, обращают на себя внимание некоторые

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. ETS № 005 (в ред. Протокола № 11 от 11.05.1994 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19.12.2002 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31443/96 «Брониовски против Польши (Broniowski v. Poland)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 7/2003.

недостатки юридико-технических характеристик вносимых законопроектов, многие из которых перенасыщены декларациями, пожеланиями, описаниями, в череде которых с трудом можно отыскать норму права. Довольно хаотичное нарастание законодательной базы, ее казуистичность¹ («оторванность» от жизни и потребностей общества), приводят к кризису доверия общества к государству, «эрозии» правовой системы, разрастанию правового нигилизма², как населения, так и должностных лиц.

Зачастую издаваемые нормативные документы не содержат в своем составе ни санкций, ни механизмов реализации, что приводит к неоправданно большому числу их издания. Особо это касается ведомственных нормативных актов³, часто противоречащих друг другу.

Нельзя, безусловно, исключать и влияние «сугубо человеческого» фактора на количество конфликтных ситуаций, возникающих на почве публично-правовых отношений. В реальности получается так, что определенные законом права имеют многие, но отстаивают, борются за них лишь некоторые. То есть дело может быть в исключительной «конфликтности» самого субъекта, его эмоциональной вовлеченности⁴, а, учитывая специфику публично-правовых конфликтов, и в его политической заинтересованности. Именно поэтому важно не только нормативное закрепление за Конституционным Судом Российской Федерации материального правомочия решать вопросы сугубо права, а не факта и определения независимости его судей (ст. 5, 13 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и, в перспективе, закрепление регулированием на

¹ Репьев А.Г. Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 41-46.

² Правовой нигилизм как один из видов деформации правового сознания / Д.Д. Ларюшина и т.д. // Тенденции инновационного развития науки и практики. Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью «НОВАЛЕНСО», 2017. С. 191-192.

³ Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. С. 43.

⁴ Худойкина Т.В. Указ. соч. С. 55.

уровне отдельного законодательного акта более детальной регламентации судебной процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ, включая наиболее важные нормы, которые сейчас необоснованно, на наш взгляд, подпадают лишь под сферу регулирования подзаконного нормативного акта (Регламента Конституционного Суда РФ).

Подводя итог рассуждениям о компетенции органов судебного конституционного контроля во взаимодействии с органами публичной власти, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами, хотелось бы отдельно остановиться на вопросе анализа ее «ценностностной» характеристики в формировании общественного правосознания и отечественного государственного правопорядка.

Ведь конфликт неизбежен и постоянен во всех человеческих взаимодействиях, которые всегда имеют «два отражения»: насильственные действия между людьми, негативно влияющие на общество, и те конфликтные ситуации, которые положительно способствуют развитию человеческих отношений и социального взаимодействия (так называемые «трансформационные конфликты»¹). И те, и другие требуют соблюдения правил, гибкости в подходах к управлению и понимания контекста и процедуры для выбора подходящего способа разрешения данных споров, гарантирующих торжество справедливости и объективности на всех этапах урегулирования.

Как уже было отмечено выше, публично-правовой конфликт – явление неприятное, но не всегда исключительно негативно окрашенное. Л. Коузер, совершенно точно в данной связи замечает, что «в ходе конфликта постоянно создаются новые правила, а старые претерпевают изменения. Будучи причиной состояний, которые частично или полностью не могут определяться существующими нормами и правилами, конфликт стимулирует установление новых норм и правил»².

¹ Ягуткина Е.С. Управление трансформационными конфликтами в социально-стабильном регионе // Успехи современной науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 170-172.

² Коузер Л.А. Основы конфликтологии / пер. с англ. А.А. Крашевского, М.В. Сорокина. СПб.: Светлячок, 1999. С. 128.

Так, разрешение конфликтных ситуаций, проистекающих из отношений публично-правового характера, в рамках осуществления судебного конституционного контроля, также может иметь определенные положительные правовые последствия. Ибо даже «в море законов человек зачастую оказывается беззащитен»¹, особенно в эпоху масштабных общественных перемен и законодательных реформ, проистекающих даже в области относительно стабильных и неизменных основ конституционализма России. Что, в свою очередь, влечет за собой масштабное внесение поправок во все отраслевые законодательства, рост которых породил ряд проблем публично-правового характера, требующих разрешения путем судебного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации (например, введение обязательного наименования должности главы субъекта Российской Федерации встретило яркое противоборство со стороны органов публичной власти Республики Татарстан, настаивавших на своем суверенном праве сохранить за главой Республики статус Президента²).

Во-первых, возникновение подобного рода противоборств может служить прямым отражением правовой действительности, ее несовершенства и возможного дисбаланса в организации и функционировании институтов публичной власти, выраженного в «сбое» работы системы взаимных сдержек и противовесов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, вторгающихся в сферу компетенции друг друга³.

Во-вторых, юридизация публично-правовых конфликтов прямым образом влияет на изменение правовой действительности путем создания новых правовых норм и обновления существующих, внесения дополнений и изменений в действующие нормативные акты, то есть порождает инициацию процесса

¹ Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. С. 12.

² Государство в государстве – это не проблема [Электронный ресурс] // URL: <http://kommersant.ru/doc/3826923> (дата обращения: 13.02.2022).

³ Гаджиев А.Ш. Современные проблемы системы сдержек и противовесов в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 379-381.

правотворчества. Отчасти именно поэтому за Конституционным Судом Российской Федерации легально закреплено право законоотворческой инициативы по предметам своего ведения¹. Более того, зачастую в выносимых им Постановлениях и Определениях косвенно дается и указание органам законодательной власти на необходимость устранения выявленных правовых пробелов и коллизий с указанием прямых путей верного их нормативного закрепления в целях соответствия их толкования нормам Конституции Российской Федерации².

К тому же решения специализированного судебного органа конституционного контроля Российской Федерации обладают особым юридическим свойством, изложенным в правовых позициях Суда: «...правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны доводы Конституционного Суда Российской Федерации в резолютивной части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц»³. Следовательно, обязательны они и для самого Конституционного Суда России, так как он относится к числу *государственных органов*, составляющих судебную систему Российской

¹ Сковорцов-Савельев И.А. Суды Российской Федерации как субъекты права законодательной инициативы федерального уровня (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юридических наук. СПб, 2010. С. 7.

² Например, в формулировке, данной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта статьи 13 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой»: «...сказанное не исключает возможности дальнейшего совершенствования законодателем правового регулирования ...в частности не препятствует законодателю отказаться от использования формы вины в качестве критерия для выделения административного правонарушения в самостоятельный состав..., притом что задача ...может быть решена в пределах санкции основного состава административного правонарушения...в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации о соразмерности административной ответственности» // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 744.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2001 г. № 65 «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

Федерации. Однако последнее порождает, зачастую, некоторые правовые коллизии, так как наряду с общеобязательностью и прямым действием решений Конституционного Суда Российской Федерации, существует и возможность изменения им своей правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях, а, значит, предполагается возможность одновременного действия двух противоположных по смыслу предписаний¹, что, безусловно, также косвенно является основанием для возникновения юридического конфликта.

Безусловно, наиболее эффективно с точки зрения формирования социального, демократического, правопослушного общества, осуществлять пресечение публично-правовых конфликтов еще на стадии возникновения «предконфликтной ситуации», а именно своевременно выявлять возникающие правовые коллизии и заблаговременно устранять «конфликт норм права» до момента возникновения открытого противоборства со стороны субъектов правоотношений.

Отчасти отечественный законодатель и пошел данным путем, введя поправками в Конституцию 2020 года (п. «а», «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ) институт *предварительного судебного конституционного контроля* (a priori) как формы деятельности специализированного органа судебного конституционного контроля по проверке проектов законов РФ о поправке к Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов (предусмотренных ч. 2, 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции России), законов, до их подписания Президентом Российской Федерации, на предмет соответствия Конституции страны до вступления их в действие в целях предупреждения последующих публично-правовых конфликтов, связанных с нарушением конституционной законности.

Следует отметить, что расширение круга объектов судебного конституционного контроля, осуществляемого a priori, существенно расширило компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации в области

¹ Лебедев В.А. Коллизии в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 35 (250). Право. Вып. 30. С. 9.

нормоконтроля в целом и деятельности по обеспечению реализации принципа разделения властей и участию в механизме «сдержек и противовесов» в частности, еще более упрочив его роль «в обеспечении законности и прав граждан», на которой акцентировал свое внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию от 15 января 2020г.¹

Подробный правовой анализ института предварительного судебного конституционного контроля и его специфических особенностей применительно к российской модели построения института специализированной конституционно-контрольной деятельности мы проведем в рамках следующего параграфа настоящего диссертационного исследования. Однако, хотелось бы отдельно акцентировать внимание на его значимости в сфере взаимного контроля ветвей власти и безусловном трансформирующем влиянии на отечественную систему конституционной юстиции.

Институт предварительного специализированного конституционного контроля не является новеллой мировой правовой практики и в настоящее время реализуется более, чем в 20-ти государствах². Например, во Франции он получил свое нормативное закрепление в 1958 г.³ и длительное время оставался единственно возможной сферой деятельности Конституционного Совета (до 2010 г.). Также он реализуется в Молдавии, Испании, Польше, Казахстане, Румынии и др. государствах. Существовал он и в практике отечественного специализированного конституционного контроля, еще до момента принятия конституционных поправок 2020 года, правда в несколько «суженном» формате: нормативно закреплялась возможность производства специализированного конституционного контроля а priori лишь в отношении не вступивших в законную силу международных договоров нашего государства, а с 2014 и 2015 гг. соответственно, вопросов,

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 13.02.2022).

² Бондарева Е.А. Институт предварительного конституционного контроля в России и Франции: теория и практика применения // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2013. № 2. С. 59.

³ Вязовская Т.Н., Евсеева Л.А., Змиевский Д.В., Галиева Г.В. Предварительный конституционный судебный контроль в Российской Федерации // Вестник РУК. 2020. № 3 (41). С. 104.

выносимых на референдум, и разрешения возможности исполнения решений межгосударственных органов на территории России¹. Примечательно, что последние из указанных полномочий, получили свое нормативное закрепление по инициативе самого Конституционного Суда², который, будучи, как мы ранее аргументированно доказывали, независимым органом государственной власти, несет позитивную ответственность за содержательное развитие своей компетенции³.

Предварительный судебный конституционный контроль, реализуемый Конституционным Судом Российской Федерации, выступая дополнительной гарантией обеспечения верховенства Конституции, защиты прав и свобод граждан, представляет собой деятельность по разрешению публично-правовых споров относительно конституционности того или иного проекта нормативного акта. То есть данная форма специализированной контрольной деятельности обладает схожим юрисдикционным началом с иными делами, рассматриваемыми в порядке конституционного нормоконтроля *a posteriori* (последующего), при чем с сохранением элемента состязательности: практически во всех случаях (за исключением предварительной проверки проекта закона о поправках к Конституции России) Президент РФ должен обосновать свои сомнения

¹ Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2922; Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // СЗ РФ. 2015. № 51. Ст. 7229.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", ч.1 и 4 ст. 11, п. 4 ст.4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона "О референдуме Российской Федерации" в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.

³ Клишас А.А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал Конституционного правосудия. 2021. № 5. С. 11.

относительно конституционности положений проекта акта, за «экспертизой» которого он обращается в Суд (ст. 110.7 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). С другой стороны, осуществляя нормоконтроль *a priori*, Конституционный Суд Российской Федерации, фактически, становится участником законотворческого процесса, находящегося вне сферы его прямой компетенции, ограниченной рассмотрением вопросов права, а не факта (ст. 3, 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Более того, по мнению некоторых ученых, институт предварительного конституционного контроля – это элемент «политической игры», выступающий либо в качестве дополнительного инструмента легитимации властных решений, либо усиления президентской власти в части ограничения власти парламента, представляя собой «подобие института президентского вето»¹. На наш взгляд данная точка зрения не представляется достаточно аргументированной, так как в данных публично-правовых спорах Конституционный Суд России выступает как арбитр, который оценивает лишь конституционность властных законотворческих инициатив с точки зрения соответствия их содержания конституционным принципам, нормам и ценностям, обеспечивая, тем самым, режим конституционной законности². А политическая целесообразность их принятия, по оценке самого высшего органа конституционной юстиции, «зависит от конкретных социально-политических условий» остается в ведении легально избранного высшего представительного органа Российской Федерации – Федерального Собрания, прямо представляющего народ как единственный источник власти в Российской Федерации³, что не только

¹ Tanchev E. Genesis and evolution of constitutional review (issues of constitutional control in comparative and Bulgarian prospective) // Classical and modern trends in constitutional review. Sofia, 2012. P. 85.

² Клишас А.А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал Конституционного правосудия. 2021. № 5. С. 16.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.1995 г. № 77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст.4867.

полностью соответствует принципу разделения властей, но и гарантирует его реализацию.

Таким образом, справедливым представляется вывод о том, что предварительный судебный конституционный контроль направлен как на реализацию *нормоконтрольной функции* высшего отечественного органа конституционной юстиции, предметом которой выступает гипотетическая неконституционность того или иного проекта законодательного акта, так и на гарантию единства верховной публичной власти посредством обеспечения конструктивного и эффективного взаимодействия ветвей власти в ходе законодательного процесса.

Подводя итог вышеизложенным рассуждениям, следует сделать вывод относительно компетенции органов судебного конституционного контроля по взаимодействию с органами публичной власти, гражданами и общественными объединениями, международными организациями и судебными органами, основанной на симбиозе следующих функций:

– *нормоконтрольной функции*, заключающейся в установленной законодательным путем специальной процедуре по контролю за соответствием Конституции Российской Федерации нормативно-правовых актов, издаваемых органами публичной власти, а также не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации (ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации); осуществлении предварительного нормоконтроля проектов законодательных актов по запросу Президента Российской Федерации (ч. 5.1. ст. 125 Конституции Российской Федерации);

– *функции «конституционного аудита»¹*, состоящей в разрешении споров о компетенции между федеральными органами государственной власти, органами

¹ Употребление данного термина относительно характеристики деятельности Конституционного Суда РФ по рассмотрению споров о компетенции в соответствии с Главой XI Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», обусловлено авторской позицией о сути ее содержания, основывающейся на анализе правовых положений ст. 93 и 94 вышеупомянутого Федерального конституционного закона (о материальных основаниях допустимости ходатайства и пределах проверки, ограниченных соотношением с содержанием текста Конституции РФ и иных договоров о предметах ведения и полномочий, а также соответствии принципу разделения властей по

государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, высшими государственными органами субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 125 Конституции Российской Федерации);

– *функции толкования Конституции Российской Федерации* (ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации), направленного на легитимацию объективного права и выработку в нормативно-доктринальных актах конституционной юстиции смысла конституционного правопонимания и правопользования;

– *«консультативной» функции*, выраженной в участии Конституционного Суда Российской Федерации в процедуре конституционной ответственности органов государственной власти¹;

– *функции превенции*. Сам факт существования института специализированного конституционного контроля и «осведомленности» о его полномочиях со стороны органов государственной власти всех ветвей, служит «профилактикой» нарушений конституционно-правового порядка, более внимательному отношению к использованию средств юридической техники при подготовке и издании нормативно-правовых актов, как директивного, так и организационно-распорядительного характера.

Особое место, по нашему мнению, в перечне данных функций, составляющих компетенцию органа отечественного судебного конституционного контроля, составляет рассмотрение дел, проистекающих из публично-правовых конфликтов между гражданами и их объединениями и органами публичной власти, издавшими нормативно-правовой акт, конституционность которого оспаривается субъектами

горизонтالي (*аудитом*)), а также допустимого содержания итогового решения по данной категории дел, предусматривающее подтверждение или отрицание полномочий соответствующего органа государственной власти, послуживший поводом к спору о компетенции (ст. 95), без фактического проведения нормоконтроля его содержания положениям Конституции РФ.

¹ Например, дача Конституционным судом Российской Федерации по запросу Совета Федерации заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации либо Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ч. 7 ст. 125 Конституции Российской Федерации).

жалобы, обращенной в Конституционный Суд Российской Федерации, ввиду усмотрения ими нарушения своих законных прав и свобод. С одной стороны, в данном случае налицо реализация *нормоконтрольной функции*, так как Суд в данном случае полномочен рассматривать вопросы только права¹, определенные ст. 86 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации», по результатам анализа которых он выносит мотивировочное решение, заключенное в Постановлении о соответствии оспариваемого нормативного акта или его отдельных положений Конституции России (ст. 87 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). С другой стороны, на наш взгляд, стоит согласиться с некоторыми учеными-конституционалистами, полагающими, что «российская модель конституционной жалобы подразумевает смешение как нормоконтроля, так и собственно жалобы на нарушение конституционного права»², что формирует еще одну функцию специализированного органа конституционного контроля — *обеспечения конституционного права*³, непосредственно реализуемую посредством конституционного правосудия, приоритетной задачей которого является защита прав и свобод человека и гражданина. Что, напрямую, связано с участием Конституционного Суда Российской Федерации в претворении в жизнь принципа разделения властей. Ибо, признавая оспариваемые нормы неконституционными, либо давая им конституционное истолкование в положительном для заявителя смысле, высший орган судебного конституционного контроля, в некоторой степени, ограничивает волю и конституционные полномочия Федерального Собрания и Президента РФ, представляющих народ вследствие вотума народного доверия.

¹ Ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта. М.: Норма, 2018. С. 20.

³ Подобной функцией наделен, по мнению М.А. Свистуновой, Федеральный конституционный суд Федеративной Республики Германия, решения которого относительно нарушенных прав или предполагаемых обязанностей, «выполняет ...скорее функцию объективного обеспечения конституционного права, чем функцию защиты субъективных прав». См. подробнее: Свистунова М.А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12-13.

§ 2. Классификация форм осуществления конституционного судебного контроля и его современные модели

Рассматривая вопрос определения понятия «*конституционного контроля*» и деления его на виды в романо-германской и англо-саксонской традициях¹, мы указывали на то, что *судебный конституционный контроль* является лишь одним из *видов конституционной контрольно-надзорной деятельности*, осуществляемой органами государственной власти и высшими должностными лицами. В развитие данной идеи, считаем логичным и целесообразным применить дедуктивный метод познания и перейти от уже аргументированных нами общих умозаключений к конкретному анализу современных моделей и форм осуществления *судебного конституционного контроля*.

Различные по содержанию публично-правовые противоречия, о которых подробно речь шла в параграфе 1 Главы 2 настоящего диссертационного исследования, требуют и специальных средств их разрешения, что предусмотрено различными основаниями осуществления *судебного конституционного контроля*, которые служат одним из критериев для деления его на *формы*, с последующим применением специализированным органом конкретного *способа* его реализации. Так, если противоборство вызвано неправильным пониманием и применением сторонами нормы закона, то данное противоречие может быть устранено путем *официального толкования* Конституционным Судом Российской Федерации (Глава XIV Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Устранение же противоречия между нормативными актами требует более сложной и многоэтапной процедуры, предусматривающей приостановление действия, «*дисквалификацию*» *нарушающего Конституцию Российской Федерации акта*, последующее изменение его содержания (Глава IX, X, XII, XIII Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Однако, несмотря на различия в механизме осуществления, оба рассмотренных *способа* применимы в рамках одной *формы судебного*

¹ См. подробнее параграф 2 Главы 1 настоящего диссертационного исследования.

конституционного контроля – *последующего*, являющегося «мирным средством» разрешения публично-правовых конфликтов, хотя и не без использования элемента силы «государственного понуждения», которому спорящие силы обязаны подчиниться, вследствие специфического статуса высшего судебного органа конституционного контроля как части единой публично-властной системы суверенного государства.

В некоторой степени, в самом названии данного параграфа, мы уже обратили Ваше внимание на авторскую позицию относительно классификации института судебного конституционного контроля, в рамках которой представляется верным дифференцировать его не только на *модели*, как это, преимущественно, принято в науке конституционного права и конституционного судебного процесса¹, но и отдельно выделить *формы* его реализации. В обоснование и аргументацию данной позиции, представляется целесообразным рассмотреть различные *модели* осуществления *современного судебного конституционного контроля* в мировой и отечественной практике, как с точки зрения их материально-процессуальных основ, так и практического опыта реализации посредством состоявшейся судебной практики, так как представляется, что проведенный сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного опыта даст возможность раскрыть не только общие и отличные черты тех или иных мировых моделей, но и определить принадлежность отечественного института судебного конституционного контроля, выделив его положительные и отрицательные черты.

На наш взгляд представляется верным выделить следующие современные модели специализированной конституционно-контрольной деятельности: *специализированный судебный конституционный контроль (европейская (кельзеновская, континентальная) модель); неспециализированный судебный конституционный контроль (американская модель); конституционный контроль,*

¹ В частности: Чиркин В.Е. Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 31; Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. М.: Норма, 2007. С. 36.

реализуемый специализированными внесудебными органами¹ (в том числе квазисудебными²); смешанную (комбинированную) модель судебного конституционного контроля, при котором он реализуется как судами общей практики, так и посредством участия специализированного органа судебного конституционного контроля.

Специализированный судебный конституционный контроль является одной из наиболее широко распространённых моделей судебного конституционного контроля в современном мире и представляет собой деятельность специализированных органов конституционного правосудия по защите основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Основного закона государства. Старейшим специализированным судебным органом конституционного контроля является Конституционный Суд Австрии (Verfassungsgerichtshof, VfGH), созданный в 1920 году. Его деятельность в 1920-1945 гг.³ заложила основы так называемой «европейской (континентальной, кельзеновской)» модели специализированного судебного конституционного контроля, «опирающейся на взаимосвязь принципов верховенства Конституции и верховенства Парламента»⁴. Организационные основы и большинство полномочий данного Конституционного

¹ В данном случае мы используем термин «конституционный контроль» как обобщающий, не проводя градации с конституционным надзором, конституционной контрольно-надзорной деятельностью и т.д., а рассматривая данный род деятельности как особый механизм правовой охраны Основного Закона в целом.

² Термин «квазисудебные» используют по отношению к определению содержания правового статуса органов специализированного внесудебного конституционного контроля многие отечественные ученые-конституционалисты. См., например: Шульженко Ю.Л. Конституционный Суд России между прошлым и будущим / Ю.Л. Шульженко, В.Е. Чиркин // Государство и право. 2011. № 12. С. 24; Петров М.В., Ливеровский А.А. Указ. соч. С. 23-28. Мы солидарны с точкой зрения данных исследователей относительно некоторой «схожести» функционального компонента деятельности рассматриваемых органов с элементами судебной системы и, потому, считаем допустимым использование данного термина в настоящем диссертационном исследовании.

³ На наш взгляд следует согласиться с мнением профессора Г.Г. Арутюняна о том, что именно в данный временной период в европейской истории произошло зарождение «континентальной модели» судебного конституционного контроля. См. подробнее: Арутюнян Г.Г. Конституционный Суд в системе государственной власти: сравнительно-правовое исследование. Ереван, 1999. С. 15.

⁴ Сафонов В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. М.: Юрайт, 2020. С. 68.

Суда изложены в Федеральном конституционном законе Австрии (Bundes-Verfassungsgesetz, B-VG)¹. Кроме того, некоторые дополнительные полномочия были предоставлены Конституционному Суду Австрии положениями других нормативных актов². Конституционный Суд Австрии состоит из четырнадцати конституционных судей: председателя, вице-президента и еще двенадцати членов. Кроме того, предусмотрена возможность привлечения шести заместителей постоянных членов Конституционного Суда Австрии, если один из постоянных членов отсутствует из-за болезни или не может участвовать в рассмотрении конкретного дела ввиду наличия возможной личной заинтересованности в его исходе. Члены и заместители членов назначаются Президентом Австрии по представлению Федерального Правительства (Österreichische Bundesregierung) (которое выдвигает кандидатуры шести конституционных судей и трех их заместителей, кандидатуры Президента и вице-Президента Конституционного Суда) и Национального (Nationalrat, Национальрат) и Федерального (Bundesrat, Бундесрат) Советов Австрийского Парламента (Österreichisches Parlament) (представляют шесть конституционных судей и трех их заместителей). Конституционные судьи Австрии полностью независимы при исполнении своих обязанностей и не связаны какой-либо партийной принадлежностью. При выборе кандидатур учитываются как их квалификационные качества: в частности, наличие юридического образования, многолетний профессиональный опыт в этой области (в том числе судебная деятельность, преподавательская, государственная служба на федеральном и провинциальном уровне, частная юридическая практика и т.д.), так и вариативность происхождения и представительства разных австрийских провинций, а также социально-политических групп и классов. При назначении на пост конституционного судьи, судьи, юристы и преподаватели университетов

¹ Ст. 10 абз. 1 п. 1, ст. 89, ст. 119 а абз. 9 - 10, ст. 126 а, ст. 127 с, ст. 137-147, ст. 148 f, ст. 148 i Федерального конституционного закона Австрии (Bundes-Verfassungsgesetz (Austrian Constitution)) от 10 ноября 1920 года [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=160> (дата обращения: 26.07.2022).

² Например, Федеральным законом «О Конституционном Суде Австрии» от 12.05.1953 г. (в ред. от 26.07.2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 26.07.2022) и Регламентом Конституционного Суда Австрии от 12.10.1946 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 26.07.2022).

продолжают заниматься своими профессиональными делами и, таким образом, приносят свой специфический опыт в работу Суда. Государственным служащим же предоставляется отпуск на время исполнения судебных обязанностей, поскольку в противном случае нельзя было бы исключить конфликта интересов и лоббирования точек зрения руководителей более высоких уровней административной иерархии, что было бы несовместимо с выполнением ими судебных функций. Полномочия конституционного судьи заканчиваются в конце года, в котором ему или ей исполняется семьдесят лет. Досрочное освобождение от должности возможно только по решению самого Суда¹.

Функции, возложенные на Конституционный Суд Австрии, охватывают широкую сферу². Они варьируются от судебного пересмотра законов и иных нормативных актов до пересмотра постановлений административных трибуналов по спорам о компетенции, о распределении доходов между федеральными и земельными органами власти, проверки легальности процедуры выборов и определения предела юрисдикции государственных структур на высшем уровне.

В настоящее время рассматриваемая *модель специализированного судебного конституционного контроля* получила широкое распространение в практике мирового правового строительства (в частности, она применяется в Албании, Беларуси, Болгарии, Гвинее, Германии, Российской Федерации и т.д.³) что, в первую очередь, обусловлено необходимостью защиты прав и свобод человека посредством проверки законности и обоснованности издаваемых нормативно-правовых актов и приведения их в соответствие с Основным законом государства, а также необходимостью обеспечения разделения властей.

«Европейская» (кельзеновская, континентальная) модель положена в основу современной организации институтов специализированного судебного

¹ Конституционный суд: обзор [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vfgh.gv.at> (дата обращения: 27.07.2022).

² Гарифуллина А.Р., Юн Л.В. О конституционном правосудии в Австрии и Бельгии: зарубежный опыт // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: ООО «Издательский дом "Среда"», 2020. С. 131-133.

³ См. Приложение 2 к настоящему диссертационному исследованию.

конституционного контроля, преимущественно, в странах романо-германской правовой семьи, к которой относятся страны Центральной и Восточной Европы¹ (например, Чехии, Польши, Северной Македонии и т.д.), а также большинства постсоветских государств, в число которых входит и Российская Федерация², в которой функции по охране Конституции, прав и свобод граждан возложены на Конституционный Суд Российской Федерации (ст. 1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), сформированный в соответствии с Законом РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»³, п. 29 которого предусмотрел создание судебного органа конституционного контроля. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» был принят 06 мая 1991 г.⁴, а 12 июля 1991 г. на Съезде народных депутатов РСФСР была утверждена новая его редакция⁵. С октября 1991 года Конституционный Суд начал свою работу на территории нашего государства.

Конституционно-правовой статус современного отечественного специализированного органа судебного конституционного контроля регулируется Конституцией Российской Федерации от 1993 г. и Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В соответствии с изменениями, внесенными в вышеупомянутые нормативные акты в связи с принятием поправок в Конституцию

¹ Медушевский А.Н. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докл. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. С. 13-41.

² Однако следует отметить и безусловное влияние на формирование современной модели отечественного специализированного судебного конституционного контроля со стороны «предтечи» российского конституционного правосудия (а, в целом, и всех органов конституционного контроля на постсоветском пространстве) – Комитета по конституционному надзору СССР, деятельность которого уже упоминалась в параграфе 2 Главы 1 настоящего исследования.

³ Закон РСФСР от 15.12.1990 г. № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // ВВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

⁴ Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 06.05.1991 г. // ВВС РФ. 1991. № 19. Ст. 621.

⁵ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 12.07.1991 г. № 1598-1 «Об утверждении Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» // ВВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1016; Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 12.07.1991 г. № 1599-1 // ВВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

Российской Федерации в 2020 году, изменились некоторые институциональные основы деятельности Конституционного Суда России. Однако, в целом, факт следования Российской Федерации *«европейской» модели специализированного судебного конституционного контроля*, остался неизменен (ст. 125 Конституции Российской Федерации).

В настоящее время Конституционный Суд Российской Федерации – это независимый высший судебный орган конституционного контроля, состоящий из 11 судей (включая Председателя Конституционного Суда и его заместителя), назначаемых на должность Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации путем индивидуального тайного голосования с определением простого большинства голосов сенаторов (ст. 4, 9 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») на неограниченный срок (ст. 12 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» определен лишь предельный возраст пребывания в должности судьи, ограниченный достижением им 70-летнего возраста). Также, как и в отношении кандидатов на замещение должностей судей Конституционного Суда Австрии, в Российской Федерации предъявляются определенные требования к будущим судьям: они должны быть в возрасте не менее 40 лет, обладать безупречной репутацией, иметь высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, постоянно проживать на территории Российской Федерации и не иметь гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание данного гражданина на территории иностранного государства (ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Вступление в должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации влечет за собой запрет на занятие любой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и творческой (ст. 11 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Несмотря на неоднозначную оценку зарубежными исследователями и экспертами материальных и процессуальных основ деятельности отечественного

специализированного органа конституционной юстиции¹, опыт его успешного функционирования в нашем государстве на протяжении более 30 лет, выраженный в целом ряде значимых и принципиальных решений по весьма широкому кругу полномочий, закреплёному ст. 125 Конституции Российской Федерации, доказывает его состоятельность и растущую *эффективность*. Уровень повышения которой, по нашему мнению, выражается, в первую очередь, в пересмотре полномочий высшего органа судебного конституционного контроля и совершенствовании механизмов их реализации при недопущении «потери» социально-важных и необходимых функций. Так, существенное расширение сферы компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженное в расширении круга объектов контрольной деятельности, субъектов, полномочных обращаться по различным основаниям в Конституционный Суд, а также внедрение новых *форм* судебной конституционно-контрольной деятельности, безусловно свидетельствуют о повышении эффективности его деятельности.

Однако, существуют, конечно, и ряд минусов, свойственных всей *«европейской» модели специализированного судебного конституционного контроля*:

Во-первых, это достаточно сложный, многоэтапный, и, как следствие, длительный процесс рассмотрения дела в рамках конституционного судебного процесса. Хотя, с другой стороны, данный аспект может быть рассмотрен и как «плюс», так как подробное судебное расследование предполагает более внимательное отношение к конкретному делу и практически исключает «формальный» подход со стороны судей.

¹ В частности, по мнению немецких исследователей Гримма и Цирляйна «слишком широк круг органов, которые могут возбуждать процедуру нормоконтроля; ...нет никакой разницы между рассмотрением спора о компетенции и нормоконтролем; ...воздерживаясь от установления и исследования фактических обстоятельств, Конституционный Суд России ограничивает свои возможности; ... «не совсем хорошо» и отсутствие ограничений срока полномочий судей», а также избрание их простым большинством». См. подробнее: Митюков М.А. Зарубежные оценки законодательного регулирования конституционного правосудия России (по экспертным заключениям венецианской комиссии Совета Европы и иностранных специалистов по конституционному праву) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1. С. 10-13.

Во-вторых, это либо отсутствие функции по *предварительной проверке* конституционности закона до вступления его в действие¹, либо совмещение его с функцией по *последующему контролю* в компетенции одного специализированного органа конституционного контроля², как это предусмотрено в отечественной правовой системе поправкой в Конституцию Российской Федерации 2020 года. Так, несмотря на то, что в Главе XVII Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» достаточно подробно изложены процессуальные аспекты внесения подобного запроса Президентом Российской Федерации в Конституционный Суд, а также материальные условия его допустимости, пределов рассмотрения, содержания вынесенного решения и его юридическое значение, данная новелла, все же, вызывает ряд вопросов у исследователей. Пожалуй, главным из которых является практическая возможность «мирного сосуществования» двух *форм судебного конституционного контроля: предварительного и последующего* в рамках осуществления их одним специализированным органом правосудия. При осуществлении *предварительного контроля* законопроекта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации Конституционный Суд выносит, фактически, преюдиционное решение, что, в теории, исключает возможность проведения им *последующего контроля* того же самого нормативного акта, например, при рассмотрении жалобы гражданина на нарушение его законных прав и интересов в конкретном деле. В связи с чем некоторыми исследователями отмечается, что его сочетание с функцией *последующего нормоконтроля* в компетенции одного специализированного органа конституционного контроля представляется «ограниченным» и не совсем отвечающим изначальной «благой» цели усовершенствования правовой системы и способствованию укреплению

¹ Чиркин В.Е. Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 34.

² Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации. Екатеринбург, 1998. С. 10.

защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Однако данный довод представляется не состоятельным в свете поправок, внесенных законодателем в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² (абз. 7 ст. 110.12), в содержании которых прямо предусмотрено, что признание норм конституционными в рамках предварительного конституционного контроля не препятствует их проверке на предмет конституционности в рамках контроля последующего. Таким образом, у высшего органа судебного конституционного контроля нет легальных причин отказать в абстрактном или конкретном нормоконтроле нормативного акта, в отношении проекта которого была предпринята процедура предварительного нормоконтроля. Более того, исходя из сути ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде», Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, рассматриваемому в рамках нормоконтроля *a posteriori*, в том числе, исходя из места оспариваемого положения в системе правовых актов, учитывая состоявшуюся правоприменительную практику, что позволяет проверить его в динамике. То есть в ином предметном содержании, чем при проведении нормоконтроля *a priori*. Что также свидетельствует в пользу возможности эффективного сочетания данных форм конституционно-контрольной деятельности в рамках одного специализированного органа.

Альтернативной моделью является *неспециализированный судебный конституционный контроль («американская» модель)*, заключающийся в возложении функции по конституционному контролю на суды общей практики (общей юрисдикции). В современном мире данная модель представлена более, чем в 70-ти государствах³ в двух вариантах⁴: *централизованном* – при котором

¹ Малютин Н.С. Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 63-68.

² Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

³ См. Приложение 3 к настоящему диссертационному исследованию.

⁴ Вводя данную классификацию мы соглашаемся с мнением Н.В. Витрука, представленную в ряде его научных работ и учебных пособий. См., например: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М.: Юридическое издательство «Норма», 2012. С. 98.

полномочиями по определению конституционности нормы законодательства наделен лишь суд высшего уровня (Австралия, Ирландия, Колумбия, Мальта и т.д.); *децентрализованном* – при котором суды общей юрисдикции всех уровней правомочны сами решать вопрос о конституционности применяемой ими нормы права (США, Аргентина, Япония и т.д.). В рассматриваемой *модели* судебный конституционный контроль носит *инцидентный характер*¹, что означает осуществление исключительно *конкретного нормоконтроля*, предусматривающего проведение анализа конституционности определенного нормативного акта, подлежащего применению в рамках того или иного рассматриваемого судом дела.

Сравнительно-правовой анализ судебных систем мира, проведенный в рамках настоящего диссертационного исследования, показал, что в настоящее время суды общей юрисдикции осуществляют *неспециализированный судебный конституционный контроль*, преимущественно, в странах англо-саксонской правовой системы, в которой реализована и одноименная *модель* реализации *конституционного контроля*, о которой мы поминали в параграфе 2 Главы 1 настоящего диссертационного исследования. В основном, *американская модель* реализуется в странах Британского Содружества² (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Бангладеш, Барбадос, Белиз, Ботсвана и т.д.), странах Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Венесуэла и т.д.), в Швейцарской Конфедерации, а также некоторых Скандинавских (Финляндия, Швеция) и Исламских (Ирак, Пакистан) государствах, в которых полномочие по осуществлению судебного конституционного контроля легально предоставлено только высшим судам данных государств, что говорит о превалировании

¹ Сажина В.В. Виды конституционного контроля: зарубежный опыт // Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2019. С. 241.

² Британское Содружество Наций (British Commonwealth of Nations) – добровольное межгосударственное объединение 54 суверенных государств, в которое входит Великобритания и почти все ее бывшие доминионы.

централизованной модели неспециализированного судебного конституционного контроля в мире.

Неспециализированный судебный конституционный контроль имеет ряд преимуществ: «диффузность» «американской» модели судебного конституционного контроля, предполагающей право проверки соответствия Конституции актов каждого суда и судьи¹; расширенный круг субъектов обращения к средствам конституционного контроля за защитой и восстановлением нарушенного конституционного права (фактически это любой гражданин, обладающий правом обращения в суд общей юрисдикции, что служит упрощению самой процедуры доступа к данному легальному средству разрешения публично-правового конфликта, исключая «излишние звенья» для доступа к правосудию)²; «казуистичность»: то есть в данной модели конституционный контроль осуществляется одновременно с рассмотрением конкретного дела, что исключает необходимость фактически повторного его рассмотрения в рамках возможного судебного разбирательства по предмету конституционности той или иной нормы, примененной в конкретном деле, в рамках отдельного конституционного процесса; как это происходит при «европейской» модели судебного конституционного контроля; решения, вынесенные в рамках неспециализированного судебного конституционного контроля высшей судебной инстанцией, не только имеют обязательный характер для сторон, участвующих в деле, но и учитываются в последующем при рассмотрении аналогичных дел нижестоящими судами и являются для них общеобязательными³.

К «минусам» данной модели, на наш взгляд, следует отнести: сложность придания решению общеобязательного характера; возможность вынесения

¹ Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. М.: Норма, 2007. С. 37.

² Венецианская комиссия о проблемах правосудия в современном мире / под. ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2018. С. 82.

³ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации. Екатеринбург, 1998. С. 50.

противоречащих друг другу решений различными судами по аналогичного рода делам; длительный характер рассмотрения дел.

Смешанная (комбинированная) модель судебного конституционного контроля предполагает взаимодействие всей системы судебной власти в деятельности по претворению в жизнь верховенства принципов конституционализма, в рамках которой судебный конституционный контроль реализуется как судами общей практики, так и специализированным полномочным органом конституционной юстиции. Ввиду ее незначительного распространения в мире, а также фактическим сочетанием в себе свойств и признаков европейской и американской системы, считаем целесообразным воздержаться от их повторного перечисления, а лишь остановиться на конкретных примерах. В частности, одним из них может служить судебная система Республики Беларусь¹ до принятия поправок в Конституцию от 27.02.2022 г., в результате которых содержание ст. 112, регулирующее порядок действий судов общей юрисдикции при обнаружении в ходе рассмотрения конкретного дела несоответствия нормативного акта Конституции, было изменено с предписания последним самостоятельно «принимать решение в соответствии с Конституцией и ставить в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным» на формулировку: «...суд до принятия постановления ставит перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности данного нормативного правового акта». Применяется смешанная модель и в Швейцарии, где, кроме Федерального Суда, судебный конституционный контроль реализуют суды шести кантонов².

Существенным преимуществом всех перечисленных выше *моделей специализированного и неспециализированного судебного конституционного контроля* являются достаточно высокие квалификационные требования к

¹ Василевич Г.А. Американская модель судебного конституционного контроля – модель для Беларуси? // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, в 2-ух частях. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2020. С. 13.

² Конституция Швейцарской Республики от 18.04.1999 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://constituteproject.org>. (дата обращения: 28.07.2022).

персональному составу судей, которые не только в обязательном порядке должны обладать высшим юридическим образованием, значительным стажем работы по юридической специальности, безупречной репутацией, но, зачастую, и «признанной высокой квалификацией в области права»¹. Как следствие, именно такой персональный состав может обеспечить реализацию всестороннего объективного и максимально справедливого истолкования норм Конституции в рамках осуществления нормоконтроля. Что, увы, не всегда можно сказать о деятельности органов *специализированного внесудебного конституционного контроля («квазисудебного»)*².

Следует отметить, что некоторые исследователи характеризуют данную модель лишь как отдельный вид «европейской» модели *судебного конституционного контроля*³, однако мы придерживаемся иной точки зрения⁴, аргументируя свое мнение тем, что Конституционный совет⁵ существенно отличается от вышерассмотренных *судебных специализированных органов конституционного контроля «европейской» модели* как по материально-правовым основаниям своей деятельности, так и по процессуальному порядку ее осуществления, что позволяет говорить о партикуляризме данной модели с момента ее зарождения и закрепления в 1958 г. Конституцией Франции⁶. Изначально Конституционный совет Франции выступал в качестве одного из

¹ Ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² В частности, для членства в Конституционном совете Франции не требуется никаких предварительных условий в отношении возраста или профессии, за исключением невозможности совмещения членства в совете с занятием какой-либо выборной должности, должности в Правительстве или Экономическом, Социальном и Экологическом совете или с назначением уполномоченным по правам человека. См. подробнее: официальный сайт Конституционного совета Франции [Электронный ресурс] // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/en/council-organisation> (дата обращения: 02.08.2022).

³ Мирзоев С.Б. Конституционный контроль: некоторые современные модели // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 27.

⁴ В научном мире ряд исследователей с нами солидарны. См., например: Чудаков М.Ф. Конституционное право зарубежных стран. Минск: Вышэйшая школа, 2018. С. 222-224.

⁵ Здесь и далее по тексту данный термин будет использоваться в качестве «обобщающего» для обозначения всей совокупности *специализированных органов конституционного контроля внесудебного характера*, функционирующих в современных правовых системах мира, несмотря на признание нами всего многообразия форм и названий подобного рода органов в различных государствах.

⁶ Глава 7 (ст. 56-63) Конституции Франции от 04.10.1958 г.

механизмов «рационализованного парламентаризма»¹, призванного стать «арбитром» в разграничении полномочий между законодательной и исполнительной властью по реализации их нормотворческой функции, что предопределило специфический статус подобного рода образований. Однако, многие французские правоведы с течением времени стали усматривать в его деятельности признаки полноценного судебного учреждения² по следующим основаниям: осуществляет свои полномочия к ходе процедуры, схожей по своей структуре с судебным процессом; решения Конституционного совета Франции обладают абсолютной юридической силой (ст. 62 Конституции Франции); как и специализированные судебные органы конституционного контроля, совет рассматривает вопросы преимущественно права, а не факта; компетенция Конституционного совета четко регламентирована, и он руководствуется ей при принятии того или иного вопроса к рассмотрению; применение приемов толкования конституционных положений в практике производства Конституционного совета Франции.

«Именуется» себя «судом» и сам Конституционный совет Франции, на официальном сайте которого в сети Интернет закреплено, что он является *судом*, наделенным различными полномочиями, включая проверку конституционности законодательства: «It is a *court* vested with various powers, including in particular the review of the constitutionality of legislation»³.

Однако, на наш взгляд, отсутствие нормативного закрепления статуса Конституционного совета в качестве судебного органа в перечне органов судебной власти Франции и иных государств, в которых реализована данная *модель* конституционного контроля, дает основание говорить о их правовом статусе лишь в качестве «*квазисудебных*» органов и выделять их в отдельную *модель* конституционно-контрольной деятельности.

¹ Карпенко К.В. Роль конституционного контроля в развитии конституционного права Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 14.

² Например, Leclercq C. Droit constitutionnel et institutions politiques. Paris, 1999. P. 478; Avril P., Gicquel J. Le Conseil constitutionnel. Paris, 2011. P. 97.

³ Официальный сайт Конституционного совета Франции [Электронный ресурс] // URL: <http://conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 02.08.2022). Перевод наш.

В настоящее время модель специализированного внесудебного конституционного контроля воспринята в ряде государств Африки, многие годы находившихся под влиянием Франции в эпоху колониальных захватов: Алжире, Марокко, Тунисе и т.д.¹ Следует отметить некоторые особенности «квазисудебных» органов в вышеупомянутых странах и их отличие от «французской» модели Конституционного совета Франции, выраженные, в частности, во включении граждан в круг субъектов прямого обращения по вопросам нарушения своих прав и законных интересов (в то время как во Франции с 01 марта 2010 года (в связи с поправками, внесенными в Конституцию Франции от 23 июля 2008 г.²) предусмотрена возможность только опосредованного обращения граждан, их объединений и юридических лиц по вопросу «приоритетного вопроса о конституционности» (QPC) в Конституционный совет через заявления ходатайства в Государственный совет (высший орган административной юстиции) или Кассационный (аналог Верховного) Суд)³. Однако, в целом, материально-правовая структура и круг полномочий рассматриваемых органов специализированного внесудебного конституционного контроля (как по *предварительному* (a priori)⁴, так и по *последующему* (a posteriori) конституционному контролю) схожа.

¹ См. Приложение 4 к данному диссертационному исследованию.

² Конституционный закон № 2008-724 от 23.07.2008 г. «О модернизации институтов V Республики» внес в раздел VII Конституции Франции, регулирующий деятельность Конституционного совета, новую статью 61-1, предусматривающую создание института *последующего* контроля законов. Условия применения данной статьи определяются Органическим законом № 2009-1523 «О применении статьи 61-1 Конституции», принятого Парламентом Франции 24.11.2009 г., подписанного Президентом Франции 10.12.2009 года, и вступившего в силу 01.03.2010 года // Конституционный совет Франции на современном этапе: сборник статей / сост. С.Д. Князев, А.Д. Антонов. М: Издательская группа «Юрист», 2015. С. 5.

³ Ст. 61.1 Конституции Франции от 04.10.1958г.

⁴ Функция *предварительного* (a priori) конституционного контроля обычных законов, органических законов, договоров и постановлений палат Парламента Республики Франция является одной из ведущих в деятельности Конституционного совета Франции, что подтверждается большим числом решений, вынесенных по данному правовому основанию (Conformity Decisions). См., например, ряд решений, вынесенных в период пандемии COVID-19: Decision № 2021-828 DC of 9 November 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://conseil-constitutionnel.fr/en/decision/2021/2021828DC.htm>; Decision № 2021-824 DC of 5 August 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://conseil-constitutionnel.fr/en/2021/2021824DC.htm>; Decision № 2020-808 DC of 13 November 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://conseilconstitutionnel.fr/en/2020/2020808DC.htm> (дата обращения: 02.08.2022).

Говоря об особенностях материально-правового статуса Конституционного совета Франции, хотелось бы отметить его полномочие «по контролю политического процесса»¹, в частности, по рассмотрению вопросов избирательного права², касающихся, например, вопросов соответствия порядка осуществления выборов Президента Республики и референдумов, результаты которых он провозглашает. Данная компетенция широко востребована со стороны субъектов обращений в Конституционный совет Франции, что подтверждается статистикой, приведенной на его официальном сайте в сети Интернет.

Примечательны также полномочия Конституционного совета Франции в качестве обязательного консультативного органа в рамках ст. 16 Конституции Франции (предусматривающей порядок действий Президента Республики по обеспечению конституционных органов государственной власти средствами для выполнения их обязанностей в случае, когда независимость Нации, целостность ее территории или выполнение ее международных обязательств находятся под серьезной и непосредственной угрозой и когда надлежащее функционирование конституционных органов государственной власти нарушено), а также относительно усовершенствования избирательной процедуры и подсчета голосов на выборах Президента Республики и референдумах.

Особенности в условиях каждой из *моделей* настолько многообразны, что трудно рассматривать их в одной плоскости, так как различен «набор» *форм* реализации конституционно-контрольной деятельности в каждом конкретном государстве. Некоторые исследователи (например, Н.В. Витрук³, И.Ю. Остапович⁴,

¹ Кокотова М.А. Проверка конституционности законов по обращениям граждан органами конституционного контроля России и Франции: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 14.

² См., например, решение Конституционного Совета Франции по апелляции г-на Николя Саркози на решение Национальной комиссии по счетам избирательных кампаний и финансированию политических кампаний. Decision No 2013-156 PDR of 4th July 2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://conseil-constitutionnel.fr/en/2013/2013156PDR.htm> (дата обращения: 02.08.2022).

³ Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М.: Юридическое издательство «Норма», 2012. С. 27-28.

⁴ Остапович И.Ю. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2015. С. 31.

Несмеянова С.Э.¹ и др.) в своих работах используют термин «*виды*», описывая схожие основания классификации. Мы же солидарны с позицией С.Б. Мирзоева², А.А. Клишаса³, а также самого Конституционного Суда Российской Федерации⁴, которые используют термин «*формы*» для обозначения внешнего проявления содержательного компонента той или иной *модели* специализированной конституционно-контрольной деятельности, примененной в государстве.

В частности, в зависимости от территории, на которую распространяется юрисдикция органов специализированного конституционного контроля, могут быть выделены следующие *формы*: федеральный специализированный конституционный контроль (судебный и внесудебный); региональный специализированный конституционный контроль (судебный и внесудебный).

Первые две *формы* свойственны лишь странам с федеративной формой устройства, предполагающей территориальное деление государства на части (субъекты), обладающие юридически определенной некоторой политической самостоятельностью и, как следствие, не слишком распространены в мире. Примером реализации данных *форм судебного конституционного контроля* может быть правовая система Федеративной Республики Германия (в которой, наряду с существованием федерального Конституционного Суда ФРГ, предусмотрено функционирование конституционных судов земель (например, в Баварии, Берлине, Гессене и Сааре))⁵ и Российской Федерации, в которой, до внесения поправок в Конституцию России в 2020 году, предусматривалась возможность организации и функционирования региональных конституционных (уставных) судов, которые, в

¹ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации. Екатеринбург, 1998. С. 39.

² Мирзоев С. Б. О формах конституционного контроля: некоторые размышления // Правовое поле современной экономики. 2012. № 9. С. 30-36.

³ Клишас А.А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю // Журнал Конституционного правосудия. 2021. № 5. С. 12.

⁴ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 02.08.2022).

⁵ Гриценко Е.В. Пределы компетенции конституционных судов субъектов Федерации: сравнительный анализ российской и германской моделей региональной конституционной юстиции // Модели конституционной юстиции в современном мире. СПб., 2007. С. 39-66.

соответствии с правовыми позициями, сформулированными Конституционным Судом РФ, не должны рассматриваться в качестве самостоятельной системы судебной власти субъекта Российской Федерации, не входящей в судебную систему Российской Федерации¹, хотя некоторые исследователи называют данные суды «единственным судебным органом государственной власти субъекта Российской Федерации»² и отмечают, что «непризнание судебной системы субъектов федерации идет вразрез с конституционным принципом разделения властей»³.

С 01 января 2023 года региональные органы конституционной юстиции прекратили свое функционирование на территории нашего государства, при этом их функции частично переданы Конституционному Суду Российской Федерации, а частично вновь создаваемым конституционным или уставным советам при законодательных собраниях субъектов федерации (по прообразу органов *специализированного внесудебного конституционного контроля*) и уже стали предметом научной дискуссии, уже частично отраженной и нами на страницах данного диссертационного исследования⁴. Тем не менее, на наш взгляд, организация подобного рода специализированных органов представляется весьма необходимой, так как иначе огромный массив регионального законодательства (отнесенный к исключительному ведению субъектов) останется вне проверки в соответствии с Конституциями (Уставами) соответствующих субъектов

¹ П. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2003 г. № 103-О «По запросу Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда. 2003. № 4. С. 36.

² Безруков А.В., Пунтус С.А. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ в механизме разделения властей // Российское право: образование, практика, наука. 2014. № 2 (83). С. 85.

³ Саликов М.С. Региональные конституционные (уставные) суды: место в судебной системе России // Российское право: образование, практика, наука. 2013. № 2-3 (80-81). С. 18-22.

⁴ Астафичев П.А. Проблемы организации конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. М.: Проспект, 2021. С. 66-67; Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65-74.

Федерации, а также вне области проверки их на соответствие Конституции Российской Федерации.

Еще одним основанием классификации судебного (в том числе «квазисудебного») конституционного контроля является период деятельности полномочных органов. В частности, можно выделить:

- постоянного действующие органы судебного (в том числе «квазисудебного») конституционного контроля (Конституционные Суды Российской Федерации (ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации), Федеративной Республики Германия (ст. 92 Основного Закона ФРГ), Армении (ст. 163 Конституции Армении) и т.д.);

- органы, создаваемые «по специальному полномочию» для решения тех или иных конкретных задач. Согласно ст. 93 Конституции Греции ее судебную систему составляют административные, гражданские и уголовные суды, организованные в соответствии со специальными уставами, возглавляемые, соответственно, Высшим административным Судом (ст. 94 Конституции Греции), Верховным гражданским и уголовным Судом (ст. 99 Конституции Греции), Финансовым Судом (ст. 98 Конституции Греции). Ч. 2 ст. 100 Конституции Греции предусматривает создание Специального (в некоторых источниках – Особого) Высшего Суда, в состав которого входит Председатель Верховного административного Суда, Председатель Верховного Суда по гражданским и уголовным делам и Председатель Финансового Суда и по четыре советника Высшего административного Суда и Верховного гражданского и уголовного Суда, избираемые по жребию сроком на два года. Суд возглавляет Председатель Высшего административного Суда или Председатель Верховного Суда по гражданским и уголовным делам в зависимости от старшинства. В компетенцию Специального Высшего Суда входит: рассмотрение споров о действительности парламентских выборов (ст. 58 Конституции Греции); проверка действительности и результатов референдума, проведенного в соответствии с п. 2 ст. 44 Конституции Греции; решение по делам, связанным с отстранением от должности членов Парламента (п. 2 ст. 55 и ст. 57 Конституции Греции); урегулирование споров между органами власти; рассмотрения вопросов

на предмет конституционности законов, принятых Парламентом или о толковании положений такого закона, когда противоречивые решения были вынесены Верховным административным Судом (п. d ст. 100 Конституции Греции), Высшим Судом по гражданским и уголовным делам или Финансовым Судом (п. e ст. 100 Конституции Греции); урегулирование разногласий, связанных с определением норм международного права как общепризнанных в соответствии с п. 1 ст. 28 Конституции Греции. Решения Специального Высшего Суда носят окончательный, общеобязательный характер и обжалованию не подлежат.

В тексте данного параграфа мы уже рассмотрели некоторые иные *формы судебного конституционного контроля*: по форме проведения – *абстрактный* и *конкретный (инцидентный)*; по времени проведения – *предварительный (превентивный, a priori)* и *последующий (репрессивный, a posteriori)*. Отдельно хотелось бы остановиться еще на нескольких:

1. По обязательности (императивности) проведения судебного конституционного контроля (в том числе и «квазисудебного») выделяют¹: *обязательный контроль*, при котором нормативный акт в установленном порядке проходит обязательную проверку на конституционность (например, органические законы, регламенты палат Парламента Франции (ст. 61 Конституции Франции) или международные договоры в Армении (п. 3 ст. 168 Конституции Армении)) и *факультативный контроль*, осуществляемый органом специализированного конституционного контроля по инициативному обращению субъекта, имеющего на это установленное законом право (например, ст. 72.1 Конституции Абхазии предусматривает разрешение Конституционным Судом Абхазии дел по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и проверку по запросам судов на соответствие закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, Конституции Республики Абхазия (ч. 3 ст. 72.1)). Таким образом, *обязательный контроль* носит превентивный характер и призван исключить

¹ Сажина В.В. Зарубежная конституционная юстиция: к проблеме типологии // Учредительные нормы и учредительные акты в публичном праве (к 25-летию Устава (Основного Закона) Калининградской области). IV Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Заячковский. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2021. С. 161.

возможное наличие неконституционных положений в наиболее значимых нормативно-правовых актах *ab initio*, повышая, тем самым, эффективность законотворческой деятельности, в то время как *факультативный* служит как последующему общему контролю за верховенством и прямым действием Конституции, так и, в случае выявления несоответствия и отмены неконституционных нормоположений, исключает будущие возможные нарушения прав и свобод граждан безотносительно к конкретному рассматриваемому делу.

2. По субъекту инициации процесса судебного конституционного контроля (в том числе и «квазисудебного») выделяют *автономный специализированный конституционный контроль*, при котором контрольный орган наделен полномочием самостоятельно определять предметы своего рассмотрения и начинать проверку (например, данным правом наделен Конституционный Суд Австрии) и *конституционный контроль, иницируемый исключительно другими субъектами*, законодательно наделенными правом обращений в специализированный контрольный орган (например, ст. 125 Конституции Российской Федерации содержит исчерпывающий круг субъектов обращения в Конституционный Суд Российской Федерации).

3. По кругу объектов судебной (в том числе и «квазисудебной») конституционно-контрольной деятельности¹ можно выделить специализированные органы конституционного контроля, полномочные осуществлять контроль *на предмет соответствия* нормативных актов лишь *содержанию Конституции* (например, Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет проверку только на предмет соответствия Конституции РФ, независимо от вида правового акта) и органы, принимающие решение *о соответствии* нормативных актов *как конституционным правоустановлениям, так и законам* (например, Конституционный Суд Литвы полномочен проверять акты Сейма Конституции Литвы, а актов Президента Республики и Правительства – Конституции

¹ Жеребцова Е.Е. Объекты конституционного нормоконтроля: сравнительно-правовое исследование российского и зарубежного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2010. № 5 (65). С. 22-26.

Республики Литва и ее законам¹), что придает законам большое конституционное значение, поскольку они образуют единую с Конституцией нормативную основу для предмета проверки².

4. По содержанию конституционно-контрольной деятельности судебного (в том числе «квазисудебного») органа различают *формальный контроль*, при котором анализируется только процедура принятия и издания нормативно-правового акта, подлежащего проверке (например, к данному виду контроля можно отнести полномочие Конституционного Суда Российской Федерации по даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президенту Российской Федерации либо Президента, прекратившего исполнением своих полномочий, в государственной измене или совершении тяжкого преступления, предусмотренное ч. 7 ст. 125 Конституции Российской Федерации; ст. 110 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и *материальный*, состоящий в сопоставлении содержания рассматриваемого акта с Конституцией (например, данный вид контрольной деятельности реализуется органом конституционной юстиции Российской Федерации в рамках *абстрактного и конкретного нормоконтроля*, предусмотренного п. а, б, в, г ч. 2 ст. 125 Конституции России; ст. 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

5. По правовым последствиям дифференцируют *постановляющий судебный конституционный контроль* (в том числе «квазисудебный»), в рамках которого решения органов судебного конституционного контроля являются общеобязательными и обладают прямым действием (ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации; ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и *консультативный*, когда решения контрольных органов носят рекомендательный характер.

¹ Закон «О Конституционном Суде Республике Литва» The Law on the Constitutional Court of the Republic of Lithuania № 1-67 of 03.02.1993 [Электронный ресурс] // URL: <https://lrkt.lt> (дата обращения: 04.08.2022).

² Сухоруков А.С. Особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4 (34). С. 137.

Подводя итоги анализа *современных моделей и форм судебного конституционного контроля*, следует отметить следующее:

Каждая из описанных *моделей* имеет свои плюсы и минусы, которые, безусловно, не носят категоричного обобщающего характера и допускают некоторую инверсию в зависимости от особенностей конституционного устройства конкретного рассматриваемого государства. Проведенный анализ функционирования *отечественной модели* специализированного судебного конституционного контроля доказывает ее состоятельность. Так, существенное расширение сферы компетенции Конституционного Суда Российской Федерации с момента его первоначального создания в 1991 г. (в том числе в результате конституционных поправок 2020 года), увеличение круга объектов контрольной деятельности, субъектов, полномочных обращаться по различным основаниям в Конституционный Суд, а также внедрение новых *форм* судебной конституционно-контрольной деятельности, свидетельствуют о тенденции к повышению *эффективности* деятельности отечественного специализированного органа конституционного контроля, совершенствовании механизмов его реализации при недопущении «потери» социально-важных функций и сохранении баланса и качественного взаимодействия ветвей власти.

Глава 3. Процессуальные основы осуществления судебного конституционного контроля

§ 1. Основные принципы и формы процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля по обеспечению баланса ветвей власти

Несмотря на различие мнений относительно правомерности отнесения Конституционного Суда Российской Федерации к органам судебной власти¹, представляется правильным сделать вывод о том, что он, все же, нормативно является ее частью (Глава 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть и прокуратура»). Следовательно, *процессуальная деятельность* и правовой статус судей Конституционного Суда Российской Федерации определяются общими правилами и принципами организации судебной власти в Российской Федерации, закрепленными Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) «О судебной системе Российской Федерации» и Законом Российской Федерации от 26.06.1992 г. №3132-1 (в ред. от 30.12.2020 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» равно в той же степени, что и иных судов Российской Федерации.

Современная отечественная судебная система, в состав которой (хотя и объективно обособленно, что требует дополнительного нормативного закрепления) входит и Конституционный Суд Российской Федерации как высший судебный орган конституционного контроля, определяется рядом *конституционно-правовых принципов*, особое место в ряду которых принадлежит *открытости, гласности, публичности и транспарентности*. Образуя имманентную связь с *принципами справедливости, независимости и объективности судей* они предопределяют доверие граждан к данной ветви власти,

¹ Подробнее об этом упоминалось нами ранее, в рамках параграфа 2 главы 1 настоящего диссертационного исследования.

призванной быть максимально доступной для демократического общества¹.

Независимость и объективность судей – безусловные эмерджентные свойства института конституционного правосудия, развитие и всесторонне обеспечение которых посредством снижения нагрузки на суды, укрепления статуса судей, гарантий их независимости, оптимизации судопроизводства и повышения открытости, прозрачности правосудия, как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин на IX Всероссийском съезде судей 6 декабря 2016 г., являются приоритетными задачами развития отечественного судопроизводства².

Следует отметить, что именно такой подход корреспондирует международным стандартам и рекомендациям в сфере правосудия, сформулированным во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, устанавливающих, что каждый человек имеет право на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом³; а также Бангалорским принципам поведения судей, одобренным резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года.

Имплементация данных международных норм в национальное законодательство Российской Федерации произведена в статьях 5 и 29 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации», содержание которого претерпело значительные изменения в ноябре 2020 года. В частности, в числе прочих, был фактически ликвидирован институт публичных особых мнений и мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту

¹ Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru>. (дата обращения: 10.12.2021).

² Выступление В.В. Путина на IX Всероссийском съезде судей 06.12.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 09.08.2022).

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.). Доступ из справочно-информационной системы «Гарант» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения: 10.12.2021); Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. Доступ из справочно-информационной системы «Гарант» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 15.12.2021).

«особые мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации»). Запрет на их официальное опубликование вызвал большой общественный резонанс и неоднозначную оценку как в среде профессиональных экспертов, так и представителей гражданского общества¹, так как право высказывать свое мнение является фундаментальным правом в демократическом обществе и принадлежит любым участникам общественных дискуссий и публичных дебатов. Не составляют исключение и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, особое мнение которых является отражением демократической сущности принятия коллективных решений и неотъемлемым элементом правового статуса судьи, его свободой, уровень которой обладает беспрекословной правовой защитой и не должен подлежать умалению.

Высокие квалификационные требования, предъявляемые к лицам, претендующим на замещение должности судьи Конституционного Суда РФ, прямо указывающие на достаточный социальный и признанный высокий профессиональный опыт кандидатов², не позволяют сомневаться в состоятельности суждений, субъективных оценок, глубины описания выявленных проблем и явлений судьями Конституционного суда Российской Федерации в ходе изложения своего особого мнения.

Данное право является неотъемлемым элементом правового статуса судьи, его свободой, уровень которой обладает беспрекословной правовой защитой в любом демократическом обществе, базирующемся на системе разделения властей, «как по горизонтали», так и «по вертикали», что характеризует *«внешнюю сторону» независимости судебной власти.*

Внутренняя же сторона судебской независимости предполагает субъективно самостоятельную внутреннюю позицию: выступая в личном качестве, судья выражает только свое мнение, его позиция должна быть исключительно правовой, основанной на личном правопонимании, свободном от политических и

¹ Климачева К., Малаховский А. Конституция, банкротство и пандемия: о чем спорили юристы в Facebook [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/228690/> (дата обращения: 15.12.2021).

² Ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

иных пристрастий¹. Что, безусловно, предполагает и право высказывать свое субъективное (особое) мнение.

Российское конституционное судопроизводство базируется на *принципе коллегиальности*², который предполагает принятие решений простым абсолютным большинством судей, участвующих в рассмотрении дела, факт постановления которого отражается в Протоколе судебного заседания³. Таким образом, решение суда – это текст, особое мнение в котором выражает «голос» судьи, его «живую речь», в которой изложены правовые идеи, воззрения, адресованные непосредственно народу и обществу. Более того, это отражение дискуссии судей, состоявшейся во время обсуждения дела, по сути само ее подтверждение. Так как в Российской Федерации, как и во многих других странах, тайна совещательной комнаты и содержание речей, в ней произнесенных, защищены законом⁴. Все обсуждения абсолютно открыты и доступны общественности только, пожалуй, в Швейцарии, где данного законодательного запрета не существует, что является отражением принципиального следования данного государства принципу: «Недостаточно просто осуществлять правосудие, нужно делать это открыто для общества», закрепленному п. 3.2 Бангалорских правил поведения судей.

Каждое особое мнение – это не только изложение позиции судьи Конституционного Суда Российской Федерации, оценивающее обоснованность вынесения судом того или иного решения, это, в определенном смысле, прямое отражение философии права, подкрепленное и построенное на глубочайшем анализе конституциональных основ, уже закрепленных в Конституции России, и еще только возникающих в процессе совершенствования механизма защиты прав человека и гражданина.

¹ Ст. 29 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² Там же. Ст. 30.

³ Там же. Ст. 59.

⁴ Ст. 70 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает порядок постановления итогового решения по рассматриваемому делу в закрытом совещании, на котором вправе присутствовать только судьи Конституционного Суда РФ и сотрудники Суда, обеспечивающие протоколирование и нормальный ход совещания, которые не вправе разглашать содержание дискуссии и результаты голосования, в том числе обнародовать свое несогласие с принятым решением в какой бы то ни было форме.

Современная же редакция нормы (внесенная поправкой от 09.11.2020 г.), закрепляющая право судьи Конституционного Суда Российской Федерации на особое мнение, не предполагает ни официального опубликования текста особого мнения, ни возможности его обнародования судьей иным способом¹.

В связи с этим возникает вопрос о соответствии данного положения *принципу гласности*, декларированному в ст. 31 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации»², названному в числе *неотъемлемых принципов деятельности Конституционного Суда РФ*. Ведь именно его соблюдение гарантирует «открытость» судебных заседаний, всестороннее информирование граждан о деятельности Суда и его органов, а значит и объективный социальный контроль деятельности Конституционного Суда Российской Федерации со стороны общества и отдельно взятых граждан – единственный из возможных нормативно, так как конституционная юрисдикция не имеет инстанционной системы³.

Сложно переоценить и влияние института особых мнений на формирование нынешнего и будущего поколения юристов, которые приобретали бесценный опыт в риторике и высокопрофессиональной аргументации своего компетентного мнения, традиционно изучая их по доктринальным трудам (опубликованные особые мнения судей Конституционного Суда, безусловно, ими и являются) выдающихся старших коллег⁴. Ведь собственный опыт и знания судей, излагаемые, в том числе и посредством формулирования и публикации особого мнения, являются неотъемлемым элементом юридической практики и входят в перечень

¹ Ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² Там же. Ст. 31.

³ Морщакова Т.В. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М.: Р. Валент, 2004. С. 69.

⁴ Подробнее см.: Гоглева К.Ю. Право на особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: история и современность // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 12 А. С. 75-81.

средств доказывания, используемых, в том числе, и самим Конституционным Судом Российской Федерации в процессе установления истины по делу¹.

В свете же последних изменений участники процесса данной возможности лишены ввиду не только запрета на обнародование особого мнения судьи Конституционного Суда РФ (ч. 3 и 4 ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и изъятия последнего из материалов протокола слушания Конституционного Суда России при предоставлении его для ознакомления сторонам и иным участникам процесса².

Излагая точку зрения сторонников восстановления права на публикацию особого мнения, представляется необходимым изложить и оппозиционные доводы, тем более, что, как не парадоксально это звучит, базируются они на одном и том же основании – на апеллировании к авторитету суда. Первые говорят о его укреплении путем расширения *открытости конституционного правосудия*; вторые, напротив, ссылаются на недопустимость официального признания разногласий судей, отсутствия единства в постановлении решения, некой двойственности его толкования, ввиду угрозы подрыва *авторитетности* Конституционного Суда Российской Федерации и, как следствие, сомнительного исполнения его решений со стороны граждан.

Второй довод инициаторов запрета публикации особых мнений состоит в обращении к зарубежной практике регулирования института особого мнения: «...могу просто привести примеры стран, где особое мнение не публикуется. Австрия, Бельгия, Италия, Люксембург, Франция. В Ирландии прямо в самой Конституции написано, что этого делать ни в коем случае нельзя»³.

Итак, следует констатировать, что в настоящее время *de jure* существует право судьи Конституционного Суда на письменное изложение особого мнения по делу. *De facto* оно приобщается к Протоколу судебного заседания и хранится

¹ Востриков П.П. Правовые основы конституционного контроля: учебное пособие. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. С.70.

² Никифоров М.В. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации как подзаконный нормативный правовой акт // Юрист. 2017. № 21. С. 23.

³ Крашенинников объяснил, зачем нужен запрет публикации особых мнений судей КС [Электронный ресурс] // URL: <https://interfax.ru/russia/732513> (дата обращения: 15.12.2021).

вместе с ним, без возможности доступа к нему, как со стороны участвующих в процессе лиц, так и представителей общественности¹, что представляется на наш взгляд нарушающим ряд принципов деятельности Конституционного Суда России и требующим исправления. Ведь одна из главных задач конституционного судопроизводства – это защита не столько Конституции как нормативного акта высшей юридической силы, сколько «конституционализма, закрепленного этой Конституцией»².

Еще одним *принципом*, закрепленным ст. 5 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», является *состязательность и равноправие сторон*. Несмотря на то, что его соблюдение является неотъемлемым элементом процессуальной деятельности всех без исключения органов судебной власти Российской Федерации, введение его в действие по отношению к высшему органу судебного конституционного контроля было весьма дискуссионным и породило оживленные дебаты в ходе разработки и обсуждений проекта ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» на совещании судей, а также в Комитете по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы³. Суть их заключалась в самой необходимости и возможности легального закрепления данного принципа применительно к институту конституционного контроля, имеющему ряд существенных отличий от органов ординарного правосудия, основным из которых, по мнению одной из сторон дискуссии (Б.С. Эбзеев, О.И. Тиунов, В.О. Лучин, В.А. Собакин и др.), является отсутствие сторон в конституционном процессе по ряду категории дел (например, по разрешению запросов о толковании Конституции России) и самого факта «противоборства интересов» как такового, так как в его деятельность входит не только рассмотрение споров о праве, но и определение пределов властных полномочий высших органов

¹ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят решением Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03. 1995 г. № 2-1/6) (в ред. от 19.07.2016 г.) // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.

² Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 258.

³ Подробнее о ходе и содержании данной дискуссии см.: Т. 9: История конституционного правосудия в России: монография / В.А. Кряжков, М.А. Митюков; отв. ред. В.М. Сырых // История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М.: Норма, 2022. С. 475-479.

власти. Оппонирующая сторона (Г.А. Гаджиев, Э.М. Аметистов, А.Л. Кононов, Н.Т. Ведерников и др.) категорично не соглашалась с данной точкой зрения и указывали на необходимость распространения данного общего для всей системы отечественного судопроизводства принципа на деятельность Конституционного Суда России, правда, с возможными корректировками в содержании, а именно закрепления его в качестве «принципа конституционного правосудия», а не «деятельности Суда». В итоге данная точка зрения оказалась более состоятельной и *принцип состязательности и равноправия сторон* вошел в перечень основных в деятельности отечественного органа судебного конституционного контроля (ст. 5 и ст. 35 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Конституционный Суд Российской Федерации вправе оценивать конституционность действующих федеральных законов, в том числе тех, которыми ограничиваются права и свободы человека и гражданина. Это значит, что легитимно избранный и сформированный в ходе демократических выборов законодательный орган не вправе окончательно решать вопрос о пределах ограничения конкретного права или свободы, так как орган судебного конституционного контроля в рамках процедуры последующего абстрактного или конкретного нормоконтроля может признать его положения не соответствующими полностью или частично Конституции Российской Федерации ввиду, например, несоразмерности использованной меры ограничения тем исключительным целям, которые предусмотрены ч. 3 ст. 55 Конституции России, а именно: защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; обеспечению обороны страны и безопасности государства.

Что позволяет выделить еще один *принцип процессуальной деятельности* Конституционного Суда Российской Федерации, инкорпорированный в практику отечественного судебного конституционного контроля под влиянием германского конституционного права, — *принцип соразмерности (пропорциональности)*, —

довольно широко применяемый им в практике конституционного правосудия¹, служащий надёжным инструментом в механизме обеспечения конституционного баланса ветвей власти в правовом демократическом государстве, а также эффективным средством разрешения конституционных коллизий и гармонизации соотношения между различными субъективными правами человека и гражданина. В Постановлении от 15 января 2002 года № 1-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил необходимость понимания статей 17 и 55 Конституции России во взаимосвязи, определяющих, что *соразмерность* установления законодательного ограничения конституционного права может быть обусловлена лишь целью обеспечения прав других лиц, при исключении допустимости существенного нарушения права, а также отказа в его защите со стороны органов законодательной и исполнительной власти. Это означает, что публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они «адекватны социально оправданным целям», и что ущерб для лиц, интересы которых затрагиваются, не должен быть непропорционален полученному в публичных интересах положительному результату².

Правовое установление полномочия Конституционного Суда Российской Федерации решать вопросы «исключительно права», а не «факта» (ст. 86, 99 ФКЗ Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации»)

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626 и др.

² Кравец И.А. Конституционная телеология и принцип пропорциональности (в российском конституционализме и практике ЕСПЧ) // Толкование правовых актов. Право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты): материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Алушта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 25-26.

позволяет сделать вывод о применении *принципа «господства права»*¹ в процессуальной деятельности специализированного органа судебного конституционного контроля при осуществлении процедуры судебной защиты основных прав и свобод граждан в случае их нарушения законом или иным правовым актом. И хотя российская Конституция не оперирует термином «*господство права*», она закрепляет правовое государство как основу отечественного конституционного строя (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации), в рамках которого обеспечивается верховенство Конституции и федеральных законов (ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации), что может быть истолковано не только как нормативное закрепление иерархии правовых норм, но и как прямое декларирование верховной роли *права* (в понимании, не тождественном *закону*) при определении конституционного баланса интересов личности, общества и государства, а также конституционного обеспечения баланса ветвей власти.

В связи с этим, важным представляется отметить соотношение принципа *господства права* и *принципа законности*, общего для всех субъектов права (к числу которых относятся и органы ординарного правосудия). *Законность* как принцип деятельности и как одно из неперенных условий существования правового государства подразумевает «строгое и неукоснительное соблюдение в общественной практике действующего законодательства»², причем не столько в отношении процессуальной основы деятельности субъектов права, сколько в самой ее самоцели. В науке конституционного права отсутствует единство мнений на предмет соотношения *принципа законности* и конституционного контроля. Так, В.А. Кряжков считает, что ввиду отсутствия закрепления данного принципа в текстуальном содержании Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», он не может быть отнесен к

¹ Кравец И.А. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2020. С. 21-30.

² Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. № 3 (147). 2009. С. 3.

деятельности данного органа в частности и к институту судебного конституционного контроля в целом, так как «Конституционный Суд призван не подчиняться законам, а проверять их на предмет соответствия Конституции РФ»¹. В опровержение данному мнению, Т.Я. Хабриева отмечает, что «законность – это универсальный правовой *принцип*, относящийся не только к судебным органам, но и ко всем государственным органам... Конституционная законность – это не просто часть общего режима законности, а его основа, ядро»², следовательно, понятия «законности» и «конституционной законности» неразрывно связаны с конституционным контролем. На наш субъективный взгляд, истина в данном вопросе находится ровно «посередине» этих двух точек зрения, что, впрочем, требует некоторых пояснений, уточнений и примеров.

Конституция является не столько отражением действительности, сколько декларированием идеальной цели, к которой надо стремиться. Анализируя содержание правовых норм и положений Конституции, современные органы специализированного судебного конституционного контроля осуществляют их истолкование не только с точки зрения их соотношения с нормоположениями, прямо закрепленными в содержании Основного Закона, но и точки зрения их взаимосвязи с объективной социальной действительностью, создавая, тем самым «живое конституционное право». Так, по мнению Джека М. Балкина, «созданная нами система живого конституционализма создала новые сдержки и противовесы, чтобы поддержать те, которые предусмотрены в нашей первоначальной Конституции... тот факт, что Конституция находится во всех наших руках, а не просто в руках судей, является причиной того, что у нас есть живая Конституция»³. В связи с этим, правовые позиции органов судебного конституционного контроля, являющиеся не только выводами Суда по конкретному делу, но и одной из основ

¹ См. подробнее: Конституционный судебный процесс / отв. ред. М.С. Саликов. М., 2003. С. 27.

² Хабриева Т.Я. Конституция и законность // Законность в Российской Федерации. М., 2008. С. 59-73.

³ Balkin J.M. Framework Originalism and the Living Constitution // Northwestern University Law Review. 2009. Vol. 103. [No 2. P. 614.

доктрины конституционализма, не являются неизменными и могут быть пересмотрены в соответствии с новыми социально-правовыми условиями.

Конституция может быть признана реально «действующей» только тогда, когда ее принципы и нормы воплощаются в действиях субъектов, призванных их реализовывать. В первую очередь – в деятельности органов публичной власти, поскольку «конституционализм по сути своей направлен на ограничение деятельности государства по отношению к обществу, так как именно власть прежде всего связывается конституционными установлениями»¹.

В связи с вышеизложенными рассуждениями о превалировании *принципа «господстве права»* над *принципом законности* в деятельности органов конституционной юстиции, следует остановиться на рассмотрении еще одного характерного специфического принципа: *соблюдения пределов судебного усмотрения*. Характеристике *дискреции* посвящено немало научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, однако, исходя из предмета проводимого нами исследования, представляется интересным рассмотреть данный вопрос применительно к институту судебного конституционного контроля, определяя его как «преимущественно косвенно управомоченный выбор коллегиального органа, ограниченный объективными факторами, среди которых наибольшее значение имеют правовые принципы/ценности/цели, заключающийся в отыскании посредством нормативно-доктринальной интерпретации положений конституции и иных правовых актов и принятии в процессе конституционного судопроизводства оптимального юридико-ценностного решения конституционно-правового вопроса»². Следует отметить, что решения, выносимые в рамках судебного конституционного контроля, не носят исключительно правового характера; как следствие, несколько отличается от порядка общего судопроизводства и сама процедура, форма конституционного судопроизводства, что накладывает отпечаток и на *пределы усмотрения судей* конституционной

¹ Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации. М., 2021. С. 13.

² Игнатъев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа: на примере сферы судебного конституционного контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С.9.

юстиции, вынужденных принимать во внимание различные ценностно-юридические аспекты в ходе принятия окончательных решений по рассматриваемому делу. Анализируя процессуальную деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, в деятельности которого выделяют следующие виды дискреции: интерпретационное, конкретизационное, правововосполнительное и средствооценочное, проявляющиеся, преимущественно, в ходе процесса судебного толкования содержания Конституции России, а также, в некоторой степени, в ходе процессуальной деятельности Суда по выбору средств доказывания¹, можно отметить, что, принимая решение по делу, судьи, в том числе, оценивают смысл, придаваемый нормативному акту сложившейся судебной практикой. Тем самым, они выражают свое отношение, как к позиции нормотворческого органа, так и к ее пониманию правоприменителем, основываясь на толковании положений Конституции РФ². В связи с чем можно с уверенностью утверждать о некоторых отличительных особенностях реализации *принципа соблюдения пределов судебного усмотрения (дискреции)* в деятельности органов судебного конституционного контроля, по своей природе более схожего с законодательным усмотрением.

Анализируя особенности правового статуса органов специализированного конституционного судебного контроля и их принципиальное отличие от иных органов, входящих в систему судебной власти, в содержании предыдущих глав настоящего диссертационного исследования, мы отмечали, что их деятельность, помимо функции правосудия, напрямую сопряжена с контрольными, политическими и законотворческими полномочиями. Данный аспект предопределяет выделение еще двух *специальных принципов деятельности органов конституционной юстиции по обеспечению баланса власти*. Во-первых, это *принцип социальной ответственности*. Осуществляя конкретный и абстрактный нормоконтроль, органы специализированного конституционного

¹ Игнатьев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа. М., 2013. С. 22-23.

² Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 46.

контроля не только выносят решение относительно конституционности положений того или иного законодательного акта, но и осуществляют деятельность по обеспечению баланса ветвей власти, в том числе оценивая демократическую волю парламентского большинства, провозгласившую в федеральных конституционных законах и федеральных законах «волю народа», легально их избравшего. Данное полномочие нередко становится предметом критики «противников» идеи использования средств судебного конституционного контроля в механизме обеспечения разделения властей путем оказания «косвенного влияния» на содержание издаваемых нормативных актов органами законодательной власти, так как «воля» 11 судей Конституционного Суда (как это в настоящее время предусмотрено составом, определенным ст. 4 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации») не может превалировать над решениями 450 депутатов Государственной Думы Российской Федерации (ч. 7 ст. 95 Конституции Российской Федерации), прямо избранных и представляющих интересы народа как единственного источника власти (ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации). На наш взгляд, данное мнение недостаточно объективно и аргументированно, так как в данном случае, скорее, справедливо действие положения о соотношении «количества и качества». При анализе квалификационных требований, предъявляемых к кандидатам к назначению на должность судей органов конституционной юстиции, приведенному в параграфе 2 Главы 2 настоящего диссертационного исследования, мы уже указывали на их высокие профессиональные и личностные качества¹. Соответственно, с уверенностью можно сказать, что эти «11 судей» являются настоящими «знатоками права», компетентными осуществлять максимально полное и объективное толкование правовых положений, являющихся предметом судебного конституционного контроля, и их решения носят исключительно правовой характер, призванный не столько к соблюдению *принципа законности*, сколько к «охране» основ конституционного строя нашего государства и *обеспечению господства права*, который корреспондирует *принципу соразмерности*, а также *принципу уважения*,

¹ Ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

охраны и защиты достоинства личности. Перечисленные принципы в совокупности выступают интегральными элементами, имеющими как судебнo-процессуальное (в том числе конституционно-процессуальное), так и законодательное измерение в практике строительства любого современного правового демократического государства, основанного на верховенстве права и социальной ответственности органов власти перед гражданами, которая, в первую очередь, выражена в охране и защите конституционно закреплённых прав и свобод граждан, в том числе путем обеспечения баланса ветвей власти посредством реализации функций конституционного правосудия.

Во-вторых, это *принцип свободы прямой и опосредованной законодательной инициативы по предметам ведения органа судебного конституционного контроля.* Вновь обращаясь к некоторым отличительным особенностям органов конституционной юстиции, проиллюстрированных нами на примере Конституционного Суда Российской Федерации, следует отметить, что данный орган, в отличие от органов ординарного правосудия, наделен правом *прямой законодательной инициативы по предметам своего ведения*¹. В то же время в своих решениях высший орган отечественного судебного конституционного контроля нередко дает «рекомендации» законодательным и исполнительным органам по усовершенствованию нормативно-правовых актов, в целях устранения имеющихся правовых коллизий и пробелов в праве, что можно расценивать, на наш взгляд, как пример *опосредованной законодательной инициативы Конституционного Суда Российской Федерации*².

Еще одним *принципом процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля по обеспечению баланса ветвей власти*, на наш взгляд, является *принцип уважения и соблюдения общепризнанных принципов и норм*

¹ Однако, за весь период своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации ни разу не реализовал данного своего права на практике.

² См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2020 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) "Слово жизни" Долгопрудный» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7378.

международного права, а также обеспечения исполнения обязательств государства-участника международных организаций и договоров. Вопрос интерпретации общепризнанных принципов и норм международного права, в особенности в практике отечественного конституционного судопроизводства, актуализировался в свете стремительного изменения политической картины мира, связанного с событиями от 24 февраля 2022 года.

Право, облеченное в форму буквы закона, не так просто уступает место чрезмерной, радикальной прямоте «сиюминутных» изменений политической и социальной действительности. Оно фактически «не позволяет ему смешиваться и подчиняться субъективному прямому усмотрению, и, определенно, ему иногда возражает»¹, что явно выражается в последовательном изложении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, как высшего судебного органа конституционного контроля (ст. 125 Конституции Российской Федерации), полномочного не только рассматривать дела о соответствии не вступивших в силу международных договоров Конституции России (Глава X Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и давать общеобязательное заключение о возможности исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или третейских судов (арбитражей) (Глава XIII ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Идея *justitia* (*справедливости*), изначально заложенная в самой концепции *jus* (права), положена в основу всех, без исключения, правовых систем государств как «старой», так и «новой» демократии². И, хотя формально-юридически данный правовой принцип не закреплен в текстуальном содержании Конституции Российской Федерации, тем не менее, представляется весьма состоятельной точка

¹ Арановский К.В., Князев С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений: монография. М.: Проспект, 2016. С. 38.

² См.: Преамбула к Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г. // ВВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

зрения о том, что он «как бы растворен в ней..., представляет «дух» Основного Закона»¹, и именно поэтому, в частности, упомянут в его преамбуле.

Таким образом, представляется не совсем верной массово пропагандируемая сегодня, в большей части посредством распространения в средствах массовой информации, нигилистическая установка по отношению практически ко всем общепризнанным принципам и нормам международного права. Ведь обратное означало бы фактическое перечёркивание, как минимум, более, чем 35-летней истории (с момента присоединения СССР, правопреемником которого является Российская Федерация (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) к Венской конвенции о праве международных договоров в 1986 г.) взаимоотношений внутригосударственного законодательства с международным.

Подобный континуитет накладывает на отечественного правоприменителя (в том числе и высший орган судебного конституционного контроля) обязательства по соблюдению принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны быть соблюдены), и положений ст. 27 вышеуказанной Конвенции, устанавливающей, что участник международного договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»². Более того, факт признания верховенства общепризнанных принципов и норм международного права в признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина заложен Основами конституционного строя Российской Федерации (ст. 17 Конституции РФ), а принцип их непосредственного действия и прямого применения при постановлении решений органами отечественного ординарного правосудия, сформулирован Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»³ на основе содержания ст. 18 Конституции Российской Федерации.

¹ Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 4.

² Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 г. // ВВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при

Однако это не исключает возможность признания принципа конституционной идентичности Российской Федерации как суверенного государства¹, обладающего правом некоторой международно-правовой дискреции в вопросе самостоятельного определения вектора развития внутреннего государственного и правового устройства. В том числе основанной на признании того, что государство, добровольно присоединившееся к исполнению того или иного международного правового акта, и принявшее на себя обязательства по его исполнению, несет ответственность за реализацию и соблюдение положений данного договора лишь в пределах, определённых содержанием, а также смыслом его понимания, на момент подписания его страной-участником, а не в правоистолковании, данном тем или иным наднациональным контрольным органом по факту состоявшегося публичного правонарушения. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П² установлено, что приоритет международных норм действует только в сфере отношений, связанных с правами человека. В остальном, конституционно закреплено иерархическое верховенство Конституции Российской Федерации, распространяющееся на всю правовую систему государства, частью которой, в частности, являются и общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 15 Конституции РФ), превалирующие, в случае установленной правовой коллизии, над внутригосударственными нормами, но не над положениями

осуществлении правосудия» (с изм. на 03.03.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1; Российская газета. 2015. № 47.

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней", п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

² Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

Конституции¹ (ст. 79 Конституции РФ), не являющейся, по своей природе, идентичной национальному Закону.

Следует отметить, что «Конституционный Суд Российской Федерации в последние годы демонстрировал открытость к практике явных ссылок на зарубежный опыт»². При этом компаративный метод, используемый в практике судебного конституционного контроля при правовой аргументации Конституционным Судом Российской Федерации обоснования собственных решений в мотивировочной части, заключающийся в проведении сравнительно-правового анализа положений судебных актов международных иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или третейских судов (арбитражей), а также судебных и квазисудебных органов конституционного контроля зарубежных стран, являющихся актами официального толкования международных актов; упоминание им тех или иных общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав и свобод человека и гражданина, помогает складыванию единой доктрины соблюдения прав человека³ и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней", п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч.4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 12-П от 19 апреля 2016 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 5 мая; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 19 января 2017 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО "Нефтяная компания «ЮКОС» против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2017. 3 февраля.

² Троицкая А.А., Храмова Т.М. Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8. С. 22.

³ Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. С. 456; Robertson D. The Judge as political Theorist: Contemporary Constitutional Review // Princeton, 2010. P. 1-39.

фиксированию факта их признания Российской Федерацией¹, что крайне важно в контексте конкуренции (корреляции) процессов государственной суверенизации и международной глобализации.

Следует отметить, что в судебных системах зарубежных государств, например, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Федеративной Республики Германия, Турции, Болгарии независимо от того, монистическая или дуалистическая система права принята в этих странах, предусмотрен прямой доступ граждан к реализации защиты своих субъективных прав и свобод на международном уровне. При этом, при формировании модели контрольного механизма наряду с установлением самого права на обращение, закреплён определённый круг процедурных и процессуальных гарантий как на национальном, так и на наднациональном (международном и региональном) уровне, необходимых для надлежащей реализации данного права, предусматривающий, в первую очередь, реализацию *принципов состязательности и процессуального равенства сторон, обеспечения равных прав на обращение за судебной защитой, независимости (судей), беспристрастности* при судебном производстве. К числу последних, например, можно отнести установление высокого уровня оплаты труда судьи и сотрудников аппарата суда, а также широкий круг предоставляемых им социальных гарантий, в качестве важной гарантии обеспечения *независимости судьи* в принятии решений (хотя при рассмотрении данной гарантии при ином ракурсе можно усмотреть в ней и обратное: высокая оплата судьи становится катализатором его зависимости от государства, которое финансирует судью и предоставляет социальные гарантии).

Крайне важным представляется соблюдение *принципа беспристрастности и справедливости* при осуществлении судьями органов специализированного конституционного контроля процессуальной деятельности по обеспечению баланса ветвей власти. В обеспечение данного принципа в тексте Присяги судьи

¹ Витрук Н.В. Защита прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации в контексте действия международного права // Государственная власть и права человека. Томск, 2001. С. 24-36.

Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотренной ст. 10 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также в ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации, содержится обязательство судьи об исключительном «подчинении Конституции Российской Федерации, ничему и никому более». Последнее представляется крайне важным не только с точки зрения «государственного усмотрения», но и потребностей общественности, что отмечается и анализом и выводами Центра стратегических разработок (ЦСР) Российской Федерации, члены которого, совместно с представителями Института проблем правоприменения, в феврале 2018 года представили Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов в целях их реализации¹, в которых говорится о том, что состояние судебной системы характеризуется полнотой реализации таких принципов, как: *независимость и несменяемость судей, состязательность и равноправие сторон в судопроизводстве* (ст. 120, 122, 123 Конституции РФ), а также реализацией права человека на *справедливое судебное разбирательство* в случае спора.

Таким образом, *процессуальный порядок* реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, основанный на неукоснительном соблюдении вышеуказанных принципов, является средством достижения законодательно провозглашенных целей по осуществлению судебного конституционного контроля как неотъемлемого института обеспечения конституционности (ограниченности) правления власти. Безусловно, определяя *формы процессуальной деятельности* (совокупность процессуальных норм, регламентирующих порядок реализации определенного полномочия) судебной конституционно-контрольной деятельности высшего отечественного органа конституционной юстиции, законодатель руководствовался целью минимизации возможного влияния на него со стороны иных участников политического процесса,

¹ Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации [Электронный ресурс] // URL: <https://csr.ru> (дата обращения: 09.08.2022).

а также «произвола», выраженного в чрезмерном «судейском активизме» при реализации полномочий самим Конституционным Судом России¹. Так, в Разделе III ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» нормативно определены следующие наиболее важные элементы процессуальной формы судебной конституционно-контрольной деятельности:

- критерии допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации;
- пределы рассмотрения дела Конституционным Судом России;
- требования к видам итогового решения, юридическим последствиям решения Конституционного Суда России², оцениваемые в свете ст. 3, ч. 3 ст. 29, ст. 36-40, ст. 43, ст. 44, ст. 68, ч. 1, 2, 3 ст. 74, ст. 75, ст. 79, ст. 80 вышеупомянутого федерального конституционного закона. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Критерии допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации устанавливают пределы реализации полномочными субъектами права на обращение в данный юрисдикционный орган, ориентируя их относительно формулировки содержания конкретных законных интересов, подлежащих защите в каждой процедуре, а также определяют порядок изложения аргументации *позиции заявителя* по делу в рамках подачи того или иного обращения, которая представляется важной «во-первых, для разрешения Конституционным Судом Российской Федерации вопроса о допустимости обращения, и, во-вторых, для определения предмета рассмотрения, если обращение будет принято к рассмотрению»³. Таким образом, именно по *критериям допустимости* происходит

¹ Ярускин Р.С. Система процессуальных форм федерального судебного конституционного контроля в России: современное состояние, перспективы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С.3.

² Исходя из предмета рассмотрения Настоящего диссертационного исследования, считаем целесообразным остановиться лишь на данных трех аспектах процессуальной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, как имеющих влияние на контрольную деятельность данного органа государственной власти и его участие в реализации принципа разделения властей.

³ Ливеровский А.А., Лисовицкий Д.А. Проблема эффективности конституционного нормоконтроля: презумпция казуса // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии: материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под редакцией В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара: Самарский государственный университет, 2017. С. 109-110.

разграничение процедур конституционно-контрольной деятельности друг от друга. Следует отметить, что, как мы упоминали ранее, конституционными поправками 2020 года была расширена компетенция Конституционного Суда Российской Федерации в сфере нормоконтрольной деятельности, в связи с чем изменился и *перечень конкретных процедур*, в рамках которых данный орган полномочен осуществлять свою деятельность:

- добавлены процедуры по рассмотрению дел в рамках предварительного судебного конституционного контроля о: соответствии вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации Конституции Российской Федерации (Глава XVI ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»); проверке конституционности проектов законов и неподписанных или необнародованных законов (Глава XVII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»);

- видоизменена процедура рассмотрения дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в части выделения: рассмотрения дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов (Глава XIII.1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и рассмотрения дел о возможности исполнения решений иностранных и международных (межгосударственных) судов, иностранных международных третейских судов (арбитражей) (Глава XIII.2 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»);

- в рамках Глава XV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» добавлено полномочие по рассмотрению дела о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления не только действующего Президента Российской Федерации, но и прекратившего исполнения своих полномочий¹.

¹ Данные процедуры отнесены к сфере компетенции Конституционного Суда Российской Федерации ФКЗ от 09.11.2020г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

Как следствие, изменились и *критерии допустимости обращений* в Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, при обращении в порядке конкретного нормоконтроля, предусмотренного Главой XII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», субъект обязан подтвердить факт исчерпания всех других внутригосударственных средств судебной защиты своих прав и свобод, приложив к обращению копии соответствующих состоявшихся судебных решений, подтверждающих факт применения обжалуемого нормативного акта судом в конкретном деле (т.к. данное объективное условие предусмотрено новеллой п. а ч. 4 ст. 125 Конституции России).

Добавлен новый *критерий допустимости* и при процедуре рассмотрения дел о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации о принятии в состав нового субъекта (ст. 89 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), который выражается в обязанности по соблюдению требований ФКЗ от 17.12.2011 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹. Следует отметить, что данные новеллы восполнили пробелы законодательства о конституционной контрольной деятельности, на которые указывал целый ряд ученых в рамках анализа материальных и процессуальных основ деятельности отечественного конституционного судопроизводства². Однако ряд недостатков, отмечаемых правоприменителями и исследователями, так и остается неразрешенными: в частности, законодательно не установлены *критерии допустимости обращений* по вопросам рассмотрения дел о толковании Конституции Российской Федерации (Глава XIV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), которые бы способствовали нормативному разграничению процедур друг от друга. Данный законодательный пробел представляется существенным упущением, требующим устранения, ввиду того,

¹ ФКЗ от 17.12.2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4916

² Ярускин Р.С. Указ. соч. С. 17-18.

что в ряде решений Конституционный Суд Российской Федерации фактически «подменял» данной процедурой объективно необходимые процедуры абстрактного последующего нормоконтроля и рассмотрения споров о компетенции, фактически «избегая» сложных решений, которые могли привести к дисбалансу ветвей власти¹.

Вторым процессуальным аспектом, требующим предметного рассмотрения в целях определения роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении разделения властей, являются *пределы рассмотрения дел* в рамках конкретных процедур конституционной контрольной деятельности. Как и *критерии допустимости обращений* они являются своего рода «ограничителем» конституционно-контрольной активности юрисдикционного органа, определяя обязательные критерии, исходя из которых должна осуществляться проверка в рамках каждой из законодательно установленных процедур, тем самым способствуя их законодательному разграничению. При этом легальное закрепление *пределов рассмотрения дел* является «ориентиром» для заявителя при выстраивании линии защиты своих интересов и всесторонней аргументации своей правовой позиции по делу. Современная редакция ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» такова, что большинство из имеющихся норм, регламентирующих *пределы рассмотрения дел* по конкретным категориям дел, являются по своей структуре отсылочными и требуют обращения к содержанию ст. 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющей пределы проверки, осуществляемой в рамках абстрактного нормоконтроля нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними (Глава IX ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Хотя, как представляется, данные нормы не могут быть абсолютно идентичными и должны отражать специфику судебной конституционно-контрольной деятельности по отдельным категориям.

Что касается *требований к видам итоговых решений Конституционного Суда России и их юридическим последствиям*, то следует отметить, что законодатель установил абсолютно определенные формулировки применительно к

¹ Ярускин Р.С. Указ. соч. С. 19.

каждой из категорий дел и легально определил юридические последствия, которые влечет за собой факт издания данных резолютивных актов (ст. 71, 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Причем в результате поправок, внесенных в 2020 г.¹, данный перечень получил нормативное закрепление в качестве исчерпывающего и, на сегодняшний день, содержит в себе три вида решений: постановление, определение и заключение (ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В части изменений *юридических последствий решений*, выносимых в порядке судебного конституционного контроля, определены условия обязательного пересмотра итоговых решений судов и иных органов, основанных на актах или их отдельных положениях, признанных неконституционными либо примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации² (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В ранее действующей редакции указанного федерального конституционного закона данный пересмотр носил обязательный характер во всех, без исключения, случаях дисквалификации нормы в порядке конституционно-контрольной деятельности. Однако по-прежнему остался неразрешенным вопрос о полномочии по самостоятельному назначению Конституционным Судом компенсационной выплаты в отношении заявителя, обратившегося с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод правовым актом, примененным в его конкретном деле (ст. 92 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), в случае подтверждения причинения ему реального вреда и дисквалификации Судом нормы, послужившей предметом обращения (ст. 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), как это делает, например, в своих резолютивных актах ряд органов международного правосудия.

Указанная специфика, на наш взгляд, является аргументированным доводом для внесения предложения о необходимости самостоятельной законодательной регламентации судебно-процессуальной деятельности Конституционного Суда РФ

¹ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² Там же.

посредством ее кодификации по типу Уголовно-процессуального или Арбитражно-процессуального кодексов или Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Что могло бы включать не только соответствующие положения действующего Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», но также наиболее важные нормы такого подзаконного нормативного акта, как Регламент Конституционного Суда РФ¹.

В частности, требует расширения перечень принципов деятельности Конституционного Суда России (ст. 5 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), который, на наш взгляд, следует разделить на *общие принципы конституционного судопроизводства* (Глава IV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и *специальные принципы*, свойственные исключительно высшему органу судебного конституционного контроля (например, верховенство права над законностью; свобода правовой позиции; коллегиальность; соразмерность (пропорциональность) и т.д.).

Необходимой представляется и регламентация вопроса выступления Конституционного Суда РФ с законодательной инициативой по вопросу, относящемуся к его ведению (§ 6 Регламента Конституционного Суда РФ), которая в настоящее время является «спящим» полномочием высшего органа судебного конституционного контроля, так как ни разу не было реализовано им на практике, хотя могло бы стать действенным инструментом в вопросе превенции нарушений конституционной законности, так как судьи Конституционного Суда обладают признанной высокой квалификацией в области права и имеют колоссальный опыт правоприменительной деятельности, которая могла бы стать надежным фундаментом их взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти в области эффективного правотворчества.

¹ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят решением Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.1995 г. № 2-1/6) // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.

Сохраняет дискуссионность порядок привлечения к ответственности с последующим прекращением полномочий судьи Конституционного Суда России ввиду утраты им гражданства Российской Федерации, приобретения гражданства или вида на жительство иностранного государства; занятия деятельностью или совершения действий, не совместимых с должностью судьи (пп. 4, 7 ст. 18 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹), так как данные основания являются новеллами, внесенными поправками в 2020 году, и в настоящее время необоснованно, на наш взгляд, регламентированы лишь на уровне подзаконного нормативного акта (§§ 18.1 и 19 Регламента Конституционного Суда РФ соответственно).

Подводя итоги, следует заключить:

1. Наряду с *общими* для всей судебной власти *принципами*, определяющими порядок деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, существуют *специальные принципы*, присущие ему как самостоятельному органу судебного конституционного контроля. В их число входят: коллегиальность; соразмерность (пропорциональность); принцип «господства права»; социальной ответственности; свобода прямой и опосредованной законодательной инициативы по предметам ведения органа судебного конституционного контроля; уважения и соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права; признания конституционной идентичности Российской Федерации как суверенного государства.

2. *Процессуальные формы* деятельности Конституционного Суда Российской Федерации следует определить как совокупность процессуальных норм, регламентирующих порядок реализации определенного полномочия в рамках законодательно установленной компетенции высшего органа судебного конституционного контроля. К числу наиболее значимых элементов процессуальных форм судебной конституционно-контрольной деятельности

¹ Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

относятся: критерии допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации; пределы рассмотрения дела Конституционным Судом России; требования к видам итогового решения, юридическим последствиям решения Конституционного Суда России.

3. Предлагается законодательно определить *критерии допустимости обращений* по вопросам рассмотрения дел о толковании Конституции Российской Федерации (Глава XIV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), что способствовало бы не только конкретизации самой процедуры конституционной интерпретации, но и нормативному отграничению ее от иных процедур судебного конституционного контроля.

§ 2. Решения органов судебного конституционного контроля, их виды и механизм правовой имплементации

Реальное разрешение конфликтной ситуации публично-правового характера, проистекающей из нарушения субъективного права или свободы человека и гражданина, споров о компетенции между органами государственной власти, а также устранение пробела или правовой коллизии, возникшей в результате имеющегося противоречия между нормативно-правовыми актами и конституционными положениями, возможно только после исполнения решения, вынесенного специализированным органом судебного конституционного контроля. Причем реализация провозглашенного решения важна не только для участников данного публично-правового конфликта, но и для общественности, так как принятые решения носят обязательный характер не только по конкретному делу, но и во всех аналогичных правовых ситуациях (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Существует три основных точки зрения на природу решений Конституционного Суда Российской Федерации: 1. Акты конституционного

правосудия, не являясь прецедентами в строго юридическом смысле (обязывающим прецедентом, являющимся источником права, как он понимается в системе *common law*¹), тем не менее *обладают определенным прецедентным значением*². 2. Конституционный Суд Российской Федерации выступает в роли «негативного законодателя»³, ведь отмена законодательного акта в результате признания его неконституционным, также, по своей сути, является законодательной функцией⁴. 3. Решения Конституционного Суда, издаваемые в порядке судебного нормоконтроля, являются специфическими *источниками права* рода *sui generis* (лат., уникальная правовая конструкция, имеющая некоторое сходство с аналогичными конструкциями, но им неидентичная)⁵.

Практика отечественного специализированного конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, с одной стороны, является *источником права*, но, с другой, основывается на нем. Ведь акты конституционного правосудия (в первую очередь, определения и постановления) обладают особой, не идентичной известным юридической науке *источникам права*, природой. Однако, не тождественны они и иным актам правосудия, имеющим правоприменительную природу. Так, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 16 июня 1998 года № 19-П⁶, его решения, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты,

¹ Пензин М.И. Роль прецедента в *common law* // Молодой юрист. 2021. № 2. С. 30.

² Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 343.

³ Верещагин А.Н. Является ли Конституционный Суд «негативным законодателем»? // Закон. 2010. № 1. С. 186; Балагер Кальехон Ф. Нормотворческая функция конституционных решений // Правосудие. 2021. Т. 3. № 1. С. 35-36.

⁴ Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) / пер. с фр. Д. В. Даниленко // Право и политика. 2006. № 8. С. 9.

⁵ Захаров В. В. Решения конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 7.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

общеуказательное распространение. Тем не менее, определяющие их содержание признаки не имманентны признакам ни нормативно-правовых актов, ни судебного прецедента, ни правового обычая, ни правовой доктрины.

Анализируя *quaestio juris* (вопросы права), а не *quaestio facti* (вопросы факта) (ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», оценивает, как буквальный смысл нормативного акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием¹, и производит собственное доктринальное транспарентное истолкование, не идентичное по своей природе простому разъяснению, ввиду его общеобязательного конституционно-конформного характера. Это означает, что та или иная правовая позиция может быть сформулирована в одном конкретном решении, но она применяется и к другим аналогичным делам, постепенно приобретая, таким образом, характер официальной правовой доктрины. Исходя из этого, Г.А. Гаджиев, рассматривая вопрос правомерности отнесения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации к *источникам права*, ввел понятие «кристаллизованное право», характеризующее правовой механизм конституционного судопроизводства, который является основоположником конкретного правового института, пригодного для разрешения группы сходных юридических коллизий². Что, на наш взгляд, тождественно выводу Н.С. Бондаря о *нормативно-доктринальной природе решений высшего органа конституционного контроля*³, с которым мы полностью солидарны.

Следует отметить, что ученые-компаративисты, анализируя современные мировые правовые системы, отмечают тенденцию к их конвергенции, рецессии и

¹ Тихомиров Ю.А. Способы устранения пробелов в законодательстве // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 125.

² Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 82.

³ Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр. / редкол.: С.А. Балащенко [и др.]: в 2 т. Минск, 2008. Т. 1: Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза. С. 14-26.

аккультурации в условиях формирования постклассического правопонимания¹. В данной связи наблюдается трансформация понятия «источник права» и наполнение его новым содержанием, как в системе *common law* (общего права), так и в системе *case law* (прецедентного права), что позволяет выдвинуть предположение о том, что отечественная правовая теория также в скором времени пополнится новым видом *источников права* в виде решений высших судебных органов, в число которых входит Конституционный Суд Российской Федерации.

В продолжение аргументации данной позиции хотелось бы остановиться на соотношении решений высшего судебного органа конституционного контроля Российской Федерации и отраслевого законодательства. Как справедливо указывает Н.С. Бондарь, «решения Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечивая сцепку собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на закреплении конституционных и иных отраслевых правоотношений»². Прямое воздействие решений Конституционного Суда Российской Федерации на всю правовую систему государства обусловлено особенностями правовой природы судебного конституционного контроля и вытекающими из нее юридическими свойствами данных решений, к числу которых относится: общеобязательность, непосредственное действие, окончательность, непреодолимость (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)³. В связи с чем представляется необходимым предметно исследовать вопрос влияния решений органа конституционного правосудия на отечественное отраслевое законодательство на примере Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

¹ Источник права: классическая и постклассическая парадигмы / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. С. 126.

² Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]: в 2 т. Минск, 2008. Т. 1: Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза. С. 17.

³ Брежнев О.В. Воздействие решений Конституционного Суда Российской Федерации на законодательство: проблемы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1 (70). С. 156.

Согласно данным о правовых актах и правоприменительной практике, явившихся предметом оспаривания в Конституционном Суде Российской Федерации в период с 1997 по 2020 годы, нормативные положения Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации¹ выступали предметом состоявшихся судебных решений 99 раз². Для сравнения: за тот же период времени нормы Уголовного кодекса Российской Федерации³ являлись объектом судебного нормоконтроля 68 раз; Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ – 167 раз; Налогового кодекса Российской Федерации⁵ – 200 раз, что позволяет сделать вывод об относительно небольшом количестве обращений субъектов правоотношений по вопросам конституционности административного законодательства⁶, что, впрочем не исключает необходимость дальнейшей конституализации административно-правового законодательства.

Так, за период с 1995 по 2011 годы в Конституционный Суд Российской Федерации поступило 3823 обращения (в среднем 239 обращений в год) по вопросам, подпадающим под юрисдикцию административного права (административные правонарушения и административная ответственность – 1662; деятельность прокуратуры, органов внутренних дел – 1525; иные вопросы – 636). За период 2012-2020 гг. данный показатель увеличился до среднего количества в 345 обращений в год, что, в общей сложности, составило 2758 фактов за отчетный период (административные правонарушения и административная ответственность – 2053; правоохранительная служба – 705).

¹ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.

² Здесь и далее по тексту подсчет произведен нами самостоятельно по судебной практике Конституционного Суда Российской Федерации, представленной в работе: Конституционный Суд Российской Федерации. Решения. 2020 / сост. и отв. ред. С.П. Маврин. М.: Норма, 2021. С. 901-902.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I-IV) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; СЗ РФ. 2006. № 52 (Ч. I). Ст. 5496.

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁶ Та же тенденция характерна и для современного этапа конституционного правосудия (2020-2022 гг.).

При этом основным поводом к рассмотрению дел, по которым приняты Постановления Конституционного Суда Российской Федерации за период с 1995 по 2020 годы, явились жалобы граждан и их объединений – 4363 обращения (для сравнения запросы судов общей юрисдикции и арбитражных судов, конституционных судов Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации составили в совокупности всего 303 факта), что, с одной стороны, свидетельствует о большом уровне доверия граждан к институту конституционного правосудия, с другой, о некоторых проблемах правоприменительной практики со стороны органов исполнительной власти и ординарных судебных органов Российской Федерации, допускающих в своей деятельности нарушение прав и свобод человека и гражданина, за восстановлением которых последние вынуждены обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, следует отметить, что практика конституционного правосудия констатирует наличие определенного количества правовых пробелов, коллизий и юридико-технических ошибок в нормативных положениях Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, требующих законодательного исправления, на которые прямо указывает в своих решениях, имплементация которых в отраслевое законодательство окажет *существенное влияние на общую систему источников права*. Ведь именно они служат доктринальной основой для разрешения правовых коллизий, возникающих в связи с фактами противоречия национального законодательства международному, регионального – федеральному, отраслевого – конституционному, а также устранению правовых пробелов, обеспечивая при этом баланс деятельности законотворческой, исполнительной и судебной власти, призванных к единой цели *regula iuris*¹ в государстве.

Что касается мировой практики включения решений органов специализированного и неспециализированного судебного конституционного

¹ Верховенства права (лат.).

контроля в систему источников права, то здесь следует отметить некоторые различия. Так, например, согласно ст. 4 Конституции Республики Казахстан к ним относятся не только нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, но и нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики¹.

Во вступлении к данному параграфу мы уже указывали на важность реализации провозглашенного решения специализированного органа судебного конституционного контроля не только для участников конкретного публично-правового конфликта, в рамках легального разрешения которого оно выносится, но и для общественности, так как принятые решения носят обязательный характер не только по рассматриваемому делу, но и во всех аналогичных правовых ситуациях (ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Именно поэтому крайне важным представляется согласованное участие законодательных, исполнительных и судебных органов в обеспечении эффективной работы механизма исполнения решений, вынесенных в рамках судебного конституционного контроля, предусмотренного ст. 79 и 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», реализация которого предусматривает принятие полномочными органами правовых актов, по своей форме аналогичных включавшим в себя *дисквалифицированные нормы*, а не только корректировку правоприменительной практики.

В Российской Федерации проблема исполнения актов конституционного судопроизводства стоит исторически: так, Верховным Советом РФ в 1993 г. был

¹ П. 1 Закона Республики Казахстан от 08.06.2022 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» предусмотрена новая редакция (вводится в действие с 01.01.2023 г.) данной статьи в части замены формулировки «...нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики» на «нормативные постановления Конституционного Суда и Верховного Суда Республики» в связи с упразднением Конституционного Совета Республики с одновременным учреждением Конституционного Суда. При этом в соответствии с п. 2 ст. 99 данного Закона нормативные постановления Конституционного Совета продолжают применяться в части, не противоречащей Конституции, вплоть до их пересмотра Конституционным Судом // Казахстанская правда. 2022 г. № 107 (29734).

принят в первом чтении проект Закона РФ «Об обеспечении исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации»¹, поводом к инициации которого послужило неисполнение в марте 1992 г. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № П-РЗ-I² органами государственной власти Республики Татарстан. Однако, увы, рассмотрение данного законопроекта окончилось на стадии направления в субъекты Российской Федерации для обсуждения и представления заключения, а проблема так и не нашла своего законодательного разрешения.

Взаимодействие органов публичной власти в сфере исполнения решений Конституционного Суда недостаточно эффективно обеспечивается надлежащими действиями субъектов правотворчества и сегодня. Так, по данным, представленным в Информационно-аналитическом отчете об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2021 году (подготовленного Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации)³ и в Мониторинге правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации, представленном на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации⁴ в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая

¹ Александрова М.А. Пути разрешения проблемы неисполнения актов Конституционного Суда РФ // Российский судья. 2014. № 11. С. 36.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.03.1992 г. № П-РЗ-I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан", Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года "О референдуме Республики Татарстан", Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // ВВС РФ. 1992. № 13. Ст. 671.

³ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году [Электронный ресурс] // URL: <http://ksrf.ru> (дата обращения: 16.08.2022).

⁴ Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации (по состоянию на 15.07.2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.gov.ru> (дата обращения: 18.08.2022).

2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»¹, содержащем Перечень решений Конституционного Суда России, во исполнение которых приняты нормативные правовые акты, а также Перечень решений, требующих принятия нормативных правовых актов, содержится информация о тридцати трех постановлениях, вынесенных в период 2012-2021 гг. и содержащих обязательное предписание о необходимости внесения изменений в порядок правового регулирования той или иной отрасли российского законодательства, которые не исполнены по состоянию на 15 июля 2022 года. Учитывая общее количество постановлений отечественного органа судебного конституционного контроля за указанный период, в которых была установлена неконституционность той или иной нормы или ее конституционность исключительно в выявленном Судом конституционно-правовом смысле, а именно 204 подобных резолютивных акта², можно сделать вывод о том, что сложившийся механизм исполнения решений Конституционного Суда, в целом, требует некоторых корректировок и дополнительных гарантий со стороны органов публичной власти; так как за истекший десятилетний период около 16,2 % решений Конституционного Суда (фактически каждое шестое постановление, подлежащее исполнению в рамках ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») не были приведены в исполнение. Заранее хотим ответить на возможное возражение оппонентов, основанное на доводе о том, что существенная доля неисполненных постановлений (а именно 17) стали результатом вынесенных решений Суда за период 2021 года, а, значит, еще допустимо могут находиться в процессе исполнения законодательными и исполнительными органами. Однако, даже если не брать в учет 2021 год, то процент неисполнения решений составит не многим менее: 9 % (примерно каждое 10 постановление из 178, содержащих обязательное предписание об изменении порядка правового регулирования по отдельным вопросам федерального и регионального нормотворчества), что, на наш взгляд,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

² См. Приложение 5 к настоящему диссертационному исследованию.

также составляет довольно существенное количество, особенно учитывая тот факт, что шесть из указанных решений не реализованы в течение периода 6-10 лет¹: 2012 г.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П²; 2013 г.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П³; 2015 г.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2015 г. № 3-П⁴; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 5-П⁵; Постановление от 14 мая 2015 г. № 9-П⁶; 2016 г.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 28-П⁷.

Столь долгий срок реализации решений органа конституционной юстиции со стороны органов законодательной и исполнительной ветвей власти представляется недопустимым и излишне затянутым, так как приводит к длительному

¹ См. Приложение 5 к настоящему диссертационному исследованию.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2015 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 9 Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина В.П. Селезнева» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1576.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2015 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2197.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2015 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 3149.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СЗ РФ. 2016. № 52 (Части I-VI). Ст. 7729.

существованию коллизий и противоречий в нормативной базе Российской Федерации, что явно противоречит принципу верховенства права, прямого действия конституционных установлений, уважения прав и свобод человека и гражданина, а также неминуемо влечет за собой увеличение числа повторных обращений по схожим основаниям в Конституционный Суд Российской Федерации и органы ординарного правосудия. Последнее подтверждается недавней судебной практикой: в связи с отклонением 15 ноября 2017 г. законопроекта № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и направленного на реализацию Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П, а также длительным процессом его доработки законодателем, в 2021 году в отечественный орган специализированного судебного конституционного контроля поступила жалоба от гражданина И.И. Ревкова по основанию, схожему с предметом обращения граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова в 2012 г., в итоге рассмотрения которого уже содержалось указание о необходимости внесения изменений в гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П¹). В ходе предварительного рассмотрения жалобы гражданина И.И. Ревкова Конституционный Суд принял решение о рассмотрении данного дела по существу, без проведения слушания, в порядке конкретного судебного конституционного контроля, предусмотренного п. а ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, и вынес по его существу Постановление от 26 апреля 2021 г. № 15-П², в п. 2.2 и 3 которого еще раз указал

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.

на «недопустимость многолетнего законодательного бездействия» и на наличие «длящегося риска причинения вреда конституционно значимым ценностям ... неисполнением акта конституционного правосудия, что ... лишает оснований дальнейшее ожидание своевременного исправления действующего законодательного регулирования и вынуждает Конституционный Суд Российской Федерации вновь обратиться к проверке конституционности ... поскольку в этой сфере нарушение баланса прав ... может проявляться особенно явно».

Безусловно, подобного рода нарушения положений ч. 1, 2, 4 ст. 79 и п. 1 ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» недопустимы как со стороны государственных органов, так и отдельных должностных лиц; должна быть исключена и сама возможность того, что предписанные в результате осуществленного судебного конституционного контроля изменения в законодательство, признанного несоответствующим или соответствующим положениям Основного Закона исключительно в выявленном Судом конституционно-правовом смысле, остаются так и не реализованными, и за почти десять лет «законодательные работы по этому поводу не продвинулись дальше подготовки двух законопроектов с поступлением одного из них на первое чтение»¹. При этом, из ч. 4 ст. 79 вышеупомянутого органического закона следует, что до принятия нового нормативно-правового акта, если решение Конституционного Суда Российской Федерации предписывает устранение пробельности или коллизионности в правовом регулировании, непосредственно применяется Конституция Российской Федерации, в том числе в истолковании Конституционного Суда Российской Федерации, что также подтверждает «непоколебимость» принципа своевременной и максимально полной имплементации решений высшего органа судебного конституционного контроля в законодательные акты и правоприменительную практику.

Однако «официальная позиция» самого отечественного органа конституционной юстиции несколько расходится с выраженной и аргументированной нами выше точкой зрения и основана на убежденности в

¹ П. 2.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 г. № 15-П.

эффективности существующего института исполнения решений, вынесенных в рамках судебного конституционного контроля, и его способности к «преодолению законодательных и правоприменительных дефектов ... и приведению в большинстве случаев действующее регулирование и правоприменение в соответствие с выраженными Конституционным Судом правовыми позициями»¹.

Безусловно, 33 неисполненных решения по отношению к 392, содержащим предписание о внесении изменений в порядок правового регулирования по отдельным вопросам федерального и регионального нормотворчества, кому-то может показаться не таким уж и существенным количеством. Но каков «удельный вес» этих решений, когда «на кону» стабильность основ конституционализма и принципов, положенных в основу правовой демократической природы нашего Отечества? Не говоря уже о негативном влиянии подобного «дисбаланса» на процесс реализации принципа разделения властей (ст. 10 Конституции Российской Федерации), предусматривающего не только их самостоятельность и сепарацию, но и взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной ветвей в вопросах обеспечения единства государственной власти и претворения принципа верховенства права во все сферы жизнедеятельности российского общества, в том числе и в систему правосудия, утрата авторитета которым со стороны социума неминуемо следует за подобного рода нарушениями.

Особо «остро» это ощущается при неисполнении органами публичной власти решений, вынесенных в порядке конкретного и абстрактного нормоконтроля, установивших несоответствие между оспоренным законоположением и Конституцией Российской Федерации и, как следствие постановивших в отношении первых дисквалифицирующее решение, которое порождает за собой возникновение пробела нормативно-правового регулирования, требующее скорейшего восполнения (ч. 3, 4, 5 ст. 79 и ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом и факт разъяснения органом судебного

¹ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2020 году [Электронный ресурс] // URL: <http://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/> (дата обращения: 12.08.2022).

конституционного контроля конституционно-правового смысла законоположений, изначально направленный на устранение дефектов правоприменительной практики, одновременно, чаще всего, предусматривает конкретные рекомендации законотворцу по совершенствованию нормативного регулирования на федеральном и региональном уровне¹. Более того, в некоторых странах мира существует специальный вид решений органа судебного конституционного контроля в форме *представлений*, направленных на выявление пробелов и недостатков законодательства, связанных с неисполнением положений Верховного закона или с невнесением изменений в законодательные положения, которые были подвергнуты конституционному контролю, который довольно успешно применяется и реализуется: например, за 2020 год Конституционным Судом Республики Молдова было внесено 5 подобных представлений в Парламент Республики².

В связи с вышеизложенным представляется объективно целесообразным признание факта судебного нормотворчества органов конституционной юстиции, «в качестве гарантии против возникновения ситуации, при которой неэффективное осуществление либо неосуществление нормотворческих полномочий иными ветвями государственной власти ставило бы под угрозу безусловную реализацию генеральной функции (социального предназначения) государства по обеспечению общественной консолидации»³. Тем более, учитывая естественное течение процессов глобализации и правовой конвергенции в мировых масштабах, о которых мы говорили в настоящем исследовании ранее при анализе современных моделей судебного конституционного контроля⁴, а также наметившуюся с 2018

¹ Так, за период 2012-2021 гг. Конституционным Судом Российской Федерации, помимо 204 обязательных предписаний, было сформулировано 106 рекомендаций об изменении порядка правового регулирования по тем или иным вопросам федерального и регионального нормотворчества. См. Приложение 10 к Настоящему диссертационному исследованию.

² Постановление Конституционного Суда Республики Молдова № 1 от 11.01.2021 г. «Об утверждении доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году» [Электронный ресурс] // URL: <https://constcourt.md> (дата обращения: 29.08.2022).

³ Сергеев С.Л. Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 13.

⁴ См. подробнее параграф 2 Главы 2 Настоящего диссертационного исследования.

года тенденцию к увеличению числа постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного конституционного контроля¹. Также за рассматриваемый период выросла в процентном соотношении доля решений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного конституционного контроля и содержащих обязательное предписание о внесении изменений в порядок правового регулирования (и, как следствие, дисквалифицирующих оспоренные нормативные положения)². При чем наиболее очевидный прирост наблюдается начиная с 2020 года, что является, на наш взгляд, прямым следствием увеличения количества актов нормотворческого характера органов исполнительной власти ввиду необходимости регламентации правоотношений в условиях распространения коронавирусной инфекции при рекордно низком числе принятых федеральных законов (в 2021 году их было принято всего 505, всего 7 из которых базовые, а 461 был направлен на изменение ранее принятых законодательных актов)³. При этом в период 2019-2021 гг. более десяти изменений было внесено в 78 федеральных законов⁴, а наибольшее количество изменений претерпели: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (42 поправки), Налоговый Кодекс Российской Федерации (24 поправки), Уголовный Кодекс Российской Федерации (52 поправки), Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации (97 поправок), Земельный кодекс Российской Федерации (22 поправки), оспаривание положений которых, как показывает практика, выступает наиболее частым предметом обращения в отечественный орган судебного конституционного контроля⁵. Несмотря на это, тенденция к

¹ См. Приложение 6 к Настоящему диссертационному исследованию.

² См. Приложение 7 к Настоящему диссертационному исследованию.

³ Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> (дата обращения: 19.08.2021).

⁴ Там же.

⁵ Статистику по данному вопросу мы приводили в настоящем параграфе ранее при анализе вопроса имплементации решений Конституционного Суда России в отечественное административно-правовое и уголовно-правовое законодательство. Следует отметить, что схожая статистика характерна и для зарубежной конституционной юстиции. Так, исходя из данных, представленных в Докладе Конституционного Суда Республики Молдова об

постоянному росту числа ежегодно принимаемых нормативно-правовых актов пока остается, что еще раз подтверждает необходимость наличия эффективного механизма конституционно-контрольной деятельности за соблюдением законности как процедуры их принятия, так и соответствием их положений содержанию Конституции Российской Федерации в целях недопущения нарушений прав и свобод человека и гражданина, как высшей ценности (ст. 2 Конституции Российской Федерации) и основной задачи сбалансированной деятельности всех трех ветвей власти.

Что касается контроля за исполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации, то, на наш взгляд, объективно необходимой представляется «модернизация» взглядов на уже «устоявшуюся» в большинстве стран мира с демократической формой правления «триаду» законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. В частности, требуется законодательно усилить меры федерального вмешательства, которые могут применяться в случаях неисполнения или несвоевременного исполнения судебных решений, в том числе, путем расширения круга полномочий внесудебных институтов конституционного контроля, о которых мы говорили ранее в рамках предмета рассмотрения параграфа 2 Главы 1 Настоящего диссертационного исследования¹.

В.Е. Чиркин в своей монографии «Глава государства. Сравнительное правовое исследование», делая заключение об особом статусе главы государства в странах со смешанной формой правления, к числу которых относится и Российская Федерация, указывает на наличие «особой», четвертой, ветви власти — *президентской*, которая, наряду с отличительными признаками, дифференцирующими ее от законодательной, исполнительной и судебной власти, содержит в себе функции, свойственные им: нормотворческую,

осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году нормы уголовно-правового (34 %), административного (22 %) и гражданского (24 %) законодательства составили 80 % обращений в Конституционный Суд Республики [Электронный ресурс] // URL: <https://constcourt.md> (дата обращения: 29.08.2022).

¹ Говоря о парламентском и президентском контроле как о разновидностях конституционного контроля, мы упоминали о том, что данный род деятельности не является для них компетентностно-формирующим, однако свойственен им и нормативно определен.

правоприменительную, правоохранительную, *контрольную*, обеспечивая тем самым систему «сдержек и противовесов»¹. Институт Президента Российской Федерации как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина, призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации). Так, согласно ч. 1 ст. 85 Конституции Российской Федерации Президент РФ полномочен использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации, а также между органами власти субъектов Российской Федерации; также в круг его полномочий входит приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае их противоречия положениям Конституции, федеральным законам и международным обязательствам России или нарушения прав и свобод человека и гражданина до судебного разрешения этого противоречия (ч. 2 ст. 85 Конституции Российской Федерации; в том числе по предложению полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах на основании ст. 6 Главы III Положения о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе²), а также отмена Постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции России, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ). По нашему мнению, представляется целесообразным несколько расширить круг данных полномочий, законодательно предоставив Президенту Российской Федерации право использования согласительных процедур и в отношении конфликтных ситуаций между федеральными органами государственной власти, что способствовало бы, например, возможности осуществления президентского конституционного

¹ Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительное правовое исследование. М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. С. 46.

² Утверждено Указом Президента РФ от 13.05.2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изм. от 04.02.2021 г.) // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112; СЗ РФ. 2021. № 6. Ст. 967.

контроля за исполнением решений высшего органа конституционной юстиции органами законодательной и исполнительной власти и служило бы укреплению реализации принципа разделения властей, так как нормативно институт Президента Российской Федерации не входит ни в одну ветвь власти и независим от них. На уровне субъектов федерации целесообразно, на наш взгляд, усилить контроль за исполнением решений Конституционного Суда в части внесения изменений в порядок правового регулирования на уровне регионов, со стороны полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, тем более, что полномочие по организации контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти (к коим, на наш взгляд безусловно относится и Конституционный Суд Российской Федерации) у них уже имеется (ст. 5 Главы II Положения о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе); как и полномочие по организации контроля за исполнением федеральных законов, указов, распоряжений, поручений и указаний Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также за реализацией федеральных программ в федеральном округе¹, которое целесообразно, на наш взгляд, дополнить включением в данный перечень решений Конституционного Суда России.

Использование средств парламентского контроля², осуществляемого законодательной ветвью власти, представленной в Российской Федерации Федеральным собранием, состоящим из Государственной Думы РФ и Совета Федерации РФ (ч. 1 ст. 95 Конституции Российской Федерации), а также законодательными органами субъектов федерации, также могло бы стать эффективным инструментом в обеспечении реализации решений высшего органа судебного конституционного контроля не только в рамках прямых предписаний, предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской

¹ Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. Ст. 6 Главы III.

² Ст. 103.1 Конституции Российской Федерации; Федеральный закон Российской Федерации от 07.05.2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // СЗ РФ.2013. № 19. Ст. 2304.

Федерации», но и в рамках реализации функции по контролю за исполнительной (а, в некоторой степени, и судебной) властью, предусмотренной принципом разделения властей. Цель данного вида контроля представляется идентичной целям Президентского и судебного конституционного контроля, речь о которых шла ранее, и состоит в обеспечении верховенства и прямого действия конституционных положений¹, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в целях «охраны» которых, в первую очередь, и издаются резолютивные акты органа конституционной юстиции. Являясь представительным органом, выражающим его непосредственную волю, законодательные органы безусловно, должны не только осуществлять опосредованный нормоконтроль актов, выносимых органами исполнительной власти, но и непосредственно оперативно реагировать на нарушения ими принципа законности, своевременно применяя, в случае необходимости, меры юридической ответственности (например, предусмотренные п. б, з ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации) к виновным.

«Контрольную функцию» за исполнением решений Конституционного Суда, особенно вынесенных в рамках рассмотрения дел по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина (п. а ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации; Глава XII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), мог бы исполнить Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах федерации, а также другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, предусмотренные федеральными законами. В связи с чем целесообразным представляется дополнить круг их полномочий по подаче жалобы в интересах граждан, чьи права и свободы нарушаются примененными в конкретном деле федеральными конституционными законами, федеральными

¹ Овсепян Ж.И., Овсепян А.Г. Президентский и парламентский контроль как формы конституционного контроля в Российской Федерации // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. Т. 3. № 2-3. С. 16.

законами и нормативно-правовыми актами органов государственной власти¹ полномочием по последующему контролю за исполнением решений органа конституционной юстиции, принятых по данной категории дел.

Существенна роль и самого Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении результативности конституционного судопроизводства и совершенствовании механизма имплементации его решений в отечественную законодательную базу. В этой связи крайне важным представляется установление эффективной взаимосвязи между органами публичной власти всех ветвей, одним из средств которой мог бы стать институт ежегодных обращений (посланий) Председателя Конституционного Суда России к Федеральному Собранию как средство информирования законодательной власти о результатах деятельности по судебному конституционному контролю, а также непосредственного внесения им предложений по совершенствованию законодательной базы как по общим вопросам правового регулирования, требующим оперативного восполнения правовых пробелов и устранения существующих коллизий, так и в сфере регламентации процессуальной деятельности самого Суда в целях повышения эффективности реализации его функций². Ведь, по существу, перечисленные проблемы напрямую характеризуют состояние отечественного конституционного строя и, следовательно, требуют своевременной «обратной связи» от народных избранников. В связи с чем, на наш взгляд, необходимо дополнить содержание Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» данным полномочием в качестве одной из конкретных норм по

¹ П. 5 ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; ст. 96 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

² Данное полномочие закреплялось ст. 100 Конституции Российской Федерации (в ред. от 12 декабря 1993 г.), однако так ни разу им не было реализовано, несмотря на «декларирование» попыток по его подготовке со стороны Председателей Конституционного Суда РФ в различные периоды его существования, а поправками конституционной реформы 2020 г. и вовсе было исключено из перечня полномочий отечественного органа судебного конституционного контроля. См. подробнее: Т. 9: История конституционного правосудия в России: монография / В.А. Кряжков, М.А. Митюков; отв. ред. В.М. Сырых // История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М.: Норма, 2022. С. 468-475.

усилению мер федерального вмешательства при исполнении решений Суда, о необходимости внесения которых упоминала в своем диссертационном исследовании С.Э. Несмеянова¹. Так как, увы, анализ практики отечественного судебного конституционного контроля, приведенный нами в содержании данной работы, показывает, что одной лишь публикации Мониторинга правоприменения решений Конституционного Суда и Информационно-аналитического отчета об их исполнении недостаточно для обеспечения целей информирования органов публичной власти и общественности о ходе исполнения резолютивных актов органа судебного конституционного контроля, а, значит, и для повышения их взаимодействия при их имплементации в российскую правовую систему.

Подводя итог череде выводов, сделанных нами по сути предмета рассмотрения настоящего параграфа, следует отметить, что именно «контрольные» полномочия внесудебных органов государственной власти, полномочных реализовывать функцию по конституционному контролю и надзору, и общественных институтов, как представляется, являются тем самым действенным инструментом, который способен повысить гарантированность исполнения решений высшего органа конституционной юстиции, а, значит, способствовать обеспечению непосредственного и прямого соблюдения Конституции Российской Федерации, укреплению системы разделения властей и гарантии реализации прав и свобод граждан, к которому призваны все институты публичной власти в единстве своих функций.

Следует констатировать, что при неисполнении либо ненадлежащем исполнении решений органов судебного конституционного контроля ставится под сомнения не только авторитет конституционного правосудия и судебной системы в целом, но и злостным образом нарушается право гражданина на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.², входящее в перечень конституционно-

¹ Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 10.

² Несмотря на то, что Российская Федерация перестает являться Высокой Договаривающейся Стороной данной *Конвенции* 16 сентября 2022 года (Резолюция ЕСПЧ от 22.03.2022 г.), следует

закрепленных прав и свобод граждан Российской Федерации (ст. 46 Конституции РФ), признание, соблюдение и защита которых – обязанность всех без исключения органов публичной власти (ст. 2 Конституции РФ).

Некоторые специфические особенности правовой природы резолютивных актов органов судебного конституционного контроля (например, широкие пределы их действия, распространяющиеся на правовую систему в целом, а не только на решение по конкретному делу) предопределяют неэффективность использования исполнительного производства (аналогичного исполнению индивидуальных правоприменительных актов) для приведения их в действие¹, как, впрочем, и некоторых иных средств существующего механизма ответственности, установленной за неисполнение решений Конституционного Суда России (ст. 81 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Так, абсолютно не применяется на практике ч. 2 ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность (вплоть до 2 лет лишения свободы) за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению, в отношении представителей власти, государственных и муниципальных служащих, а также служащих государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. При чем, аналогичные меры ответственности, предусмотренные законодательством зарубежных государств, также малоэффективны². Что, на наш

отметить, что основные ее положения уже прочно имплементированы в отечественную правовую систему и закреплены как в Конституции РФ, так и в принятых в развитие ее положений, законах и иных нормативно-правовых актах, что позволяет сделать вывод о том, что право на справедливое судебное разбирательство и в дальнейшем будет гарантировано в нашей стране обязательно и безусловно, как и в остальных зарубежных правовых демократических государствах.

¹ Кальяк А.М. Исполнение решений конституционных судов: вопросы теории и практики (на материалах постсоциалистических государств): автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. Томск, 2007. С. 11.

² Ст. 88 Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» закрепляет, что неисполнение вступивших в законную силу решений Конституционного суда либо воспрепятствование их исполнению влечет ответственность в соответствии с национальными законодательными актами. Так, ст. 423 Уголовного Кодекса Республики Беларусь установлена уголовная ответственность за неисполнение должностным лицом вступившего в законную силу приговора, решения или иного судебного акта либо воспрепятствование их исполнению в виде штрафа или лишения права занимать определенные

взгляд, позволяет сделать вывод о необходимости обеспечения исполнения решений в сфере судебного конституционного контроля, направленных на их неукоснительное соблюдение, применение и использование, посредством расширения полномочий органов внесудебного конституционного контроля, аналогично механизму обеспечения ими гарантии реализации нормативно-правовых актов.

Важную роль при этом играют такие характеристики решений в области судебного конституционного контроля как общеобязательность и окончательность, заключающиеся в исключительном праве органа конституционной юстиции проверять и менять свои решения посредством их пересмотра или изменения сформулированных в них правовых позиций, как ключевого элемента его независимости как органа, подчиняющегося только Высшему закону. Органы публичной власти, в том числе судебные инстанции, не могут проверять решения, вынесенные органами судебного конституционного контроля в осуществление своих исключительных полномочий, ни с точки зрения конституционности, ни с точки зрения законности, так как допущение самой возможности обратного, означало бы прямое вмешательство власти в разрешение вопросов, связанных с функциональностью Конституционного суда, и тем самым нарушение принципов верховенства Конституции и разделения государственной власти, реализацию которых Конституционный суд должен обеспечивать. Возможность контроля над гарантом верховенства Конституции со стороны других государственных органов превращает конституционный статус единственного органа конституционной юрисдикции в иллюзорный институт и фикцию, что, безусловно, недопустимо в практике строительства правового государства и признается правоприменительной практикой большинства стран старой и новой демократии¹.

должности или заниматься определенной деятельностью. Однако ни одного случая применения данной нормы по отношению к решениям органа конституционной юстиции не было. См. подробнее: Мокосеева М.А. Ответственность за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 35.

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда Республики Молдова от 09.07.2020г. № 20 «О толковании положений ст. 134 ч. 1 и ч. 2, ст. 136 ч. 3 и ст. 140 ч. 2

Таким образом, подводя итоги настоящего параграфа, необходимо отметить следующее:

1. Акты конституционного правосудия, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу («дисквалифицирующие акты»), имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общезначимое распространение. Однако, при этом, определяющие их содержание признаки, не имманентны природе выделяемых в юридической науке *источникам права* и иным актам правосудия, имеющим правоприменительную природу.

2. Анализируя *quaestio juris* (вопросы права), а не *quaestio facti* (вопросы факта), Конституционный Суд Российской Федерации оценивает, как буквальный смысл нормативного акта, так и смысл, придаваемый ему в ходе процесса правоприменения. производя, тем самым, собственное доктринальное транспарентное истолкование, не идентичное по своей природе и применяемым в ходе его вынесения *методам*, простому разъяснению, ввиду его общеобязательного конституционно-конформного характера. Что позволяет сделать вывод об особой *нормативно-доктринальной природе решений высшего органа конституционного контроля*.

3. В процессе конституционно-контрольной деятельности Конституционный Суд Российской Федерации применяет следующие *методы*:

- *общие* (классические) методы: грамматический, логический, догматический, системный;
- *специальные* методы конституционного нормоконтроля: аксио-телеологический метод (предполагает анализ сквозь призму конституционных ценностей);
- *вспомогательные* методы: исторический, социолого-правовой, компаративный (сравнительно-правовой), метод экономического анализа.

Таким образом, *методологические* особенности конституционно-контрольной деятельности детерминированы, в первую очередь, ценностной составляющей, выраженной в Конституции сильнее, чем в каких-либо иных правовых документах, и выражаются в его деятельности в соотнесении нормы и практики ее применения с конституционными целями (ценностями), стремление к достижению (обеспечению) которых законодателя презюмируется¹.

4. *Результативность* деятельности Конституционного Суда Российской Федерации как степени достижения им запланированных целей деятельности, заложенных самой идеей создания данного специализированного контрольного органа, выражается, на наш взгляд, в следующих показателях:

- количестве обращений полномочных субъектов к данному институту;
- общем числе принятых решений;
- соотношении решений Конституционного Суда Российской Федерации, содержащих предписание об изменении порядка правового регулирования по отдельным вопросам федерального и регионального нормотворчества, к общему числу вынесенных решений;
- данных об исполнении решений высшего органа судебного конституционного контроля полномочными органами публичной власти. При этом реализация решений, вынесенных в рамках судебного конституционного контроля, предусмотренного ст. 79 и 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», должна предусматривать принятие полномочными органами правовых актов, по своей форме аналогичных включавшим в себя *дисквалифицированные нормы*, а не только корректировку правоприменительной практики.

5. Целесообразным представляется расширить круг полномочий внесудебных институтов конституционного контроля (президентского и

¹ Информация Конституционного Суда Российской Федерации: «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 г.). [Электронный ресурс] // URL: <http://ksrf.ru> (дата обращения: 29.08.2022). С. 139.

парламентского), в части закрепления мер федерального вмешательства, которые могут применяться ими в случаях неисполнения или несвоевременного исполнения судебных решений. В частности, законодательно предоставив Президенту Российской Федерации право использования согласительных процедур и в отношении конфликтных ситуаций между федеральными органами государственной власти, что способствовало бы обеспечению возможности осуществления президентского конституционного контроля за исполнением решений высшего органа конституционной юстиции органами законодательной и исполнительной власти и служило бы укреплению реализации принципа разделения властей, так как нормативно институт Президента Российской Федерации не входит ни в одну ветвь власти и независим от них. Укрепление роли Федерального Собрания в механизме обеспечения исполнения решений Конституционного Суда России видится нами не только в проводимом им опосредованном нормоконтроле актов, выносимых органами исполнительной власти, но и в непосредственном оперативном реагировании на нарушения принципа законности, выраженным в возможности оперативного применения мер юридической ответственности (например, предусмотренные п. 6, 3 ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации) к виновным.

6. Предлагается расширить компетенцию Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, дополнив его полномочие по подаче жалобы в порядке конкретного нормоконтроля полномочием по последующему контролю за исполнением решений органа конституционной юстиции, принятых по данной категории дел.

7. В целях установления *эффективной* взаимосвязи между органами публичной власти всех ветвей в сфере исполнения решений, вынесенных в порядке судебного конституционного контроля, необходимым представляется восстановление действия института ежегодных обращений (посланий) Председателя Конституционного Суда России к Федеральному Собранию как средства информирования законодательной власти о результатах деятельности по судебному конституционному контролю, а также непосредственного внесения им

предложений по совершенствованию законодательной базы как по общим вопросам правового регулирования, требующим оперативного восполнения правовых пробелов и устранения существующих коллизий, так и в сфере регламентации процессуальной деятельности самого Суда в целях повышения эффективности реализации его функций.

Заключение

Научной задачей, поставленной нами при подготовке данного диссертационного исследования, было определение основополагающих черт сложившихся современных моделей судебного конституционного контроля, их типологизации, а также анализ их роли в реализации принципа разделения властей в Российской Федерации. Особое внимание при этом было уделено определению таких «сущностно-оспариваемых» и неоднозначно трактуемых в юридической науке понятий, как: «власть», «публичная власть», «судебная власть», «орган государственной власти», «государственный орган», «конституционный контроль», «конституционный надзор» в их доктринальном определении и соотношении друг с другом, а также исследованию содержания принципа разделения властей, так как простое сведение его к перечислению «устоявшейся» в большинстве современных правовых систем триады законодательной, исполнительной и судебной власти, представляется хоть и простым, но неубедительным с научной точки зрения решением. Во-первых, ввиду вариативности формы нормативного закрепления данного принципа, выраженной в количестве выделяемых ветвей власти, а, во-вторых, в различии содержания их взаимоотношений друг с другом: либо на основе формального подхода и четкого разграничения предметов деятельности и круга полномочий каждой из ветвей власти, легального закрепления недопустимости вторжения их в компетенцию друг друга (применен, например, в опыте государственного строительства Российской Федерации, США и т.д.), либо, основываясь на функциональном подходе, заключающемся в поддержании оптимального баланса силы между ветвями власти (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Республика Казахстан, Республика Армения и т.д.) и их взаимного влияния на сбалансированную работу друг друга.

С появлением и распространением института судебного конституционного контроля в мире легальную гарантированность получила юстициальность прав человека и конституционных принципов как их нормативных оснований,

закрывающаяся, в первую очередь, в закреплении самой возможности обращения указанных субъектов в специализированные и неспециализированные контрольные органы за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод. Исключение не составляет и Конституционный Суд Российской Федерации, который, являясь высшим судебным органом конституционного контроля, в первую очередь, реализует задачи по обеспечению верховенства Конституции, защите конституционных прав и свобод граждан, разрешению публично-правовых конфликтов, возникающих между органами государственной власти, а также между институтами общества и государства.

Сочетая в своей деятельности нормоконтрольную и «консультативную» функции, а также функции «конституционного аудита» и толкования конституционных положений, отечественный орган судебного конституционного контроля обеспечивает баланс ветвей власти, гарантируя и реализуя на практике принцип разделения властей, декларированный ст. 10 Конституции России, в том числе, ограничивая их от посягательства «воли большинства» на индивидуальную свободу, личные права и безопасность человека и гражданина, служащие залогом верховенства Конституции, верховенства правового закона и его отграничения от подзаконного акта.

Следует согласиться с В.Д. Зорькиным в том, что основная идея, определяющая специфическую компетенцию органов судебного конституционного контроля, заключается в возможности прямой защиты прав человека путем «преодоления глубоких деформаций правового регулирования и системных нарушений права»¹. Именно данная функция, на наш взгляд, является компетентностно-образующей в деятельности специализированных судебных контрольных органов и отличает их от остальных органов конституционного контроля и надзора, к числу которых в Российской Федерации относятся институты Президентского, парламентского (самоконтроля), а также, в некоторой степени, институт прокурорского надзора.

¹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. С. 376-379.

Упоминание в данном перечне органа конституционного надзора как смежного по своим функциям с конституционной юстицией, неслучайно, ибо проведенный в рамках представленного диссертационного исследования анализ научной и нормативной литературы показал, что процесс развития отечественного института судебного конституционного контроля идет по пути трансформации и естественного разделения его функций на конституционно-контрольные (с правом отмены не соответствующего Конституции акта) и конституционно-надзорные (носящие консультативно-наблюдательный характер), что дает основание проводить подобного рода параллели.

Учитывая обозначенные особенности Конституционного Суда Российской Федерации, обуславливающие его отличия от органов ординарного судопроизводства, а также специфику его компетентносто-образующих контрольных правомочий, в число которых входит и обеспечение баланса ветвей власти, свойственное большинству зарубежных органов специализированного судебного контроля, представляется необходимым внести в перечень нормативно закреплённых принципов его процессуальной деятельности, наряду с общими для всей судебной власти принципами, те, которые присущи исключительно органам судебного конституционного контроля: коллегиальность; соразмерность (пропорциональность); принцип «господства права»; социальной ответственности; свободы прямой и опосредованной законодательной инициативы по предметам ведения органа судебного конституционного контроля; уважения и соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права; признания конституционной идентичности Российской Федерации как суверенного государства. А также детально регламентировать порядок конституционно-правовой ответственности органов власти и должностных лиц за неисполнение (ненадлежащее исполнение) решений Конституционного Суда, в том числе путем повышения «вовлеченности» внесудебных конституционных контрольных органов Российской Федерации.

Библиографический список**I. Нормативные правовые акты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2009. – № 7.

2. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. 19.12.2022) // ВВС СССР. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

3. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

6. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

7. Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (ред. 31.10.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4916.

8. Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 23. – Ст. 2922.

9. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 51. – Ст. 7229.

10. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7196.

11. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.

12. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023.) // Собрание законодательства РФ. – 2002 – № 1. – Ст. 1.

13. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

14. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

15. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.

16. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ст. 6217.

17. Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2304.

18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5007.

19. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 50. – Ч. 3. – Ст. 8039.

20. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52. – Ст. 8973.

21. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (ред. от 13.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 21. – Ст. 2930.

22. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (ред. от 04.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.

23. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 40. – Ст. 5474.

24. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.09.2022).

25. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят решением Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.1995 № 2-1/6) (в ред. от 19.07.2016) // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 4.

II. Нормативные акты СССР и РСФСР, утратившие законную силу нормативные правовые акты Российской Федерации и ее субъектов

26. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31.01.1924) // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 81. – Ст. 782.

27. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

28. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

29. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 51.

30. Закон СССР от 01.12.1988 № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 727.

31. Закон СССР от 23.12.1989 № 974-1 «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 574.

32. Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 29. – Ст. 395.

33. Закон РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» от 06.05.1991 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 19. – Ст. 621.

34. Федеральный закон от 06.12.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов

власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

35. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

36. Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 12.07.1991 № 1598-1 «Об утверждении Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 30. – Ст. 1016.

37. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2002 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.01.2023).

III. Нормативные акты зарубежных стран

38. Austria's Constitution of 1920 (rev. 2013) (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: <https://constituteproject.org/constittions?lang=en&key=conpow> (дата обращения: 20.11.2021).

39. Bolivia Constitution of 2009 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

40. Greece's Constitution of 1975 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Greece_2008.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

41. Timor-Leste's Constitution of 2002 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/East_Tmor_2002.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

42. Конституция Республики Абхазия от 26.11.1994 [Электронный ресурс] // URL: <http://presidentofabkhazia.org/upload/.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

43. Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 20.11.2021).

44. Конституция Республики Армения от 05.07.1995 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 20.11.2021).

45. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 [Электронный ресурс] // URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 20.11.2021).

46. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 (ред. от 19.09.2022) [Электронный ресурс] // URL: https://www.akorda.kz/official_documents/constitution (дата обращения: 20.11.2021).

47. Lithuania's Constitution of 1992 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Lithuania_2019.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

48. Moldova Republic's Constitution of 1994 with Amendments through 2016 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Moldova_2016.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

49. United States Constitution of 1787 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 20.11.2021).

50. Ukraine's Constitution of 1996 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Ukraine_2019.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

51. France's Constitution of 1958 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/France_2008.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

52. Switzerland's Constitution of 1999 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/Switzerland_2014.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

53. Germany's Basic Law of 1949 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: https://constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014.pdf?lang=en (дата обращения: 20.11.2021).

54. Конституционный закон Республики Армения «О Конституционном Суде» от 27.01.2018 № ЗР-42 (ред. от 22.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: <https://concourt.am/ru> (дата обращения: 20.11.2021).

55. Ordonnance n° 58-1067 du 7 novembre 1958 portant loi organique sur le Conseil constitutionnel (на фр. яз.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/fondements-textuels/ordonnance-n-58-1067-du-7-novembre-1958-portant-loi-organique-conseil-constitutionnel> (дата обращения: 20.11.2021).

56. Закон Республики Молдова от 13.12.1994 № 317-XIII «О Конституционном суде» (ред. от 14.04.2022) [Электронный ресурс] // URL: https://constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/L317_XIII_1994_ru (дата обращения: 15.12.2022).

57. Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З «О конституционном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kc.gov.by/document-35203> (дата обращения: 15.12.2022).

58. Закон Республики Казахстан от 08.06.2022 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» [Электронный ресурс] // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z220000001K/links> (дата обращения: 15.12.2022).

59. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова от 16.06.1995 № 502 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.constcourt.md/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).

60. Кодекс Республики Абхазия «О конституционной юрисдикции» от 15.06.2015 № 3785-с-V [Электронный ресурс] // URL: <https://ks.apsny.land/ru> (дата обращения: 15.12.2022).

61. Указ Президента Республики Казахстан от 05.05.2022 № 888 «О проведении 5 июня 2022 года республиканского референдума» [Электронный

ресурс] // URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-5-iyunya-2022-goda-respublikanskogo-referenduma-545131> (дата обращения: 15.12.2022).

62. Geschäftsordnung des Verfassungsgerichtshofes kundmachung des Bundeskanzleramtes vom 12 Oktober 1946 (на нем. яз.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000208> (дата обращения: 15.12.2022).

IV. Международные универсальные и региональные нормативные правовые акты

63. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

64. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ETS № 005 (Рим, 04.11.1950 г.) (в ред. Протокола от 11.05.1994 № 11) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

65. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

66. Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 27.07.2006 № 2006/23) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

V. Судебная практика РСФСР и Российской Федерации

67. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.

68. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.1995 № 77-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и запроса Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 21 июня 1995 года "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 49. – Ст.4867.

69. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.1997 № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. № 1412 "Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 22. – Ст. 2664.

70. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 № 633-О-П «По жалобе гражданина Тимова Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона "О радиационной безопасности населения» и Положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения"» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5642.

71. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2001 № 65 «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная

Осетия-Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 2059.

72. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 103-О «По запросу Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1658.

73. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.03.1992 № П-РЗ-I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан", Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 года "О референдуме Республики Татарстан", Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан"» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 13. – Ст. 671.

74. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.05.1995 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 года "О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)" (в редакции от 20 мая 1991 года) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1976.

75. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 года № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 701.

76. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в его отношении уголовного дела» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 51. – Ст. 6364.

77. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2002 №1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 626.

78. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.04.2003 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское»"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1656.

79. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ред. от 05.03.2013) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона "О референдуме Российской Федерации" в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1741.

81. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца

второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 21. – Ст. 2697.

82. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 8. – Ст. 868.

83. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 13. – Ст. 1527.

84. Постановление от 26.02.2015 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 9 Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина В.П. Селезнева» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1576.

85. Постановление от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 14. – Ст. 2197.

86. Постановление от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе

судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 21. – Ст. 3149.

87. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч.4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.

88. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 52 (Части I-VI). – Ст. 7729.

89. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"» против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

90. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04 февраля 2020 года № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.15 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. А. Викторовой» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 6. – Ст. 744.

91. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Музыки» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 20. – Ст. 3225.

92. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 22. – Ст. 3914.

93. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2022 № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Ерохина» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

94. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 № 36-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

95. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 № 37-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Луганской Народной

Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

96. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 № 38-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

97. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2022 № 39-П «О проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

98. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изм. на 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 1.

VI. Судебная практика зарубежных государств

99. *Marbury v. Madison* // *United States Reports*. 5 U.S. 137 137 (1803) [Электронный ресурс]. URL: <http://supreme.justia.com>. (дата обращения: 20.04.2021).

100. Постановление Конституционного Суда Республики Молдова от 09.07.2020 № 20 «О толковании положений ст. 134 ч. 1 и ч. 2, ст. 136 ч. 3 и ст. 140 ч. 2 Конституции Республики Молдова» [Электронный ресурс] // URL: <http://constcourt.md> (дата обращения: 15.12.2022).

101. Постановление Конституционного Суда Республики Молдова от 11.01.2021 № 1 «Об утверждении доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году» [Электронный ресурс] // URL: <http://constcourt.md> (дата обращения: 15.12.2022).

102. Решение Конституционного Совета Франции от 04.07.2013 № 2013-156 PDR [Электронный ресурс] // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr>. (дата обращения: 15.12.2022).

103. Решение Конституционного Совета Франции от 13.11.2020 № 2020-808 DC [Электронный ресурс] // URL: <http://conseilconstitutionnel.fr> (дата обращения: 15.12.2022).

104. Решение Конституционного Совета Франции от 05.08.2021 № 2021-824 DC [Электронный ресурс] // URL: conseilconstitutionnel.fr (дата обращения: 15.12.2022).

105. Решение Конституционного Совета Франции QPC [Электронный ресурс] // URL: <http://conseilconstitutionnel.fr> (дата обращения: 15.12.2022).

106. Решение Конституционного Совета Франции Decision от 09.11.2021 № 2021-828 DC [Электронный ресурс] // URL: <http://conseilconstitutionnel.fr> (дата обращения: 15.12.2022).

VII. Судебная практика международных универсальных и региональных судебных органов

107. Заключение от 18.12.2008 № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2023).

108. Заключение Консультативного Совета Европейских судей для Кабинета Министров Совета Европы №18 (2015) «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве». Лондон. 16 октября 2015 г. ССJE (2015) 4 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – 2016. – № 12.

109. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19.12.2002 по вопросу приемлемости жалобы № 31443/96 «Брониовски против Польши» (Broniowski v. Poland) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – 2003. – № 7.

VIII. Специальная научная литература

Монографии, материалы коллективных монографий

110. Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы [Текст]: монография / Е.Б. Абросимова. – М.: Институт права и публичной политики, 2002. – 160 с.

111. Анохин В.С. Деление государственной власти и судоустройство по Конституции Российской Федерации [Текст]: монография / В.С. Анохин. – Воронеж: Научная книга, 2015. – 63 с.

112. Арановский К.В., Князев С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений [Текст]: монография / К.В. Арановский, С.Д. Князев. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.

113. Арутюнян Г.Г. Конституционный Суд в системе государственной власти: сравнительно-правовое исследование [Текст]: монография / Г.Г. Арутюнян. – Ереван: Нжар, 1999. – 238 с.

114. Астафичев П.А. Проблемы организации конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации [Текст] / П.А. Астафичев // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд: монография / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. – М.: Проспект, 2021. – С. 51-67.

115. Байтин М.И. «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) [Текст]: монография / М. И. Байтин. – М.: Право и государство, 2005. – 544 с.

116. Байтин М.И. Государство и политическая власть [Текст]: монография / М.И. Байтин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. – 239 с.

117. Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве [Текст]: монография / В.П. Беляев. – М.: Проспект, 2005. – 219 с.

118. Боботов С.В. Конституционная юстиция: сравнительный анализ [Текст]: монография / С.В. Боботов. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1994. – 127 с.

119. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия [Текст]: монография / Н.С. Бондарь. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. – 544 с.

120. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа [Текст] / Н.С. Бондарь // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. – Минск, 2008. – С. 14-26.

121. Венецианская комиссия о проблемах правосудия в современном мире [Текст]: монография / под. ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. – 456 с.

122. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс [Текст]: монография / Н.В. Витрук. – М.: Юридическое издательство «Норма», 2012. – 592с.

123. Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти [Текст]: монография / А.М. Витченко. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. – 194 с.

124. Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти [Текст]: монография / Л.А. Воскобитова. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – 160 с.

125. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура [Текст]: монография / И.Н. Гомеров. – М.: ООО «Изд-во ЮКЭА», 2002. – 830 с.

126. Государство, общество, личность: проблемы совместимости [Текст]: колл. монография / П.А. Оль, Р.А. Ромашов, А.Г. Тищенко, Е.Г. Шукшина. – М.: Юрист, 2005. – 303 с.

127. Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект) [Текст]: монография / В.В. Денисенко. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 131 с.

128. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире [Текст]: монография / отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. – 560 с.

129. Законность в Российской Федерации [Текст]: монография / А.Х. Казарина, В.П. Кашепов, В.П. Рябцев, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М., 2008. – 624 с.

130. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл [Текст]: монография / В.Д. Зорькин. – СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. – 154 с.

131. История конституционного правосудия в России [Текст] / В.А. Кряжков, М.А. Митюков; отв. ред. В.М. Сырых // История суда и правосудия в России: в 9 т.: монография / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – М.: Норма, 2022. – Т. 9. – 631 с.

132. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы [Текст]: монография / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов. – СПб.: ИВЭСЭП, 2011. – 172 с.

133. Кабышев В.Т. Прямое народовластие в Советском государстве [Текст]: монография / В.Т. Кабышев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 149 с.

134. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности [Текст]: монография / Н.А. Колоколов. – М.: Издательство «Юрист», 2010. – 400 с.

135. Конституционный совет Франции на современном этапе [Текст] / сост. С.Д. Князев, А.Д. Антонов. – М.: Издательская группа «Юрист», 2015. – 268 с.

136. Конституционный Суд Российской Федерации. Решения. 2020 [Текст] / сост. и отв. ред. С.П. Маврин. – М.: Норма, 2021. – 1120 с.

137. Конституционный Суд России: осмысление опыта [Текст]: колл. монография / А.Н. Медушевский, Е.В. Гриценко, И.П. Кененова, А.А. Троицкая [и др.]. – Москва: Центр конституционных исследований, 2022. – 2022 с.

138. Контарини Г. О магистратах и устройстве Венецианской республики [Текст]: монография / под ред. М.М. Крома, О.В. Хархордина. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 221 с.
139. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования [Текст]: монография / В.И. Крусс. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
140. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации [Текст]: монография / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. – М.: БЕК, 1998. – 462 с.
141. Локк Дж. Два трактата о государственном правлении [Текст]: монография / Дж. Локк. – М.: Социум, 2014. – 484 с.
142. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации [Текст]: монография / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТА-ДАНА, 2002. – 399 с.
143. Любашиц В.Я., Мордовцева А.А., Мамычев А.Ю. Государственная власть: введение в общую теорию [Текст] / В.Я. Любашиц, А.А. Мордовцева, А.Ю. Мамычев. – Ростов-на-Дону: Изд-тво СКНЦ ВШ, 2003. – 296 с.
144. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства. Избранные труды по общей теории права [Текст] / Я.М. Магазинер. – М.: Юридический центр Пресс, 2006. – 350 с.
145. Маритен Ж. Человек и государство [Текст]: монография / Ж. Маритен. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 195 с.
146. Махлаева Т.И. Судебная власть системе разделения властей [Текст]: монография / Т.И. Махлаева. – М: АИФП (Ставрополь: Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополь»), 2003. – 143 с.
147. Монтескье Ш.Л. О духе законов [Текст]: монография / Ш.Л. Монтескье. – М.: Риппол Классик, 2018. – 690с.
148. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы [Текст]: монография / Т.Г. Морщакова. – М.: Р. Валент, 2004. – 264 с.
149. Несмеянова С.Э. Конституционный судебный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики [Текст]: монография / С.Э. Несмеянова. – Екатеринбург, 2004. – 287 с.

150. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Правовая защита конституций [Текст]: монография / Ж.И. Овсепян. – Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992. – 317 с.

151. Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации [Текст]: колл. монография / В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова, М.В. Варлен [и др.]. – Москва-Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. – 545 с.

152. Парсонс Т.О. О социальных системах [Текст]: монография / под общ. ред В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 830 с.

153. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти [Текст]: хрестоматия. Т.1. / Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 1999. – 1104 с.

154. Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления [Текст]: монография / В.М. Розин. – М.: URSS, 2019. – 248 с.

155. Российское государство и правовая система: современное развитие, проблемы, перспективы [Текст]: монография / О.Я. Баев, О.В. Баулин, Ю.Н. Старилов [и др.] // – Воронеж, 1999. – 704 с.

156. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.

157. Смелзер Н. Социология [Текст]: монография / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 687 с.

158. Современные проблемы организации публичной власти [Текст]: моногр. / рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.

159. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа Сперанского (Введение к уложению государственных законов) [Текст] / М.М. Сперанский. – М.: Издание журнала «Русская мысль», 1905. – 366 с.

160. Степашин С.В. Власть – Демократия – Контроль [Текст]: монография / С.В. Степашин. – М.: Финансовый контроль, 2005. – 256 с.

161. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта [Текст]: монография / Е.В. Тарибо. – М.: Норма, 2018. – 256 с.

162. Токвиль А. Демократия в Америке [Текст]: монография / А. Токвиль. – М.: Весь мир, 2001. – 560 с.
163. Томас Джефферсон о демократии [Текст] / сост. С.К. Падфер. – СПб.: Лениздат, 1992. – 336 с.
164. Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона, Дж. Джея: пер. с англ. [Текст] / под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, комм. О.Л. Степановой. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 592 с.
165. Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики [Текст]: монография / Д.В. Фетищев. – М.: Научная Книга, 2007. – 285 с.
166. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Текст] / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – М.: Норма: Инфра-М, 2020. – 240 с.
167. Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта [Текст]: монография / Т.В. Худойкина. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. – 392 с.
168. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительное правовое исследование [Текст]: монография / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. – 230 с.
169. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование [Текст]: монография / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2011. – 336 с.
170. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России [Текст]: монография / Ю.Л. Шульженко. – М.: Ин-т государства и права, 1995. – 175 с.
171. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции: вступительная статья [Текст] / Б.С. Эбзеев // Комментарий к Постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред Б.С. Эбзеев. – М.: Юрист, 2000. – Т. 1. – 587 с.

**Научные статьи и иные публикации в периодической печати
или материалах конференции**

172. Абзалова Д.И. Значение института судебного конституционного контроля, правовые и практические основы определения субъектов конституционного контроля [Текст] / Д.И. Абзалова // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2019. – № 14. – С. 38-44.

173. Аблаева Э.Б. История развития теории разделения властей: определение роли судебной системы [Текст] / Э.Б. Аблаева // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 52-62.

174. Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы [Текст] / С.А. Авакьян // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 3-9.

175. Александрова М.А. Пути разрешения проблемы неисполнения актов Конституционного Суда РФ [Текст] / М.А. Александрова // Российский судья. – 2014. – № 11. – С. 35-39.

176. Амбалова С.М. О соотношении преюдиции и обязательности судебных актов: некоторые теоретико-практические аспекты [Текст] / С.М. Амбалова // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 томах. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – С. 347-355.

177. Антонов А.В. Реформа Конституционного Совета Франции [Текст] / А.В. Антонов // Журнал конституционного правосудия. – 2011. – № 2. – С. 27-38.

178. Астафичев П.А. Поиск оптимальной модели организации российского общества: «Русская правда» П.И. Пестеля и ее влияние на представления о конституционном государстве в России [Текст] / П.А. Астафичев // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): международная научно-практическая конференция / под общей ред. А.И. Каплунова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 125-127.

179. Балагер Кальехон Ф. Нормотворческая функция конституционных решений [Текст] / Ф. Балагер Кальехон // Правосудие. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 32-50.

180. Баранов П.П. Роль конституционного законодательства Российской Федерации в регулировании принципа разделения властей [Текст] / П.П. Баранов // Юрист-правовед. – 2012. – № 1 (50). – С. 5-10.

181. Баренбойм П.Д. Божественная природа судебной власти [Текст] / П.Д. Баренбойм // Российская юстиция. – 1996. – № 1. – С. 21-23.

182. Барри Д. Конституционный Суд России глазами американского юриста [Текст] / Д. Барри // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 89.

183. Басангов Д.А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / Д.А. Басангов // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 24-34.

184. Безруков А.В., Пунтус С.А. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ в механизме разделения властей [Текст] / А.В. Безруков, С.А. Пунтус // Российское право: образование, практика, наука. 2014. – № 2 (83). – С. 84-89.

185. Бланкенагель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ [Текст] / А. Бланкенагель // Советское государство и право. – 1989. – № 1. – С. 102-109.

186. Бондарева Е.А. Институт предварительного конституционного контроля в России и Франции: теория и практика применения [Текст] / Е.А. Бондырева // Вестник ВГУ. – Серия «Право». – 2013. – № 2. – С. 57-67.

187. Бондарь Н.С. Конституционный контроль в системе нормоконтрольных функций судебной власти [Текст] / Н.С. Бондарь // Судья. – 2021. – № 10 (130). – С. 11-16.

188. Брежнев О.В. Воздействие решений Конституционного Суда Российской Федерации на законодательство: проблемы теории и практики [Текст] / О.В. Брежнев // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – № 1 (70). – С. 156-162.

189. Василевич Г.А. Американская модель судебного конституционного контроля - модель для Беларуси? [Текст] / Г.А. Василевич // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, в 2-ух частях. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2020. – С. 13-17.

190. Верещагин А.Н. Является ли Конституционный Суд «негативным законодателем»? [Текст] / А.Н. Верещагин // Закон. – 2010. – № 1. – С. 185-192.

191. Витрук Н.В. Защита прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации в контексте действия международного права [Текст] / Н.В. Витрук // Государственная власть и права человека. – Томск. – 2001. – С. 24-36.

192. Вязовская Т.Н., Евсеева Л.А., Змиевский Д.В., Галиева Г.В. Предварительный конституционный судебный контроль в Российской Федерации [Текст] / Т.Н. Вязовская, Л.А. Евсеева, Д.В. Змиевский, Г.В. Галиева // Вестник РУК. – 2020. – №3 (41). – С. 103-107.

193. Гаджиев А.Ш. Современные проблемы системы сдержек и противовесов в Российской Федерации [Текст] / А.Ш. Гаджиев // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – С. 379-381.

194. Гаджиев Г.А. О судебной доктрине конституционной идентичности [Текст] / Г.А. Гаджиев // Судья. – 2017. – № 12 (84). – С. 31-35.

195. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права [Текст] / Г.А. Гаджиев // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 81-85.

196. Гарифуллина А.Р., Юн Л.В. О конституционном правосудии в Австрии и Бельгии: зарубежный опыт [Текст] / А.Р. Гарифуллина, Л.В. Юн // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 131-133.

197. Гоглева К.Ю. Право на особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: история и современность» [Текст] / К.Ю. Гоглева // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 12 А. – С. 75-81.

198. Гриценко Е.В. Пределы компетенции конституционных судов субъектов Федерации: сравнительный анализ российской и германской моделей региональной конституционной юстиции [Текст] / Е.В. Гриценко // Модели конституционной юстиции в современном мире: материалы научной конференции / сост. Н.А. Шевелёва, Е.В. Гриценко, С.А. Белов. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 39-66.

199. Двойменный И.А. Региональная конституционная юстиция: состояние и перспективы [Текст] / И.А. Двойменный // Регион: системы, экономика, управление. – № 1 (52). – 2021. – С. 188-194.

200. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека и гражданина [Текст] / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 44-50.

201. Добрынин Н.М. Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен [Текст] / Н.М. Добрынин // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 3-11.

202. Долгополов К.А. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации по уголовно-правовым вопросам в системе источников уголовного права [Текст] / К.А. Долгополов // Современный ученый. – 2020. – № 1. – С. 265-269.

203. Жеребцова Е.Е. Объекты конституционного нормоконтроля: сравнительно-правовое исследование российского и зарубежного законодательства [Текст] / Е.Е. Жеребцова // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 5 (65). – С. 22-26.

204. Зиновьев А.В. Статус Конституционного Суда России и его деятельность нуждаются в совершенствовании [Текст] / А.В. Зиновьев // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2007. – № 5 (274). – С. 4-13.

205. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 4-7.

206. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал Конституционного правосудия. – 2017. – № 4. – С. 1-12.

207. Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России [Текст] / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1998. – № 3. – С. 3-11.

208. Карпова Е.В., Мещерякова Т.Г. Конституционно-правовое значение надзора и контроля [Текст] / Е.В. Карпова, Т.Г. Мещерякова // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2016. – № 1 (9). – С. 114-117.

209. Карпунина В.В. Отдельные публично-правовые конфликты и проблемы их регулирования [Текст] / В.В. Карпунина // Признание права и принцип формального равенства: Сборник трудов международной научной конференции. – Воронеж: Издательство современная экономика и право, 2015. – С. 210-216.

210. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) [Текст] / пер. с фр. Д.В. Даниленко. – Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 5-14.

211. Кешикова Н.В. Порядок формирования государственных органов: к теории вопроса [Текст] / Н.В. Кешикова // История государства и права. – 2008. – № 11. – С. 7-9.

212. Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы [Текст] / М.И. Клеандров // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 7-23.

213. Клишас А.А. Принцип разделения властей как концептуальная основа институционализации системы конституционного контроля и конституционного правосудия [Текст] / А.А. Клишас // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4 (32). – С. 136-137.

214. Клишас А.А. О роли Конституционного Суда России в контексте его новых полномочий по предварительному конституционному контролю [Текст] / А.А. Клишас // Журнал Конституционного правосудия. – 2021. – № 5. – С. 10-22.

215. Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие [Текст] / М.Н. Кобзарь-Фролова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т.18. – № 2. – С. 192-203.

216. Комарова В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей [Текст] / В.В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). – С. 36-46.

217. Комарова В.В. Конституционные и уставные суды в Российской Федерации: проблема исполнения решений и пути ее преодоления [Текст] / В.В. Комарова // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского / под общей ред. Д.А. Пашенцева. – М: ООО «Издательство «Концепция», 2016. – С. 404-411.

218. Комкова Г.Н., Абаева Е.А. Президентский контроль за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Текст] / Г.Н. Комкова, Е.А. Абаева // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 6. – С. 75-87.

219. Кононов А.Л. Право на особое мнение [Текст] / А.Л. Кононов // Закон. – № 11. – 2006. – С. 134-138.

220. Косов Р.В. Теория разделения властей как политико-правовой принцип и научная теория [Текст] / Р.В. Косов // Вестник ТГТУ. – 2004. – № 4-2. – С. 1211-1215.

221. Князев С.Д., Микулин А.И. Право на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / С.Д. Князев, А.И. Микулин // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2 (71). – С. 145-162.

222. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) [Текст] / И.А. Кравец // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 439. – С. 202-215.

223. Кравец И.А. Конституционная телеология и принцип пропорциональности (в российском конституционализме и практике ЕСПЧ) [Текст] / И.А. Кравец // Толкование правовых актов. Право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты): материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Алушта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 25-32.

224. Кравец И.А. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) [Текст] / И.А. Кравец // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. – С. 21-30.

225. Крусс В.И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом [Текст] / В.И. Крусс // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. – Право». – 2011. – № 8 (70). – С. 13-20.

226. Крусс В.И. Реальность российской Конституции [Текст] / В.И. Крусс // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. / отв. ред. В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2009. – С. 235-250.

227. Крылов Б.С. Разделение власти: система сдержек и противовесов [Текст] / Б.С. Крылов // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 3-9.

228. Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов [Текст] / В.А. Кряжков // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 65-74.

229. Кудрявцев В.Н. Историческая веха становления правового государства [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Российская юстиция. 2001. – № 10. – С. 5.

230. Курмаева Т.И. Юридический конфликт: понятие и природа [Текст] / Т.И. Курмаева // Научный аспект. – 2015. – № 2-2. – С. 125-128.

231. Ле Бот О. Контроль конституционности *a priori* и *a posteriori* в странах Европейского Союза [Текст] / О. Ле Бот // Журнал конституционного правосудия. – 2017. – № 2 (56). – С. 14-26.

232. Лебедев В.А. Коллизии в конституционном праве [Текст] / А.Б. Лебедев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35 (250). – Право. Вып. 30. – С. 5-11.

233. Ливеровский А.А., Лисовицкий Д.А. Проблема эффективности конституционного нормоконтроля: презумпция казуса [Текст] / А.А. Ливеровский, Д.А. Лисовицкий // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии: материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. – Самара: Самарский государственный университет, 2017. – С. 109-117.

234. Ливеровский А.А. Европейская идентичность: конституционное измерение [Текст] / А.А. Ливеровский // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 113-117.

235. Майнингер М.К. Конституционный совет Франции и европейское право [Текст] / М.К. Майнингер // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 4 (61). – С. 141-146.

236. Малев А.В. Категории «государственная власть» и «орган государственной власти» как основа понятийно-категориального аппарата концепции разделения государственной власти [Текст] / А.В. Малев // Юридическая мысль. – 2011. – № 3 (65). – С. 44-49.

237. Малютин Н.С. Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации [Текст] / Н.С. Малютин // Конституционное и муниципальное право. 2020. – № 3. – С. 63-68.

238. Мамут Л.С. «Разделение властей» или разделение публично-властных полномочий? [Текст] / Л.С. Мамут // Право. – 2009. – № 4. – С. 3-11.

239. Мартынов А.В. Контрольная власть в России: понятие, формы и юридическое значение [Текст] / А.В. Мартынов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 205-210.

240. Мартынов А.В. Виды государственного надзора в современной России: система и правовое установление [Текст] / А.В. Мартынов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 9. – С. 34-47.

241. Медников Д.С. Европейский Суд по правам человека: обзор Постановления Большой Палаты по делу Бурмич и другие против Украины [Текст] / Д.С. Медников // Международное правосудие. – 2017. – № 4 (24). – С. 39-50.

242. Медушевский А.Н. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы [Текст] / А.Н. Медушевский // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. – С. 13-41.

243. Мельников Н.В. О соотношении специализированного конституционного контроля и неспециализированного надзора в России [Текст] / Н.В. Мельников // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 3. – С. 11-18.

244. Миннеханова Д.Р. Конституционно-правовые основы сотрудничества России с международными организациями [Текст] / Д.Р. Миннеханова // Science Time. – 2016. – № 4 (28). – С. 537-544.

245. Мирзоев С.Б. Конституционный контроль: некоторые современные модели [Текст] / С.Б. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 22-29.

246. Мирзоев С.Б. О формах конституционного контроля: некоторые размышления [Текст] / С.Б. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 30-36.

247. Митюков М.А. Зарубежные оценки законодательного регулирования конституционного правосудия России (по экспертным заключениям венецианской комиссии Совета Европы и иностранных специалистов по конституционному праву) [Текст] / М.А. Митюков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 1. – С. 10-13.

248. Мокошеева М.А. Ответственность за неисполнение решений органов конституционной юстиции в Российской Федерации [Текст] / М.А. Мокошеева // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4 (15). – С. 34-37.

249. Моммзен Т. Римское государственное право: народный трибунал [Текст] / пер. с нем. А.А. Павлова и Т.Е. Бондаревой // Историческое произведение как феномен культуры. – Сыктывкар. – 2013. – Вып. 8. – С. 213-244.

250. Нарутто С.В. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы регулирования и реализации [Текст] / С.В. Нарутто // Lex russica (Русский закон). – 2014. – Т. 96. – № 7. – С. 783-797.

251. Наумов А.В. Конституция Российской Федерации и решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник уголовного права [Текст] / А.В. Наумов // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – С. 25-30.

252. Никифоров М.В. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации как подзаконный нормативный правовой акт [Текст] / М.В. Никифоров // Юрист. – 2017. – № 21. – С. 22-25.

253. Никишкин А.В., Селезнев В.И. Составы административных правонарушений в диспозициях бланкетных норм [Текст] / А.В. Никишкин, В.И. Селезнев // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 111-116.

254. Нисневич Ю.А. Судебная система постсоветской России: социальный контекст [Текст] / Ю.А. Нисневич // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 84-95.

255. Нудненко Л.А. Конституционные основы парламентского контроля за деятельностью правительства Российской Федерации [Текст] / Л.А. Нудненко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 30-35.

256. Нуриев Г.Х. Полномочия европейских конституционных судов по рассмотрению дел о соответствии конституции нормативных актов по запросам судов и соответствующие им особенности производства [Текст] / Г.Х. Нуриев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 110-114.

257. Овсепян Ж.И., Овсепян А.Г. Президентский и парламентский контроль как формы конституционного контроля в Российской Федерации [Текст] / Ж.И. Овсепян, А.Г. Овсепян // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2016. – Т. 3. – № 2-3. – С. 9-20.

258. Пензин М.И. Роль прецедента в common law [Текст] / М.И. Пензин // Молодой юрист. – 2021. – № 2. – С. 29-35.

259. Петров А.В. Становление и развитие института конституционного контроля (надзора) в системе государственно-правовых институтов [Текст] / А.В. Петров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 85-89.

260. Петров М.В., Ливеровский А.А. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» [Текст] / М.В. Петров, А.А. Ливеровский // Журнал Конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 23-28.

261. Печатнова Л.Г. Способы отрешения от власти спартанских царей // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – 2009. – № 8. – С. 65-102.

262. Печатнова Л.Г. Эволюция спартанского эфрата в период классики и эллинизма [Текст] / Л.Г. Печатнова // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. – 2013. – № 12. – С. 69-80.

263. Пилия Д.Э. Правовая парадигма деятельности конституционного суда Республики Абхазия [Текст] / Д.Э. Пилия // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития: электронный сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции. – Волжский: «Сфера», 2021. – С. 186-188.

264. Пирогова Р.Н. «Доктрина разделения властей: история и современность» [Текст] / Р.Н. Пирогова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – С. 278-280.

265. Посулихина Н.С. Правовые режимы развития генетических технологий в медицине: опыт зарубежных стран [Текст] / Н.С. Посулихина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 1 (122). – С. 167-180.

266. Примова Э.Н. К вопросу о легитимности власти [Текст] / Э.Н. Примова // Власть. – 2013. – № 8. – С. 112-116.

267. Рабазанов С.А. Общественные объединения – коллективные субъекты конституционных отношений [Текст] / С.А. Рабазанов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 348-354.

268. Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. – Шахты: КОНВЕРТ, 2019. – 216 с.

269. Репьев А.Г. Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения [Текст] / А.Г. Репьев // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 41-46.

270. Решетников О.М. Политическая партия как субъект правоотношения [Текст] / О.М. Решетников // Актуальные проблемы современной науки. – 2014. – № 6 (79). – С. 67-68.

271. Ротермель Л.Р. Й. Бляйкен о месте народного трибуната в политической системе Римской республики [Текст] / Л.Р. Ротермель // Омские научные чтения-2019: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2019. – С. 265-268.

272. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение [Текст] / В. Садурский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 4 (95). – С. 49-67.

273. Сажина В.В. Виды конституционного контроля: зарубежный опыт [Текст] / В.В. Сажина // Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2019. – С. 241-243.

274. Сажина В.В. Зарубежная конституционная юстиция: к проблеме типологии [Текст] / В.В. Сажина // Учредительные нормы и учредительные акты в публичном праве (к 25-летию Устава (Основного Закона) Калининградской области). IV Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. редактор О.А. Заячковский. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2021. – С. 156-161.

275. Саликов М.С. Региональные конституционные (уставные) суды: место в судебной системе России [Текст] / М.С. Саликов // Российское право: образование, практика, наука. – 2013. – № 2-3 (80-81). – С. 18-22.

276. Спиридонов А.А. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип [Текст] / А.А. Спиридонов // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 6. – С. 48-58.

277. Сергевнин С.Л. Судебная власть и конституционное правосудия в контексте принципа разделения властей [Текст] / С.Л. Сергевнин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 2. – С. 9-15.

278. Скуратов Ю.И. Роль прокуратуры в укреплении законности и правопорядка [Текст] / Ю.И. Скуратов // Законность. – 1996. – № 12. – С. 3-10.

279. Слово «власть» не должно пугать. Интервью с Суреном Авакьяном // Закон. – 2020. – № 12. – С. 8-16.

280. Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву

международному [Текст] / Е.С. Смирнова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 4. – С. 35-41.

281. Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита [Текст] / И.Е. Суриков // Вестник древней истории. – 2004. – № 1 (248). – С. 3-30.

282. Сухоруков А.С. Особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве [Текст] / А.С. Сухоруков // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – № 4 (34). – С. 135-142.

283. Татаринов С.А. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по преодолению конституционно-правовых пробелов [Текст] / С.А. Татаринов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 3. – С. 48-52.

284. Тиунов О.Н. Принцип соблюдения международных договоров и устав ООН [Текст] / О.Н. Тиунов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 3. – С. 104-110.

285. Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право [Текст] / О.И. Тиунов // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 14-16.

286. Третьяк И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект [Текст] / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2018. – № 4. – С. 43-48.

287. Троицкая А.А., Храмова Т.М. Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта [Текст] / А.А. Троицкая, Т.М. Храмова // Государство и право. – 2016. – № 8. – С. 5-22.

288. Тхабисимова Л.А., Тлехатук А.К. Конституционное судопроизводство Российской Федерации как особый вид в сфере защиты прав и свобод граждан [Текст] / Л.А. Тхабисимова, А.К. Тлехатук // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 12. – С. 61-71.

289. Упоров И.В. Концепция разделения властей как признак современного государства: необходимость уточнения очевидна [Текст] / И.В. Упоров //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 74-76.

290. Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации [Текст] / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – № 3 (147). – 2009. – С. 3-13.

291. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности [Текст] / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 5. – С. 403-414.

292. Харламов С.О. Конституционные права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства и их особенности в Российской Федерации [Текст] / С.О. Харламов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 126-130.

293. Чепунов О.И. Способы формирования государственных органов [Текст] / О.И. Чепунов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2008. – № 3. – С. 50-52.

294. Чепрасов К.В. Модели разделения властей и форма правления (конституционно-правовой аспект) [Текст] / К.В. Чепрасов // Известия АлтГУ. – 2013. – № 2 (78). – С. 134-138.

295. Чернобель Г.Г. Институциональные предпосылки и концептуальные истоки конституционного правосудия в России [Текст] / Г.Г. Чернобель // Журнал российского права. – 2007. – № 8. – С. 136-140.

296. Чиркин В.Е. Контрольная власть [Текст] / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 10-19.

297. Шульженко Ю.Л. Конституционный Суд России между прошлым и будущим [Текст] / Ю.Л. Шульженко // Государство и право. – 2011. – № 12. – С. 24-30.

298. Эриашвили Н.Д., Белоновский В.Н., Саудаханов М.В. К 20-летию принятия Конституции Российской Федерации. О соотношении понятий «конституционный контроль» и «конституционный надзор» в конституционной

практике России [Текст] / Н.Д. Эриашвили, В.Н. Белоновский, М.В. Саудаханов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 137-142.

299. Юрьев А.И. Власть как предмет науки [Текст] / А.И. Юрьев // Психология власти: материалы конференции / под ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского университета, 2005. – С. 6-19.

300. Ягуткина Е.С. Управление трансформационными конфликтами в социально-стабильном регионе [Текст] / Е.С. Ягуткина // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 170-172.

301. Ярославцева Д.К. Судебный конституционный контроль в действиях Верховного суда США: понятие, признаки, основные направления деятельности [Текст] / Д.К. Ярославцева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4-5. – С. 154-155.

302. Ярошенко Н.И. Место судебной власти в системе разделения властей в России [Текст] / Н.И. Ярошенко // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 11-19.

Авторефераты диссертаций

303. Аккаева Х.А. Принцип разделения власти - конституционная основа построения и функционирования государственного механизма в России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Халимат Алиевна Аккаева. – СПб., 2005. – 21 с.

304. Бастен И.С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники конституционного права России [Текст]: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ирина Сергеевна Бастен. – Челябинск, 2003. – 30 с.

305. Болдырева Е.В. Конституционное правосудие в субъектах федерации Россия и зарубежный опыт (США и ФРГ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Елена Владимировна Болдырева. – Саратов, 2013. – 26 с.

306. Дробот С.Е. Принцип разделения властей и взаимодействия властей в системе российского конституционализма [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Семен Евгеньевич Дробот. – Челябинск, 2021. – 30 с.

307. Захаров В.В. Решения конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права [Текст]: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.02 / Владимир Валерьевич Захаров. – Саратов, 2004. – 29 с.

308. Игнатьев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа: на примере сферы судебного конституционного контроля [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Александр Сергеевич Игнатьев. – СПб., 2016. – 26 с.

309. Казанков С.П. Правовая природа решений органов конституционного контроля и надзора: теоретический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Сергей Петрович Казанков. – Казань, 2006. – 31 с.

310. Кальяк А.М. Исполнение решений конституционных судов: вопросы теории и практики (на материалах постсоциалистических государств) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Андрей Михайлович Кальяк. – Томск, 2007. – 26 с.

311. Карпенко К.В. Роль конституционного контроля в развитии конституционного права Франции [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Константин Викторович Карпенко. – М., 2014. – 27 с.

312. Кокотова М.А. Проверка конституционности законов по обращениям граждан органами конституционного контроля России и Франции: сравнительно-правовое исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Мария Александровна Кокотова. – Екатеринбург, 2015. – 27 с.

313. Молотов А.В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Александр Владимирович Молотов. – Тюмень, 2003. – 22 с.

314. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Светлана Эдуардовна Несмеянова. – Екатеринбург, 2004. – 50 с.

315. Половченко К.А. Конституционная юстиция в России и Украине (сравнительно-правовой анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Константин Анатольевич Половченко. – М., 2003. – 28 с.

316. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Михаил Вячеславович Пресняков. – Саратов, 2010. – 46 с.

317 Романов М.Л. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник административного права [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Максим Леонидович Романов. – Саратов, 2011. – 26 с.

318. Свистунова М.А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального конституционного суда [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Мария Алексеевна Свистунова. – М., 2007. – 40 с.

319. Скворцов-Савельев И.А. Суды Российской Федерации как субъекты права законодательной инициативы федерального уровня (вопросы теории и практики) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Игорь Афиногенович Скворцов-Савельев. – СПб., 2010. – 25 с.

320. Соколов В.М. Принцип разделения властей: особенности и проблемы российской государственно-правовой модели [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Василий Михайлович Соколов. – М., 2011. – 28 с.

321. Суходольский Г.М. Конституционно-правовые основы взаимодействия в системе государственной власти Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Григорий Михайлович Суходольский. – Казань, 2019. – 29 с.

322. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Любовь Александровна Шарнина. – М., 2019. – 60 с.

323. Ярускин Р.С. Система процессуальных форм федерального судебного конституционного контроля в России: современное состояние, перспективы совершенствования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Роман Сергеевич Ярускин. – М., 2005. – 28 с.

Диссертации

324. Березин Ю.Б. Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах [Текст]: дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Юрий Борисович Березин. – Екатеринбург, 2006. – 234 с.

325. Григорьева Н.В. Место конституционной юстиции в системе органов государственной власти [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Наталья Владимировна Григорьева. – Чита, 2005. – 174 с.

326. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав) [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук 12.00.02 / Алексей Вячеславович Должиков. – СПб., 2022. – 1112 с.

327. Дробот С.Е. Принцип разделения властей и взаимодействия властей в системе российского конституционализма [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Семен Евгеньевич Дробот. – Челябинск, 2021. – 259 с.

328. Збарацкий Б.А. Конституционно-правовые основания участия органов судебной власти в законотворческом процессе России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Богдан Анатольевич Збарацкий. – М., 2022. – 250 с.

329. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Андрей Александрович Клишас. – М., 2007. – 571 с.

330. Овсепян Ж.И. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Жанна Иосифовна Овсепян. – М., 1994. – 451 с.

331. Петров А.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в доктрине и практике конституционного правосудия [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Алексей Александрович Петров. – Омск, 2019. - 569 с.

332. Тарибо Е.В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Евгений Васильевич Тарибо. – М., 2019. – 522 с.

333. Ултургашев П.Ю. Особые мнения судей в практике судебного конституционного контроля [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Павел Юрьевич Ултургашев. – М., 2022. – 185 с.

334. Швамонян Г.А. Конституционное правосудие Армении в системе разделения властей [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Гарик Азатович Швамонян. – М., 2000. – 207 с.

335. Шустров Д.Г. Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Дмитрий Германович Шустров. – М., 2021. – 570 с.

IX. Учебники, учебные пособия, словари

336. Административное право [Текст]: учеб. / под ред. Л.Л. Попова. – М.: Юрист, 2005. – 697 с.

337. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь [Текст] / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.

338. Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в практике судов общей юрисдикции [Текст]: учебно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов, О.А. Егорова. – М.: Проспект, 2015. – 240 с.

339. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 790 с.

340. Большой психологический словарь [Текст]: справочное издание / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2005. – 672 с.

341. Воеводин Л.Д., Златопольский Д.Л. Государственное право зарубежных социалистических стран [Текст]: учеб. для вузов / Л.Д. Воеводин, Д.Л. Златопольский. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 478 с.

342. Востриков П.П. Правовые основы конституционного контроля [Текст]: учебное пособие / П.П. Востриков. – Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. – 196 с.

343. Даниленко В.И. Современный политический словарь [Текст] / В.И. Даниленко. – М.: Nota Bene, 2000. – 1024 с.

344. Действие права. Реализация права. Теория государства и права [Текст]: учеб. / под. ред. В.К. Бабаева. – М., 1999. – 715 с.

345. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России [Текст]: учеб. / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2013. – 565 с.

346. Конституционное правосудие [Текст]: учеб. / под ред. Г.А. Василевича. – Минск: Выш. шк., 2019. – 367 с.

347. Конституционный контроль в зарубежных странах [Текст]: учеб. для вузов / отв. ред. В.В. Маклаков. – М.: Норма, 2007. – 656 с.

348. Конституционный судебный процесс [Текст] / отв. ред. М.С. Саликов. – М., 2003. – 416 с.

349. Конституционный судебный процесс [Текст]: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры / М.Л. Белых, С.В. Белых, А.Ю. Головова [и др.]. – 4-е издание, перераб. и доп. – М.: Норма, 2023. – 392 с.

350. Коузер Л.А. Основы конфликтологии [Текст] / пер. с англ. А.А. Крашевского, М.В. Сорокина. – СПб.: Светлячок, 1999. – 189 с.

351. Кравец И.А. Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса [Текст] / И.А. Кравец. – М.: Юстицформ, 2017. – 399 с.

352. Крусс В.И. Злоупотребление правом [Текст]: учебное пособие / В.И. Крусс. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 176 с.

353. Марченко М.Н. Теория государства и права [Текст]: Хрестоматия. В 2-х т. / М.Н. Марченко. – М.: Городец, 2004. – Т. 1. – 895 с.

354. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства [Текст]: учебник для юридических вузов и факультетов / В.С. Нерсисянц. – М.: Норма. Инфра-М, 2021. – 560 с.

355. Общая теория государства и права [Текст]: академ. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2016. – Т.1. – 576 с.

356. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1995. – 907 с.

357. Остапович И.Ю. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения [Текст]: учеб. пособие / И.Ю. Остапович. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 230 с.

358. Права человека [Текст]: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2015. – 512 с.

359. Проблемы общей теории права и государства [Текст]: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2018. – 816 с.

360. Радько Т.Н. Теория права и государства в схемах и определениях [Текст]: учеб. пособие / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2011. – 135 с.

361. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – Кн. 2. Н-Я. – С. 1104.

362. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации [Текст]: учеб. пособие для вузов / В.М. Савицкий. – М.: БЕК, 1996. – 320 с.

363. Сафонов В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть [Текст]: учеб. для вузов / В.Е. Сафонов. – М.: Юрайт, 2020. – 351 с.

364. Социологический словарь [Текст] / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 606 с.

365. Старилов Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Книга вторая: Формы и методы управленческих действий. Правовые акты управления. Административный

договор. Административная юстиция [Текст] / Ю.Н. Старилов. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 430 с.

366. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской книги, 2008. – 959 с.

367. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология [Текст]: учеб. пособие / В.Ф. Халипов. – М.: Ось-89, 2008. – 448с.

368. Чудаков М.Ф. Конституционное право зарубежных стран [Текст] / М.Ф. Чудаков. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. – 477 с.

369. Экштайн К. Основные права и свободы [Текст]: учебное пособие для вузов / К. Экштайн. – М.: Nota bene, 2004. – 496с.

370. Этимологический словарь русского языка [Текст] / сост. Г.А. Крылов. – СПб.: Victory, 2004 (ГПП Печ. Двор). – 428 с.

Х. Специальная литература, научные статьи на иностранных языках

371. Avril P., Gicquel J. Le Conseil constitutionnel (на фр. яз.) [Текст] / P. Avril, J. Gicquel. – Paris, 2011. – 160 p.

372. Balkin J.M. Framework Originalism and the Living Constitution (на англ. яз.) [Текст] / J.M. Balkin // Northwestern University Law Review. – 2009. – Vol. 103. – No 2. – P. 549-614.

373. Crocker C., Hampson F.O. (eds.) Managing Global Chaos: Sources of the Response to International Conflict (на англ. яз.) [Текст] / C. Crocker, F.O. Hampson. – Washington: US Institute of Peace Press, 1996. – 638 p.

374. Garvey J.H., Aleinikoff T.A. Modern Constitutional Theory: a reader (на англ. яз.) [Текст] / J.H. Garvey, T.A. Aleinikoff. – St. Paul, Minn: West Group, 1999. – P. 12.

375. Ilichir I. Le Président de la République et le Conseil constitutionnel (на фр. яз.) [Текст] / Ilichir I. – Paris, 1998. – 217 p.

376. Leclercq C. Droit constitutionnel et institutions politiques (на фр. яз.) [Текст] / C. Leclercq. – Paris, 1999. – 615 p.

377. Robertson D. The Judge as political Theorist: Contemporary Constitutional Review (на англ. яз.) [Текст] / D. Robertson. – Princeton, 2010. – P. 1-39.

378. Tate and Vallinder (eds.). Global Expansion of Judicial Power (на англ. яз.) [Текст] – New York: New York University Press, 1997. – 570 p.

379. The Marshall Court, 1801-1835 (на англ. яз.) [Электронный ресурс] // URL: <http://supremecourthistory.org> (дата обращения: 15.12.2021).

380. Tanchev E. Genesis and evolution of constitutional review (issues of constitutional control in comparative and Bulgarian prospective) (на англ. яз.) [Текст] / E. Tanchev // Classical and modern trends in constitutional review. 20th anniversary of the Constitutional Court of the Republic of Bulgaria. – Sofia: Feneya, 2012. P. 13-19.

381. Weber M. The theory of Social and Economic Organization (на англ. яз.) [Текст] / M. Weber. – New York: Oxford University Press, 1947. – 449 p.

XI. Электронные Интернет-ресурсы

382. Арутюнян Г.Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации [Электронный ресурс] // URL: https://concourt.am/pdf/uploads/6246bf678_2010-11-04-ru.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

383. Данные всероссийского телефонного опроса омнибусного типа по методике «ВЦИОМ-СПУТНИК» об отношении граждан Российской Федерации к деятельности судебной власти, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.06.2022).

384. Доклад Конституционного Суда Республики Молдова об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.constcourt.md> (дата обращения: 12.06.2022).

385. Ежегодная пресс-конференция Президента Российской Федерации В.В. Путина от 23.12.2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/event/president/news/67438> (дата обращения: 13.02.2022).

386. Информационно-аналитические отчеты об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2012-2021 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Maintenance/Documents> (дата обращения: 09.08.2022).

387. Информация Конституционного Суда Российской Федерации: «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобreno решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Anniversary/Documents> (дата обращения: 05.02.2023).

388. Конституция РФ: наши права и свободы. Аналитический обзор Всероссийского центра измерения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 07.03.2022).

389. Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации (по сост. на 15.07.2022) [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.gov.ru/pages/monitoring-pravoprimeneniya-ks-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 18.08.2022).

390. Опрос общественного мнения «Рейтинг поправок к Конституции» [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews> (дата обращения: 18.08.2022).

391. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 30.12.2022).

392. Официальный сайт Конституционного Совета Франции [Электронный ресурс] // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 30.12.2022).

393 Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения 16.08.2022).

394. Обзор Конституционного Суда Австрии (Verfassungsgerichtshof: Überblick) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vfgh.gv.at> (дата обращения: 10.08.2022).

395. Официальный Интернет-сайт Центра стратегических разработок (ЦСР) Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://www.csr.ru> (дата обращения: 10.08.2022).

396. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/event/president/messages/62582> (дата обращения: 13.02.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Данные об отношении граждан Российской Федерации к деятельности
института судебной власти Российской Федерации за период
31.01.2020 - 31.05.2022 гг.¹**

Период ²	Одобрят (%)	Не одобряют (%)
31.01.2020	34,7	40,6
30.06.2020	36	37,3
31.12.2020	35,4	42,2
31.05.2021	32,4	44,5
31.10.2021	36,7	38,2
28.02.2022	33,5	37,8
31.03.2022	36,2	33
30.04.2022	37,4	31,3
31.05.2022	37,4	31,5

¹ По данным всероссийского телефонного опроса по методике «ВЦИОМ-СПУТНИК» 1600 респондентов, представляющих не менее, чем 80 регионов Российской Федерации, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения, опубликованным на сайте [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru> (дата обращения 27.06.2022).

² Желтым цветом отмечены периоды, взятые за основу авторского расчета Индекса одобрения деятельности института судебной власти, представленного на диаграммах.

**Перечень стран, в которых применяется модель специализированного
судебного конституционного контроля¹**

№ п/п	Наименование государства	Полномочный орган
1.	Абхазия	Конституционный Суд
2.	Австрия	Конституционный Суд
3.	Азербайджан	Конституционный Суд
4.	Албания	Конституционный Суд
5.	Ангола	Конституционный Трибунал
6.	Андорра	Конституционный Суд
7.	Армения	Конституционный Суд
8.	Бахрейн	Конституционный Суд
9.	Беларусь	Конституционный Суд
10.	Бельгия	Конституционный Суд
11.	Болгария	Конституционный Суд
12.	Боливия	Многонациональный Конституционный Трибунал
13.	Босния и Герцеговина	Конституционный Суд
14.	Буркина-Фасо	Конституционный Суд
15.	Венгрия	Конституционный Суд
16.	Габон	Конституционный Суд
17.	Гватемала	Конституционный Суд
18.	Гвинея	Конституционный Суд
19.	Германия	Конституционный Суд
20.	Греция	Особый Высший Суд Греции
21.	Демократическая Республика Конго	Конституционный Суд
22.	Доминиканская Республика	Конституционный Суд
23.	Египет	Высший Конституционный Суд
24.	Замбия	Конституционный Суд
25.	Индонезия	Конституционный Суд
26.	Иордания	Конституционный Суд Иорданского Хашимитского Королевства
27.	Испания	Конституционный Суд
28.	Италия	Конституционный Суд
29.	Казахстан	Конституционный Суд ²

¹ Данный перечень не носит характер исчерпывающего, а является лишь результатом нашей попытки проанализировать основные современные правовые системы организации специализированного судебного конституционного контроля в мире. Поэтому количественный показатель отмеченных в нем стран может разниться с данными, представленными в исследованиях других авторов. См., например: Арутюнян Г.Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации [Электронный ресурс] // URL: https://concourt.am/pdf/uploads/6246_2010-11-04-ru.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

² В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Республики Казахстан решением референдума от 05 июля 2022 года, Конституционный совет Республики трансформируется в Конституционный Суд.

30.	Киргизия	Конституционный Суд
31.	Колумбия	Конституционный Суд
32.	Конго-Браззавиль	Конституционный Суд
33.	Косово	Конституционный Суд
34.	Латвия	Конституционный Суд
35.	Литва	Конституционный Суд
36.	Люксембург	Конституционный Суд
37.	Мадагаскар	Высокий конституционный Суд
38.	Мали	Конституционный Суд
39.	Молдова	Конституционный Суд
40.	Монголия	Конституционный Суд
41.	Мьянма	Конституционный трибунал Республики Союза Мьянмы
42.	Нигер	Конституционный Суд
43.	Перу	Конституционный Суд
44.	Польша	Конституционный Трибунал
45.	Португалия	Конституционный Суд
46.	Российская Федерация	Конституционный Суд
47.	Румыния	Конституционный Суд
48.	Сан-Томе и Принсипи	Конституционный Суд
49.	Северная Македония	Конституционный Суд
50.	Сербия	Конституционный Суд
51.	Словакия	Конституционный Суд
52.	Словения	Конституционный Суд
53.	Таджикистан	Конституционный Суд
54.	Таиланд	Конституционный Суд
55.	Того	Конституционный Суд
56.	Турция	Конституционный Суд
57.	Узбекистан	Конституционный Суд
58.	Украина	Конституционный Суд
59.	Хорватия	Конституционный Суд
60.	Чешская Республика	Конституционный Суд
61.	Черногория	Конституционный Суд
62.	Чили	Конституционный Трибунал
63.	Эквадор	Конституционный Суд
64.	Южная Корея	Конституционный Суд
65.	Южно-Африканская Республика	Конституционный Суд

**Перечень стран, в которых применяется модель неспециализированного
судебного конституционного контроля¹**

№ п/п	Наименование государства	Полномочный орган
1.	Австралия	Высокий Суд Австралии
2.	Антигуа и Барбуда	Восточно-Карибский Верховный Суд
3.	Аргентина	Верховный Суд правосудия Нации Аргентинской Республики
4.	Багамы	Верховный Суд Багамских островов
5.	Бангладеш	Верховный Суд Бангладеш
6.	Барбадос	Верховный Суд Судебной власти Барбадоса
7.	Белиз	Верховный Суд Белиза
8.	Бенин	Верховный Суд Бенина
9.	Ботсвана	Верховный Суд Ботсваны
10.	Бразилия	Верховный Суд Федеративной Республики Бразилия
11.	Венесуэла	Конституционная Палата Высшего трибунала правосудия Боливарианской Республики Венесуэла ²
12.	Гамбия	Верховный Суд Гамбии
13.	Гана	Верховный Суд Ганы
14.	Гондурас	Конституционная Палата Верховного Суда Гондураса
15.	Гренада	Восточно-Карибский Верховный Суд
16.	Дания	Верховный Суд Королевства Дания
17.	Доминика	Восточно-Карибский Верховный Суд ³
18.	Занзибар	Верховный Суд Занзибара
19.	Израиль	Верховный Суд Государства Израиль
20.	Индия	Верховный Суд Республики Индия
21.	Ирак	Федеральный Верховный Суд Республики Ирак
22.	Ирландия	Верховный Суд Ирландии

¹ Данный перечень не носит характер исчерпывающего, а является лишь результатом нашей попытки проанализировать основные современные правовые системы организации неспециализированного конституционного контроля в мире. Поэтому количественный показатель отмеченных в нем стран может разниться с данными, представленными в исследованиях других авторов. См., например: Арутюнян Г.Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации [Электронный ресурс] // URL: https://concourt.am/pdf/uploads/6246_2010-11-04-ru.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

² Зеленым цветом выделены страны, в которых неспециализированный конституционный контроль осуществляется судьями, входящими в специализированную Палату по конституционному правосудию Высшей судебной инстанции ординарного правосудия государства.

³ Красным цветом выделены страны, в которых неспециализированный конституционный контроль осуществляется единым международным органом - Восточно-Карибским Верховным Судом.

23.	Исландия	Верховный Суд Исландии
24.	Камерун	Верховный Суд Камеруна
25.	Канада	Верховный Суд Канады
26.	Кения	Верховный Суд Кении
27.	Кипр	Верховный Суд Республики Кипр
28.	Лесото	Высокий Суд Лесото
29.	Лихтенштейн	Государственный Суд Лихтенштейна
30.	Маврикий	Верховный Суд Маврикия
31.	Малави	Верховный Суд Малави
32.	Малайзия	Федеральный Суд Малайзии
33.	Мальдивы	Верховный Суд Мальдив
34.	Мексика	Верховный Суд Мексиканских Соединенных Штатов
35.	Монако	Верховный Суд Княжества Монако
36.	Намибия	Верховный Суд Намибии
37.	Нигерия	Верховный Суд Нигерии
38.	Никарагуа	Конституционная Палата Верховного Суда Никарагуа
39.	Нидерланды	Верховный Суд Королевства Нидерландов
40.	Новая Зеландия	Высокий Суд Новой Зеландии
41.	Норвегия	Верховный Суд Королевства Норвегия
42.	Пакистан	Верховный Суд Исламской Республики Пакистан
43.	Панама	Верховный Суд Правосудия Республики Панама
44.	Папуа-Новая Гвинея	Верховный Суд Папуа-Новой Гвинеи
45.	Парагвай	Верховный Суд Парагвая
46.	Пуэрто-Рико	Верховный Суд Пуэрто-Рико
47.	Руанда	Верховный Суд Раунды
48.	Самоа	Верховный Суд Самоа
49.	Сейшельские острова	Верховный Суд Сейшельских островов
50.	Сент-Люсия	Восточно-Карибский Верховный Суд
51.	Сент-Винсент и Гренадины	Восточно-Карибский Верховный Суд
52.	Сент-Китс и Невис	Восточно-Карибский Верховный Суд
53.	Сингапур	Верховный Суд Сингапура
54.	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	Верховный Суд Соединённого Королевства
55.	США	Верховный Суд Соединенных Штатов Америки
56.	Сьерра-Леоне	Верховный Суд Сьерра-Леоне
57.	Тайвань	Судебный Юань
58.	Танзания	Апелляционный Суд Танзании
59.	Тринидад и Тобаго	Верховный Суд Тринидад и Тобаго
60.	Уганда	Верховный Суд Уганды
61.	Уругвай	Верховный Суд Уругвая
62.	Фиджи	Высокий Суд Фиджи
63.	Филиппины	Верховный Суд Филиппин
64.	Финляндия	Верховный Административный Суд Финляндской Республики

65.	Швейцария	Федеральный Суд Швейцарской Конфедерации
66.	Швеция	Верховный Суд Швеции
67.	Эль-Сальвадор	Верховный Суд Эль-Сальвадора
68.	Эсватини	Верховный Суд Королевства Эсватини
69.	Эстония	Судебная коллегия конституционного надзора Государственного Суда Эстонской Республики
70.	Ямайка	Верховный Суд Ямайки
71.	Япония	Верховный Суд Японии

**Перечень стран, в которых применяется модель специализированного
внесудебного конституционного контроля
(в том числе «квазисудебного»)¹**

№ п/п	Наименование государства	Полномочный орган
1.	Алжир	Конституционный совет Алжира
2.	Буркина-Фасо	Конституционный совет Буркина-Фасо
3.	Иран	Совет по охране Конституции (Совет стражей, охранников)
4.	Королевство Камбоджа	Конституционный совет Королевства Камбоджи
5.	Кот-д'Ивуар	Конституционный совет Республики Кот-д'Ивуар
6.	Ливан	Конституционный Совет Ливанской Республики
7.	Мавритания	Конституционный совет Исламской Республики Мавритания
8.	Марокко	Конституционный совет Королевства Марокко
9.	Мозамбик	Конституционный совет Королевства Мозамбик
10.	Сенегал	Конституционный совет Республики Сенегал
11.	Тунис	Конституционный совет
12.	Франция	Конституционный совет
13.	Шри-Ланка	Конституционный совет
14.	Чад	Конституционный совет
15.	Эфиопия	Совет конституционного расследования

¹ Данный перечень не носит характер исчерпывающего, а является лишь результатом нашей попытки проанализировать основные современные правовые системы организации специализированного внесудебного конституционного контроля в мире. Поэтому количественный показатель отмеченных в нем стран может различаться с данными, представленными в исследованиях других авторов. См., например: Арутюнян Г.Г. Особенности функционирования конституционных судов в условиях общественной трансформации [Электронный ресурс] // URL: https://concourt.am/pdf/uploads/6246_2010-11-04-ru.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

Мониторинг решений Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ), содержащих предписание об изменении порядка правового регулирования по отдельным вопросам федерального и регионального нормотворчества, за период 2012-2021 гг.¹

Год принятия решения	Всего принято решений (из них постановлений)	Содержат обязательное предписание	Содержат рекомендательное предписание	Не исполнено обязательных предписаний КС РФ
2012	2591 (34)	23	12	1
2013	2308 (30)	21	10	1
2014	3118 (33)	19	8	0
2015	3145 (34)	18	12	3
2016	2916 (28)	21	4	1
2017	3867 (40)	16	10	2
2018	3537 (47)	18	16	1
2019	3681 (41)	18	6	3
2020	3205 (50)	24	14	4
2021	3132 (55)	26	14	17
Итого	31500 (392)	204	106	33

¹ В данном мониторинге под «решениями» понимается вся совокупность видов резолютивных актов, выносимых Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного конституционного контроля: постановления, определения, заключения. Все количественные показатели подсчитаны нами самостоятельно по состоянию на 15.07.2022 г., исходя из данных, представленных на официальном сайте Конституционного Суда России // <https://ksrf.ru> (дата обращения 16.08.2022 г.), а также Мониторинга правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации, представленного на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации (по сост. на 15.07.2022) [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/monitoring-pravoprimereniya-reshenij-konstitucionnogo-suda-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 18.08.2022).

**Количественный показатель доли постановлений, вынесенных
Конституционным Судом Российской Федерации в порядке
судебного конституционного контроля (в %), за период 2012-2021 гг.¹**

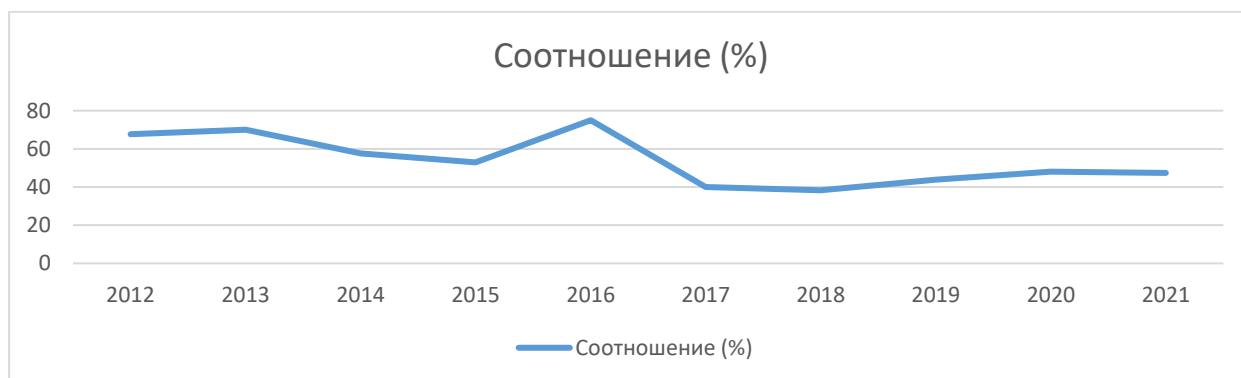
Год	Всего решений	Постановлений	Соотношение (%)
2012	2591	34	1,3
2013	2308	30	1,3
2014	3118	33	1,05
2015	3145	34	1,08
2016	2916	28	0,96
2017	3867	40	1,03
2018	3537	47	1,3
2019	3681	41	1,1
2020	3205	50	1,6
2021	3132	55	1,8

¹ В данном мониторинге под «решениями» понимается вся совокупность резолютивных актов, выносимых Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного конституционного контроля: постановления, определения, заключения. Все количественные показатели подсчитаны нами самостоятельно, исходя из данных, представленных на официальном сайте Конституционного Суда России за отчетный десятилетний период: с 2012 по 2021 гг. [Электронный ресурс] // URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения 16.08.2022).

**Количественный показатель доли постановлений, вынесенных
Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного
конституционного контроля и содержащих обязательное предписание о
внесении изменений в порядок правового регулирования,
за период 2012-2021 гг.¹ (в %)**

Год	Всего постановлений	Постановлений, в которых предписано внесение изменений в порядок правового регулирования	Соотношение (%)
2012	34	23	67,6
2013	30	21	70
2014	33	19	57,6
2015	34	18	52,9
2016	28	21	75
2017	40	16	40
2018	47	18	38,3
2019	41	18	43,9
2020	50	24	48
2021	55	26	47,3

¹ В данном мониторинге под «решениями» понимается вся совокупность резолютивных актов, выносимых Конституционным Судом Российской Федерации в порядке судебного конституционного контроля: постановления, определения, заключения. Все количественные показатели подсчитаны нами самостоятельно, исходя из данных, представленных на официальном сайте Конституционного Суда России за отчетный десятилетний период: с 2012 по 2021 гг. [Электронный ресурс] // URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения 16.08.2022).